

О Р Е Ш Е Н И Я
П Р О С Т Р А Н А М
В О С С Т О Ж А

В. Мейн:

ПОЙМАННОЕ СОЛНЦЕ

Annotation

Журналист ГДР рассказывает о современной Индии, и которой до сих пор кое-где соседствуют средневековые и современность. Читатель побывает вместе с автором в Гоа, во дворце президента Индии, на пестрых и шумных восточных базарах, в гостях у докеров и рыбаков. Описывая природу страны и ее замечательные архитектурные памятники, автор рассказывает также о социальных противоречиях и преобразованиях.

- [Вилли Мейнк](#)
 - [Пойманное солнце](#)
 - [Коммерсант](#)
 - [Интервью](#)
 - [Ангел на куске фанеры](#)
 - [В тени Шивы](#)
 - [Намасте!](#)
 - [Молитва сотен тысяч](#)
 - [Аромат сандаловой коробочки](#)
 - [Город черной богини](#)
 - [Золотое платье](#)
 - [Сражение камнями](#)
 - [For a living\[1\]](#)
 - [Баскетбой\[2\]](#)
 - [Золотой Гоа](#)
 - [Добрый, старый автомобиль](#)
 - [На пароме](#)
 - [Нападение в Бетиме](#)
 - [Одну рупию, ссиб!](#)
 - [Water polished?\[3\]](#)
 - [У парикмахера](#)
 - [Поэзия на балконе](#)

- [Старый Гоа](#)
- [На Алтинхо](#)
- [Хиппи](#)
- [Керала](#)
- [Саб чальта хей!](#)[\[4\]](#)
- [Прием во дворце «Раштрапати Бхаван»](#)[{62}](#).
- [Ночные встречи](#)
- [Тривандрам](#)
- [«Чеммин»](#)
- [Деревня горшечников](#)
- [Г. Г. Котовский](#)
-
-
-
-
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
- [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)

- [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
-

Вилли Мейнк

Пойманное солнце

Пойманное солнце

Помнится, началось это очень давно, еще в детстве, с книги, название которой я уже забыл; с ее гляцевитой суперобложки смотрело на меня лицо индианки. На лбу ее — красный кум-кум^{1}, который словно переносил молодую женщину из реальной действительности в недостижимые дали. Книга заставила меня купить глобус и долго обводить пальцем рельеф Декана, читать другую литературу по Индии и под парусами бумажного кораблика совершить воображаемое плавание по Индийскому океану.

Индианка на обложке сопровождала меня до аэропорта Палам^{2}, где я приземлился совершенно заспанный. По дороге в отель я увидел, как над куполом президентского дворца возшло солнце, и, полный ожиданий, устремился ему навстречу.

Я приехал в Индию из страны, где деревья еще не оделись в листву. В первую ночь мне ничего особенного не снилось. Было приятно лежать в постели, укрывшись всего лишь полотняной простыней, и думать о том, что перед гостиницей раскинулся зеленый газон с цветущей клумбой и цветущим кустарником. Эти мысли навеяли сон, и я был убежден, что заслужил его, совершив прыжок из аэропорта Шёнефельд^{3} через Москву над Крышей мира^{4} в Дели.

Впрочем, была ночь, необычно темная ночь. Я задремал еще в самолете, и мне временами казалось, что я все еще парю над Крышей мира.

Итак, мне неплохо спалось в эту первую ночь в Дели. Когда на следующее утро, позавтракав, я уселся за стол под большим деревом, солнце палило уже вовсю. Передо мной стоял парикмахер из отеля и предлагал постричься; здесь же пристроился

чистильщик со своим ящиком. Отделавшись от парикмахера, я сказал чистильщику, что ботинки мне уже привели в порядок в отеле и они блестят как никогда раньше. И тем не менее чистильщик взялся за мои ботинки и немедленно потребовал завышенную плату: он сразу понял, что я здесь новичок.

Я шел через Джан-Патх^{5} к площади Коннаут-Плейс. Все вокруг казалось необычайно ярким: сари^{6} женщин, дхоти^{7} мужчин, тюрбаны и бороды сикхов^{8}, сувенирные лавки тибетцев^{9}, торговавших богами, масками и драгоценными камнями, воздушные шары в магазинах игрушек и белые колонны Коннаут-Плейс с магазинами под тенистыми аркадами.

Столица Индии словно выросла в долину реки Джамны. Она сохранила следы тысячелетнего градостроительства и различных нашествий: дворцы, форты, древние индуистские храмы, культовые постройки сикхов и джайнов, замки, мечети, минареты времен мусульманских завоевателей; правительственные здания, памятники, страховые компании и банки — свидетели британского колониализма.

Дели в действительности состоит из двух городов. Есть старый Дели Моголов, воздвигнутый в семнадцатом веке Шах-Джаханом, властителем, построившим в Агре для Мумтаз Махал, своей любимой жены, гробницу из белого мрамора — знаменитый Тадж Махал. И есть новый Дели, заверченный строительством к концу тридцатых годов девятнадцатого века по проекту английских архитекторов индийскими ремесленниками, с колоннадами огромной Коннаут-Плейс, памятниками английским правителям, административными зданиями, президентским дворцом, просторными жилыми

кварталами для богатых, городским парком и районом дипломатических миссий.

Современный Дели — это попытка отделить Запад от Востока. Граница проходит через город, и действительно, выходя на главную улицу старого Дели, Чандни-Чоук^{10}, чувствуешь себя перенесенным из нашего времени в средневековье. Говорят, что Чандни-Чоук когда-то была самой богатой улицей мира, но, несмотря на ювелирные изделия и бриллианты, украшения из золота, серебра и слоновой кости, которые выставляют здесь на базарах торговцы и ювелиры, Чандни-Чоук со своей сетью узких переулков в первую очередь была и остается местом жительства простого народа.

Линия, разделяющая Запад и Восток, проходит по центру города. Я все же не могу назвать ее границей: ведь не здания, а люди определяют лицо города. А когда идешь по широким торговым улицам Нового Дели, то встречаешь тех же людей, что и в старой части города: индусов, мусульман, сикхов, буддистов в ярких одеждах традиционного типа или в узких пенджабских брюках, в доверху застегнутых сюртуках и «гандистских» шапочках^{11}. Как и в старой части города, яркие одежды женщин вносят разнообразие в оживленное движение на улицах.

Коммерсант

И все же в столице Индийского Союза повсюду встречаются следы того беспощадного противоречия, которое делит его на два мира, резко отличающихся друг от друга. На пути к парку Будды я окунулся в безмолвие квартала вилл, где отсчитывает время вода изящных журчащих фонтанов, где нет тощих коров и взъерошенных кошек, нет бездомных собак, крыс или коршунов, где вместо повозок, запряженных быками или людьми, по асфальтированным улицам несутся автомашины, оборудованные кондиционерами. Я видел лицо американского дельца за стеклом элегантного автомобиля и уверен, что никогда его не забуду. По выражению светлых глаз, мелькнувших, казалось бы, совсем близко от меня, я понял, что мимо него, словно в пестром аквариуме, проплывает чуждый ему мир.

Я посмотрел вслед автомобилю, и у меня возникло такое чувство, что для этого коммерсанта Индия была очень далека. Конечно, он знал страну, считался даже «специалистом по Индии», представляя один американский концерн, вложивший сюда, так же как когда-то британская Ост-Индская компания, свои капиталы, и тем не менее я ясно чувствовал, что глаза эти никогда не поймут страну.

Размышляя в городском парке, я подумал, что, хотя все это показалось мне сначала немного странным, на самом деле ничего странного, собственно, здесь и нет, а что это всего лишь примечательная деталь, дающая возможность понять ситуацию в большой стране, которая со времени освобождения от британского господства стремилась сохранить завоеванную ценой больших жертв независимость и пойти по своему собственному пути.

Интервью

Прогулка по городу утомила меня. Был уже полдень, термометр показывал тридцать четыре градуса по Цельсию. Когда после ленча я наконец добрался до своей комнаты и в изнеможении опустился на кровать, то почувствовал, что глаза мои закрываются сами собой. Но не успел я заснуть, как меня разбудил телефон. Звонил репортер из «Стейтсмана»^{12}. Представившись, он сообщил, что ждет в кафе-баре и просит дать ему интервью. Я попытался найти какую-либо отговорку, но было уже поздно и мне все равно не удалось бы уговорить индийского репортера подождать до завтра.

В баре ожидал приветливый молодой человек. Он по-деловому взглянул на меня и осведомился, что я собираюсь делать в Индии. Пока я отвечал на вопрос, из-за угла появился похожий на тень человек и направил на меня объектив камеры. Что-то сверкнуло, мы выпили по бокалу оранжада, и интервью было закончено.

Через три дня в рубрике «Мимоходом» газеты «Стейтсмен» я прочел о себе, что восхищаюсь великой древней культурой Индии и приехал сюда для изучения повседневной жизни населения городов и деревень и что считаю основной целью своих книг рассказ о мире как очаге взаимопонимания, где дети всех народов могут жить в дружбе и согласии.

Я охотно еще раз пожал бы руку репортеру, но мои дни в столице настолько заполнены, что трудно выкроить даже несколько минут, не говоря уже о часах, для прогулки по городу.

Ангел на куске фанеры

Вторую половину дня перед поездкой в Кхаджурахо^{13} я провел в кафе на площади Коннаут-Плейс, где встречаются писатели и журналисты Дели и где, несмотря на шумные разговоры, можно чувствовать себя в чудесном одиночестве.

Я слышал, как журналисты за соседним столом громко и горячо спорили о положении в мире и в Индии, об Индии и о положении в мире. А за окнами проходили нескончаемые, напоенные красками будни столицы: красота и богатство, соседствующие с горькой бедностью, и странно, как близко и дорого стало мне это сосуществование древности, средневековья и современности. Шум вокруг меня все усиливался, и мне показалось, что я слышу индийскую музыку, которая звучала то громко, то снова тихо, и воспринималась мною очень своеобразно, как и многое другое, в чем я пока еще не мог разобраться.

Я пробрался между столиками к выходу и вздохнул свободнее, оказавшись на улице. Приближался вечер. Торговцы сидели в своих узеньких лавочках и смотрели на улицу. Вечно одна и та же картина, ничего нового здесь для них не было.

Для меня же улица была жизнью, движущейся и шумной и, несмотря ни на что, обнадеживающей. Все, о чем мог рассказать город, давала улица: просторная и тесная, голодная и изобильная, красивая и уродливая, вселяющая страх и надежду.

Перед витриной с шелковыми сари сидела молодая женщина из Ориссы^{14}. А рядом с ней на куске фанеры дремал ее бедный голенький сын, глянцеvито-черный, хорошо сложенный, как будто изваянный скульптором.

Он лежит на спине, раскинув ноги, и ни застывшие улыбки манекенов в витринах, ни голоса, ни шум, ни сирены автомобилей, ни звонки многочисленных велосипедов не могут нарушить его сон.

Ангел на куске фанеры, маленький бог, упавший на землю с индийского неба.

Я посмотрел через аркады на солнце над башнями и увидел, как наступает вечер. Хотя ветер стих, воздух казался подвижным, и люди на улице в своих развевающихся одеждах вдруг куда-то заспешили, как будто хотели убежать от темноты. Я остановился в тени. Молодая мать сидела на корточках на мостовой, и все краски вечера были ей безразличны; ей все было безразлично, пока ее малыш спал.

Солнце уже зашло. В колоннадах Коннаут-Плейс зажигались неоновые огни. Молодая мать укрыла мальчика, напомнившего мне легенду, тонким платком. Я чего-то ждал, но ничего особенного не произошло. Мимо меня спешили люди. Мои мысли были далеко, я пытался связать прошлое с настоящим.

Пятьдесят лет назад здесь не было ничего, кроме пыльной равнины, и мне казалось, что время не ушло вперед, несмотря на дома и колоннады, окружавшие широкие площади; несмотря на академии, лаборатории, фабрики и сталелитейные заводы, возведенные за последние двадцать лет; несмотря на атомный реактор, строительство которого завершалось в эти дни.

Улица в огнях реклам выглядела фантастически, и хотя на ней бурлила жизнь, она казалась мне воплощением классической индийской драмы с любовными приключениями и интригами богов и королей.

Я продолжал стоять на том же месте, когда увидел женщину в расшитом золотом сари, выходящую из магазина. На ней было кольцо из сверкающих бриллиантов, золотые подвески доходили до плеч.

Проходя мимо своей темнокожей сестры, сидевшей на мостовой, она бросила беглый взгляд на спящего ребенка. Мальчик зашевелился, но женщина этого не заметила. Заметила мать и склонилась над своим ребенком.

В тени Шивы

Кхаджурахо — город, название которого каждый индеец произносит с благоговением. Он олицетворяет собой чудо индийской архитектуры и скульптурного искусства времен династии Чанделлов.

У меня был всего один день для знакомства с Кхаджурахо. И когда я увидел на карте авиационную линию Дели — Кхаджурахо — Дели, мне показалось невероятным, что я сумею за один-единственный короткий день пролететь восемьсот километров, проехать сто километров на автобусе, в желтых сумерках постоять в индусском храме перед тенями Кали и Шивы, а вечером снова вернуться в Дели и присутствовать на обеде у Шанкара Пиллаи, директора Издательства детской литературы.

В половине восьмого двухмоторный самолет поднялся в воздух и через два часа опустился на твердую почву аэродрома в Панна^{15}. Итак, я очутился в самом сердце Индии, в четырехстах километрах юго-восточнее Дели. Солнце жгло немилосердно, воздух дрожал над раскинувшимися по обе стороны дороги полями с сочными темно-зелеными хлебами высотой до колена. Раскаленный ветер колыхал молодые колосья и задувал в открытые окна автобуса, на котором туристы приехали в Кхаджурахо. Низко склоненные ветви деревьев касались его крыши. Вдруг откуда-то появилась голова слона, и серое туловище чуждого светских манер великана потерлось складчатой кожей о корпус автобуса.

В Кхаджурахо, столице средневекового королевства десятого-одиннадцатого веков, царила деревенская тишина. Мы остановились на базарной площади с замершими в каком-то полусне лавочками, где

продаются фотопленка, зеленый, красный и желтый лимонад, открытки и сувениры. Гид сообщил, что из пятидесяти восьми храмов в хорошем состоянии сохранились только двадцать два.

После гибели империи Чанделлов храмы были преданы забвению, и лишь во второй половине девятнадцатого века о них снова вспомнили.

Было одиннадцать часов, когда я в составе группы из пятидесяти туристов спускался по широкой улице к храмам, расположенным в западной части города.

Я увидел освещенные солнцем силуэты башен мощного сооружения, закрывавшего небо. Впечатление было настолько сильным, что разговоры мгновенно смолкли. Молча направились мы к храму, слушая гида, который пояснял, что храм Кандарья Махадео был построен в десятом веке в честь бога Шивы. Сооружение возвышается над каменной террасой. Издали мне показалось, что оно высечено из черного гранита, но по мере того как я к нему приближался, темный силуэт постепенно светлел, приобретая цвет желтоватой кожи. В конце концов я понял, что храм построен из песчаника.

Перед западной стеной Кандарья Махадео я остановился; в полуденном зное, нависшем над равниной, слышался шепот и медленно удаляющиеся шаги туристов. Наконец я один. Восхищенно рассматриваю камень, превращенный в скульптуру, равной которой по выразительности я еще не видел в своей жизни. Свободного пространства на стенах не осталось, плотно друг к другу стояли фигуры танцовщиц, придворных дам, музыкантов, порхающих нимф; вселяющие ужас крокодилы, влюбленные пары, князья, воины, цветочные орнаменты — все это воплощало индусский идеал красоты. Здесь были и пышногрудые женщины — только что пробудившиеся ото сна, купающиеся, танцующие, вытаскивающие из

пятки занозу или лежащие в страстных объятиях, предаваясь индусскому искусству любви по «Кама сутре»^{16}.

Время летело, солнце уже стояло в зените, и свет вырывал из тени мир загадочно улыбающихся куртизанок. При ярком свете кое-где стали заметны разрушительные следы времени, однако скульптуры и теперь не казались застывшими или безжизненными. Я любовался великолепной картиной, изображающей пиршество в королевском дворце с присутствующими на нем куртизанками, этими нежными повелительницами богов и королей.

Вновь послышался шепот. Я увидел прямо над собой в нише худого мужчину, терпеливо меня ожидавшего. Повинуясь зовущему жесту, я вошел в храм, и, когда немного привык к сумраку, он показал возвышение, с которого можно было поближе рассмотреть особенно характерное и знаменитое изображение на темы «Кама сутры».

Я положил монету в протянутую руку мужчины. Выражение его лица не изменилось, хотя он прождал несколько часов, чтобы получить вознаграждение, за которое рабочему-строителю пришлось бы работать полдня. Прежде чем снова занять свой наблюдательный пост, мой гид возложил гирлянду цветов к ногам Шивы, торжественно восседающего в таинственном мраке святости.

Стены Кандарья Махадео украшены девятьюстами скульптурами; не менее пышно отделаны и маленькие храмы, а если мысленно прибавить к ним руины разрушившихся храмов, то получится почти бесконечный фриз, созданный скульпторами четырех поколений.

В храмах Кхаджурахо меня больше всего поразило строгое единство манеры изображения; казалось, все

скульптуры задуманы, прочувствованы и высечены из камня одним-единственным художником.

На обочине взлетной площадки аэродрома в Панна сидела на корточках группа мусульманок и индусок. Когда мы подошли поближе, мусульманки закрыли лица чадрой, а индуски безразлично уставились перед собой в одну точку; маленький ребенок заплакал. Никто, включая стюардессу, не знал, почему сидели женщины на этой земле цвета охры. Они не покидали своего места, и мне казалось, что их глаза беспрестанно следят за каждым движением пассажиров. Самолет уже поднялся в воздух и кружил над аэродромом, а я все еще их видел. Они были как бы частью ландшафта с его холмами, полями и храмами Кхаджурахо.

Намасте!

Впервые мы встретились в коридоре Сахитья академи^{17}. Доцент, сопровождавший меня до актового зала, рассказывал, что Академия осуществляет переводы индийской литературы с шестнадцати языков на санскрит, а также переводы на санскрит «Фауста» и «Вильгельма Майстера» Гёте. В это время мимо нас прошел стройный молодой человек, аскетическое лицо которого привлекло мое внимание.

Несколькими часами позже, во время посещения Сангит натак академи^{18} — института музыки, ганца и драматического искусства, я второй раз встретил его в ателье сценических декораций.

Третья наша встреча состоялась в кинотеатре, близ Коннаут-Плейс. Он сидел неподалеку и, заметив меня, поздоровался. Фильм шел на языке хинди, и я не понимал ни слова, но тем не менее было интересно следить за мельканием ярких кадров на экране.

Молодой человек, назвавшийся Рамешом Г., ждал меня у входа. Мы поехали на Чандни-Чоук, ели курицу — тандури чикен^{19}, потом Рамеш показал мне в одном из переулков старого Дели дом, в котором он родился. Рамеш был поэтом, журналистом и издателем журнала на хинди, верил в этические принципы своей религии. Его сокровенным желанием было создать поэму, которая привела бы в изумление мир. Благодаря своей журналистской деятельности, которой он зарабатывал на хлеб для семьи, Рамеш так же хорошо знал нужды своего народа, как и любой индеец, родившийся в одном из переулков квартала Чандни-Чоук.

Мы встречались так часто, как только это было возможно; посетили Красный форт^{20} в старом Дели,

где попали на собрание, на котором выступали двадцать разгневанных ораторов от различных партий; протиснулись через бурлящую толпу и кордон решительных полицейских и слушали в зале отеля «Империэл» доклад о «мире будущего».

Иногда мне казалось, что Рамеш несчастлив. Часто он умолкал во время разговора, иногда неожиданно прерывал меня и вставлял незначительную фразу. Лучше всего он чувствовал себя, отвечая на мои вопросы об индийской литературе и истории, и я заметил, что его угнетали не столько личные невзгоды, сколько судьба его страны: он боготворил ее прошлое, но беспокоился за будущее.

Рамеш с одинаковым восхищением говорил о древнем индийском эпосе Рамаяна^{21} и о сталелитейных заводах, о фабриках и школах, о научных лабораториях, построенных за время трех пятилетних планов после завоевания независимости. Он верил в путь Индии к социализму, провозглашенный Джавахарлалом Неру. На вопрос о том, какая общественная сила была бы в состоянии осуществить экономический и политический подъем в стране, он ответил индийской пословицей: «Дай человеку рыбы — и ты накормишь его только один раз, научи человека ловить рыбу — и он прокормит себя и свою семью. Рассчитываешь на один год — сей зерно, рассчитываешь на десять лет — сажай деревья, а если рассчитываешь на всю жизнь — дай людям знания».

Я задумался. Мы сидели в моем номере на балконе, вечер принес с собой прохладный ветер. Мне вспомнилось, что однажды я уже слышал волшебное слово о том, что воспитание и образование — путь к устранению всех социальных зол. Слышал я это от директора школы в Кембридже, правда, форма изложения была при этом менее поэтична. И мысленно

перед моим взором предстали безработные, умывающиеся рано утром под струей из шланга для полива улиц; я видел мать из Ориссы, голый малыш которой спал на куске фанеры; я видел протянутые руки детей и матерей, просивших милостыню; я видел бездомных, длинной вереницей идущих ночевать на мостовую или готовящих себе ночлег в подворотнях.

«Нести людям знание — одна из важнейших задач индийской поэзии», — сказал Рамеш. Поэзия и политика — сестры, которые должны помогать друг другу. Еще древние ученые, писавшие о книге мудрости — Ригведе^{22}, объединяли в одном лице поэта, философа и воспитателя. Сейчас задача состоит в том, чтобы, при всем уважении к традициям, прислушиваться к идеям нового времени и воспринимать самые ценные из них. Так же как великий Рабиндранат Тагор, Рамеш убежден, что всеобщее образование и воспитание народа — наиболее действенное средство освобождения родины от отсталости и социальной нищеты.

Я сказал ему, что хотя идея о магической силе всеобщего воспитания прекрасна, тем не менее она утопична; однако я не стал вступать в философский спор, ведь я приехал не для того, чтобы поучать, а чтобы отыскать что-то особенное, феноменальное в тысячелетнем развитии, превратившем полуостров между Гималаями и Индийским океаном в «Мать-Индию», родину пятисотмиллионного народа, который несмотря на языковые и религиозные различия, несмотря на многочисленность этнических групп, создал индийскую нацию, индийское государство.

Мы долго еще сидели вместе; это был последний вечер перед моим отъездом, и я попросил Рамеша рассказать еще что-нибудь о современной индийской литературе.

Он ответил, что даже литературоведу было бы трудно охватить все это богатство, начиная от устного творчества сказителей до письменности. Собственно индийская литература написана не на английском языке, а на языках пенджаби, хинди, урду, тамильском, малаялам, бенгали и т. д. Сейчас в Индии насчитывается шестнадцать национальных языков, кроме них еще по меньшей мере пятьдесят других языков и более семисот диалектов^{23}.

Санскрит всегда считался языком ученых и очень мало доступен для народа.

Рамеш пояснил мне, что в истоках индийской поэзии лежат эпосы прошлого — Махабхарата^{24} и Рамаяна, которые ведут свое начало от Ригведы и дороги каждому индийцу. Один арабский географ, путешествовавший по Индии, сказал, что индийцы уделяют мало внимания собственной истории и весьма небрежны в отношении хронологии своих царей^{25}. «Когда же все-таки их начинают расспрашивать, — писал он. — а они не знают, что сказать, то сразу же с готовностью рассказывают сказки».

Любовь к сказкам сохранилась у индийцев до сих пор, заметил Рамеш. Западное влияние, как положительное, так и отрицательное, тоже оказало воздействие на индийскую литературу. Среди произведений молодых писателей много социально-критических рассказов, новелл и романов, в которых в острой, сатирической форме разоблачаются суеверие, отсталость и социальное высокомерие. Есть также группа писателей, которая довольствуется признанием со стороны посетителей кафе и не придает значения тому, понимают ли их массы.

Рамеш попросил меня рассказать о моей стране. Он читал много противоречивого о Германской Демократической Республике. Больше всего его

интересует вопрос, чувствуют ли себя счастливыми граждане нашего государства, где политика так глубоко проникает в жизнь каждого человека.

«Какая серьезная тема для ночной беседы, — подумал я. — С чего же начать?» Я не мог сразу подобрать нужной мудрой пословицы и попытался скупыми словами рассказать о возникновении первого социалистического государства на немецкой земле. Казалось, Рамеш больше прислушивался к шуму, доносившемуся с улицы, но, судя по вопросам, которые он задавал, я понял, что он внимателен. Как я заметил, ему казалось непостижимым многое из того, что для нас само собой разумеется: равные для всех граждан возможности получить образование, эмансипация женщины, отсутствие бедности, голода и безработицы, гармония разума и власти.

На часах было уже около двенадцати. Рамеш поежился от ночной прохлады, которая мне была приятна. В Дели уже стояла весна, температура днем достигала тридцати четырех градусов, а ночью опускалась до пятнадцати. Я чувствовал, что Рамеша что-то беспокоит, но он не решается высказаться. Мы спустились в лифте в вестибюль отеля, где горела уже только одна лампа. Портье, сикх в роскошной форме с желтой широкой лентой через плечо, поздоровался с нами и разбудил шофера такси, уснувшего в своей машине.

Рамеш попросил разрешения сказать на прощание еще несколько слов. По голосу я понял, что он взволнован.

— Я хочу, чтобы у вас сложилось правильное впечатление о моей стране, — сказал он. — Учтите, что мы только начинаем. Во время путешествия вы встретитесь и с бюрократией, и с верноподданностью, и с суеверием. Может быть, увидев это, вы скажете пренебрежительно: «Вот такая эта Индия!» Но это не

подлинная Индия. Не забудьте, пожалуйста, что мы, молодое поколение, страстно боремся против голода, социальной несправедливости и отсталости.

Ночная тишина в Дели была глубока, почти торжественна, луна светила сквозь листву деревьев. Я попрощался с Рамешом, впервые сложив ладони перед грудью, по индийскому обычаю, и, наклонив голову, сказал:

— Намаете!

Молитва сотен тысяч

По пути в Бенарес я остановился на два дня в старинной резиденции Могольских властителей — городе Агре и при вечерних сумерках любовался мавзолеем Тадж Махал. Спокойное темное небо в черном мерцании ночи царило над куполом и минаретами белой гробницы, навевая чувство грусти и глубокой гармонии. Впечатления, полученные в Дели, были еще очень живы в моей памяти, но в Бенаресе они поблекли, и у меня было такое чувство, будто я только что приехал в Индию.

Индийцы называют Бенарес по его старому наименованию — Варанаси. Город насчитывает шестьсот тысяч жителей, но если прибавить паломников, стекающих сюда изо дня в день нескончаемым потоком, то население увеличится еще на сто тысяч человек.

О происхождении города создано много легенд. В одной из них рассказывается, как Брахма положил однажды небо со всеми его богами на одну чашу больших весов, а Варанаси — на другую. Последний, как говорится в легенде, оказался тяжелее и опустился на землю, а небо со всеми богами взлетело вверх.

Но Варанаси — святыня не только индусов, но и буддистов. В нескольких километрах от города находится Сарнатх, в котором сын североиндийского царя Гаутама Будда после многих лет поста и странствий нищим монахом прочел свою «Первую Большую проповедь» и открыл «четыре благородные истины», которые могут быть достигнуты на «Серединном восьмичленном пути» истинной веры, истинного желания, истинного слова, истинного дела, истинной жизни, истинного стремления, истинной

мысли и истинного размышления. Учение Будды, распространяемое на народном языке, было направлено прежде всего против жрецов — брахманов, которые угнетали народ.

Индийский король Ашока, прославленный индийцами как миротворец, во время своего правления в 273–236 годах до н. э. покровительствовал буддизму. Влияние индуизма, уходящего своими корнями в древнюю народную религию, однако, впоследствии вновь возросло, и в девятом веке буддизм был почти полностью вытеснен из Индии.

Вскоре после прибытия в отель «Кларкс», который находился на окраине города и был окружен цветущим садом, я познакомился с писателем П. М. Х. Прохаживаясь со мной по террасе, он с великим усердием пытался объяснить мне сущность индуизма. Он учился в Индусском университете в Бенаресе^{26} и рассказал мне, как, будучи еще совсем юным студентом, перед экзаменом просил у Шивы, бога-покровителя Варанаси, обеспечить ему хорошие баллы.

Вера индусов, объяснил мне писатель, основывается на двух вечных концепциях: каждый человек рождается дважды; душа человека единственна и неделима и живет дольше его тела.

На террасе становилось очень жарко. Сторож бамбуковой палкой в виде копья прогонял заклинателя змей. Однако беседа наша продолжалась. Я спросил П. М. Х., сколько у индусов богов.

Он понимающе улыбнулся, по ответил, что никто не смог бы назвать их число. Это так же невозможно, как сосчитать все звезды на небе.

Высший бог — четырехликий Брахма, но он не так близок к народу, как Вишну или Шива и их супруги Лакшми и Кали. В Индии несчетное множество легенд о благосклонных к людям богам Раме и Кришне, о храбром

боге обезьян — Ханумане и о сыне бога Шивы — Ганapati, маленьком, прожорливом, веселом шутнике с головой слона. Кроме того, существуют различные деревенские божества, богиня-мать, духи, демоны, священные звери, боги растений, гор, рек.

— Как вы, вероятно, уже заметили, — продолжал П. М. Х., — человек повсюду окружен богами. Они не только в храмах: их можно встретить и на обочинах шоссе, в гуще движения большого города, в уединении прохладных, скалистых пещер и даже в такси или на рикше. Фантазия народа вновь и вновь рождает богов, в Индии они вездесущи.

Он замолчал и задумался. Солнце окончательно перешло на террасу, и мы ушли в кафе. Мой собеседник спросил, хочу ли я продолжать разговор.

Мы чувствовали симпатию друг к другу. Он, верующий индуист, и я, атеист. Зная, что более трехсот миллионов индийцев, представители всех классов общества — индуисты, я хотел понять, в чем притягательная сила их веры.

Индуизм, пояснил П. М. Х., самая крупная философская система мира; она имеет также и существенную практическую сторону. Мировая душа, или абсолютный дух, олицетворяемый Брахмой, включает в себя все и не исключает ничего, воплощается в божествах и героях великого народного эпоса, известного индийцам с детства. Каждый верующий индуист соответственно своему происхождению и сложившейся традиции имеет собственное представление о божествах. Почитая Шиву или Кришну, богиню богатства Лакшми, храброго Ханумана или Уму, богиню чистого горного воздуха и вечных гималайских снегов, он все равно служит Брахме, единственному истинному богу. Притягательная сила индуизма в том, что эта религия

низводит философию с ее головокружительной высоты и несет в дома и сердца простого народа.

Так мы беседовали до наступления темноты. Голова шла у меня кругом от имен богов и мировой души. Попрощавшись с П. М. Х., я спросил коридорного, который внезапно вырос передо мной на тенистой аллее, сколько рупий он получает в день и какому богу поклоняется. Тот ответил, что молится Шиве и Раме, а за десять часов в день получает две с половиной рупии, так как отель «Кларкс» — лучший в Бенаресе.

После беспокойного сна я проснулся от стука, голосов и смеха и вспомнил, что рядом с моей комнатой находится филиал почты. Я не забыл совета П. М. Х. посетить на рассвете «Молитву сотен тысяч», но мною овладело какое-то странное чувство страха, и я не пошел сегодня к Гангу, а решил приберечь это впечатление напоследок и сходить к реке перед самым отъездом в Калькутту.

Небо, как и все время со дня моего приезда в Индию, было ясным и безоблачным, и я уже потерял надежду попасть когда-нибудь здесь под дождь. Беседа с П. М. Х. не выходила у меня из головы, особенно когда я сел в такси и увидел над головой шофера увитое гирляндой цветов изображение розовощекого бога. Действительно, куда бы я ни шел, меня повсюду окружали боги, даже на улицах, ведущих в центр города, попадались алтари различных божеств.

Меня очаровала бурлящая повседневная жизнь города, пробуждавшегося с восходом солнца и внезапно, затихавшего с наступлением вечерней темноты. На улицах было так много народу, что автомашины передвигались только со скоростью пешехода.

Гудки, звонки, окрики велосипедистов, шум мотороллеров, ручных тележек, нагруженных глиняной посудой, мелькающие перед глазами рикши,

запряженные быками повозки с фруктами и овощами, дрожки и современные экскурсионные автобусы — все это тонет в потоке прохожих и вызывающих сострадание тощих священных коров.

Великолепные одеяния женщин выделяются среди широких белых брюк и рубашек мужчин. Разнообразие красок дополняют красочные киоски и базары, где а невзрачных лавчонках с громкими криками или с тихим достоинством предлагают дорогую парчу и шелковые ткани с золотой и серебряной вышивкой, сверкающую латунную посуду, украшенную орнаментом, поделки из слоновой кости, браслеты, ожерелья, драгоценные камни, бумажные фонарики и всевозможные яркие безделушки.

Я находился в северной части города на Панч-Коши-Роуд^{27}, старой улице паломников. Было уже около полудня, и мне захотелось отдохнуть в тенистом саду гостиницы.

Паломники тянулись мимо меня в город, клали цветы на алтари и шептали молитвы. И хотя после долгого, утомительного путешествия они были уже у цели своего паломничества, на их лицах не было заметно ни волнения, ни радости.

Перед входом в один из маленьких храмов, сотни которых скучились на Панч-Коши-Роуд, я заметил мальчика лет двенадцати, который все время пристально смотрел на небо. Я подошел ближе и услышал, что он шепчет молитвы. Когда я спросил, почему он все время смотрит вверх, мальчик не понял меня, но его безжизненным глазам я догадался, что он слеп.

Священник перевел мой вопрос. Мальчик совершил паломничество в Варанаси из одной бенгальской деревни в четырехстах километрах отсюда, чтобы просить богов вернуть ему зрение. А так как боги, как

ему было известно, ничего не совершают без вознаграждения, он дал обет перед каждым храмом смотреть им в лицо.

И вот мальчик у цели; чудо, что он в пути не умер с голоду. Как и у других паломников, которых я видел, на его лице не было следов волнения, и все же он надеялся, что завтра, во время священного купания в Ганге, рассеется мрак, окружающий его с самого рождения.

Я не решился надоедать слепому вопросами. Встреча эта глубоко тронула меня: ведь я-то знал, что мальчик и завтра останется слепым. Как же он переживет это разочарование, когда поймет наконец, что все мучения, которые он принял на себя, были напрасны?

Я взял такси и вернулся в город. Было уже довольно поздно. В отеле «Кларкс» у дежурного для меня лежало письмо от П. М. Х., который сообщал, что, к сожалению, должен уехать, но надеется завтра вечером вернуться и продолжить наш разговор. Письмо он заканчивал словами: «Там, где кончается наука, начинается вера. Наука имеет границы, вера — безгранична».

На следующее утро, едва взошло солнце, я разбудил спавшего на маленькой площади около отеля рикшу. Он тотчас же вскочил и поправил пестрое покрывало на сиденье. Торопливые движения рикши выдавали радостное волнение: Шива или какой-либо другой бог, к которому он обращался с молитвой, подарил ему хорошее начало дня.

Проезжая по тихим улицам, я думал о слепом мальчике, который, вероятно, до конца своей жизни будет надеяться, что боги все-таки даруют ему когда-нибудь свет. Вера бесконечна, и чем глубже затрагивает религия самые мелкие человеческие побуждения, тем сильнее ее воздействие. И все-таки вера кончается там, где она оказывается бессильной, и

на ее место вступает бесконечность науки, открывающей одну за другой тайны бытия, которым нет конца.

Я очутился близ Маникарника-Гхат^{28}, набережной, находящейся почти в середине кривой, описываемой Гангом. Ведущие к реке улицы еще были объаты глубоким сном, но в узких ущельях переулков, спускающихся к Гангу, уже началось движение.

Сначала мне попадались лишь отдельные паломники, безмолвно бредшие по мостовой, но постепенно, с наступающим рассветом переулки заполнила толпа, спускавшаяся по широким ступеням Гхат^{29}. Внизу лениво нес свои воды Ганг, серая, без блеска равнина, границ которой не было видно.

Я стоял перед Площадью сожжения, которая находилась на высоте нескольких ступеней Маникарника-Гхат, и видел, как разжигали костер. Покойник лежал на деревянных носилках, он был одет в белое, и я никак не мог понять, мужчина это или женщина. Когда пламя взвилось вверх, я увидел спокойные лица родственников, стоявших полукругом и шептавших слова прощальной молитвы.

Существует обычай, что при погребении присутствуют только мужчины — родные и друзья покойного. Ведь торжественное погребение в священных водах Ганга должно происходить без причитаний женщин. Согласно индуистской вере, смерть может взять только тело, а душа возродится в новом обличье, так как человеческое бытие есть не что иное, как бесконечная цепь переходов из одной жизни в другую.

Я еще раз взглянул на пламя и спустился вниз, к реке, чтобы взять лодку. Сожжение должно было продлиться еще около трех часов, а затем состоится торжественная церемония рассеивания пепла над

Гангом. Полное ожидания безмолвие нависло над толпой. Когда утреннее солнце поднялось над горизонтом, перед моим взором предстала ни с чем не сравнимая картина того, что происходило на ступенях лестницы и у берега Ганга на мелководье. Мне показалось невозможным вобрать в себя богатство постоянно меняющихся красок и движение бурлящей толпы.

На желтом фоне храмов, ступенчатых спусков и похожих на дворцы домов паломников, которые громоздились на берегу, выделялись белые дхоти мужчин, разноцветные одежды женщин, одеяния проповедников цвета охры и размалеванные пеплом лица факиров. Все эти люди проталкивались к поблескивавшему в лучах солнца зеленоватому Гангу.

Мужчины, женщины и дети, обратив лица к солнцу, погружались прямо в платье в воду, складывали ладони и в немой сосредоточенности предавались молитве. И, несмотря на массу людей вокруг, каждый чувствовал себя в полном одиночестве.

Я хотел отыскать слепого мальчика, но было невозможно найти его среди многотысячной толпы, заполнившей набережную. П. М. Х. я тоже не увидел. Вечером в отеле я написал ему письмо, поблагодарил за волнующую беседу и выразил надежду, что мы, может быть, еще встретимся. В ответ на его афоризм я закончил свое послание словами: «Там, где кончается вера, начинается наука. Вера имеет границы, наука — безгранична».

Аромат сандаловой коробочки

Желтым вечером в рыбацкой деревне, спрятавшейся между желтыми дюнами на берегу Бенгальского залива, женщины и дети со страхом ожидали возвращения мужчин, после обеда вышедших с сетями в море.

Когда я вспоминаю об Индии, то всегда вижу перед собой эту желтизну: днем она поразительно яркая, вечером становится блеклой и как бы заслоняет солнце. И тогда уже все становится желтым: земля, небо, поля, пустыня. Вот и сейчас, вечером, даже прибой в желтых дюнах становится желтым.

Женщины и дети всё еще ждали. А я тем временем шел по берегу и опять, как и в предыдущие вечера, заметил мальчика, сидящего на корточках на песчаном холме перед храмом деревенской богини. У его ног лежала Площадь сожжения, где недавно была погребена девочка. Мальчик не помнил точно, когда это произошло, несколько дней или несколько недель тому назад.

Я вспомнил о слепом мальчике, которого встретил однажды на пути из Шанхая в Кантон. Он сидел в толпе детей и играл на флейте. Слушатели были намного моложе его и слушали ребенка с каким-то благоговением. Чувствовалось, что он был этому рад. Вспомнил я и о том, как много лет назад лежал больной под дощатым стапелем в старом порту Марселя; о мальчике из Палермо, который в полуденный зной играл на губной гармошке; о другом мальчике, встреченном мною на дороге паломников в Бенарес, том самом, который беспрестанно смотрел в небо. И из всех этих воспоминаний сложилась камешек за камешком история о Рамдхане и Мире.

Наступил вечер, а лодок все еще не было видно. А ведь шторма на море не было: оно оставалось совершенно спокойным. Только шумел прибой, и чем тише и желтее становился вечер, тем более грозным был рев. Женщины и дети беспокоились, но вот в сумерках они разглядели черные челны, танцующие на волнах. Лодки одна за другой неслись на волнах прибоя к берегу: рыбаки возвращались домой. Повсюду зажигали факелы, так как быстро темнело; челны вытягивали на берег, сети и рыбу укрывали.

— Почему вы пришли так поздно? — осмелилась спросить молодая женщина.

Но мужчины даже не ответили. Все происходило, как и много тысяч лет назад; рыбаки пошли в свои хижины, уселись на циновки и стали смотреть, как женщины готовят на очаге рыбу.

Только Рамдхан остался на берегу. Он прислонился к пальме и обратил лицо к морю, которого ни разу не видел: ни днем, ни ночью, ни при солнце, ни в шторм.

Было хорошее время года. Трудно становилось только тогда, когда налетал муссон и рыбаки не могли выходить в море. Тогда уже нечего было есть, кроме овощей и древесной коры. Первыми умирали маленькие дети, потом слабые и под конец женщины, которых боги одарили долголетием.

Рамдхан играл на флейте песню. Из-за прибоя ее почти не было слышно, и это была не та мелодия, которую он любил. Он ждал Миру и играл только для того, чтобы скоротать время. Когда Мира окликнула его, он перестал играть.

Девочка несла на бедре кувшин с водой, а в левой руке — котелок с вареной рыбой и лепешку — чапати. Она сняла кувшин, положила на землю большой лист и поставила на него котелок.

— Как прекрасно ты играл, — сказала она. — Боги Сита и Рама непременно тебя слушали.

Мира испуганно огляделась, не рассердила ли она богов. Но не было слышно ни звука, только луна светила между кокосовыми пальмами и сквозь перистые листья сверкали звезды.

Рамдхан ел рыбу и чапати. Рыба была отварена в воде, так как поджарить ее было не на чем, и чапати Мира тоже испекла на ничем не смазанной плите. Несмотря на это, мальчику понравилась еда, и, как только он мало-мальски наелся, в нем проснулось огромное желание видеть мир. Он стал убеждать себя, что тьма, окружающая его с детства, скоро рассеется. Нужно только выполнить обет, данный богам.

Мира смотрела на море, волны за прибоем извивались подобно змеям. «О, Рамдхан, — думала она, — никогда я не узнаю твоих мыслей, ибо я — зрячая, а ты — слепой. Ведь мир, наверное, должен быть другим, если живешь в темноте».

— Тебе страшно? — спросила она и повернула к нему свое маленькое темное лицо.

— Боги окажут мне покровительство, Мира. Сыграть еще песню?

— Не надо, Рамдхан.

Что-то зашелестело в сухих стеблях травы. Это была всего лишь уползающая от них змея. Рамдхан встал, за ним поднялась Мира. Слепой знал каждую тропку между хижинами и слышал все шорохи; ночью ему снились сны, он ощущал запах рыбы, дым очага, аромат сандаловой коробочки и улавливал шаги Мира.

Они остановились перед хижинкой, в которой вместе с семьей старшего брата жил Рамдхан. Пахло дымом, рыбой и золой; четверо детей, брат и невестка уже легли спать. Рамдхан прошел между спящими к своей постели.

— Когда ты уходишь, Рамдхан? — прошептала стоявшая у входа Мира.

— Завтра утром.

Он подождал слов приветов или добрых пожеланий от Миры, но услышал только ее удаляющиеся шаги и, разочарованный, лег спать. Рамдхан никогда не видел ее лица, только иногда во сне оно появлялось перед ним, но когда слепой просыпался, то уже не мог его вспомнить. Ему было больно, что дезочка вот так просто убежала. Ведь он должен будет отправиться в Бенарес, не попрощавшись с ней.

Ночь прошла. Рамдхан почувствовал наступление утра, осторожно поднялся и снял с дверного косяка узелок с сушеной рыбой. На берегу, перед изображением деревенской богини, его ждала Мира. Он окунулся в воду и помолился.

Мира сказала:

— Я иду с тобой.

Рамдхан испугался. Он не знал точно, где жила деревенская богиня: на небе, в море или в джунглях. Во всяком случае, она была далеко, и он надеялся, что богиня не услышала слов Миры. Ведь мальчик обещал богам, что он отправится в Бенарес один.

— Беги назад в деревню, Мира! — приказал он.

Мира колебалась. Она боялась за Рамдхана, боялась, что он умрет в пути. И она стала просить у богини совета, но ничего не услышала в ответ. Небо и море были черными, только звезды источали свет.

— Иди домой, Мира! — повторил мальчик.

Он взял бамбуковую палку и побрел по тропинке через песчаные дюны к ближайшей деревне. День только начинался, расходясь от горизонта над морем и побеждая темноту.

Теперь Мира уже видела тронутое временем лицо деревенской богини, она видела и Рамдхана, бредущего в утреннем свете через холм, темную одинокую фигуру среди дюн.

— О повелительница, что мне делать? — молилась она. — Скажи, что я должна делать!

И вдруг на нее снизошло просветление. Что могут боги иметь против, если она тайком будет следовать за Рамдхаиом? Она будет с ним, и в то же время он будет одни. Сердце Миры стучало в радостном волнении. Она взяла свои пожитки, завязала их в узелок и отправилась в путь через дюны.

Рамдхан подошел к проселочной дороге, которая вела направо к Калькутте, налево в Бенарес. Почувствовав, что солнце заходит, он хотел было подыскать себе место для ночлега. Однако до Калькутты было не так уж далеко. Год назад он сопровождал отца в город и сейчас вспомнил чужие шорохи, которые ощущал тогда. Шум большого города сливался, переходя в мощный гул, звучавший сильнее, чем рев прибоя.

Рамдхан прислушался, и ему показалось, что там, вдали, он снова слышит шум Калькутты. О Бенаресе мальчик знал только, что он находится в тридцати днях пути отсюда, на священном Ганге.

Рамдхан слышал, что в Бенаресе происходит много чудес. Он был уверен, что благодаря богам прозреет после купания в священном Ганге. Голодный, но в бодром настроении мальчик брел по проселочной дороге и всякий раз, когда оказывался вблизи храма или изображений богов, останавливался, закидывал голову вверх и смотрел на небо.

Так Рамдхан думал привлечь к себе внимание богов, но по дороге попадалось много храмов и изображений богов, и у него скоро заболели плечи и затылок.

Под вечер он уселся под деревом, достал из узелка рыбу и начал есть. А так как ему казалось, что пройден уже большой путь, то он съел вторую рыбу, которая, собственно, предназначалась на следующий день. От соленой рыбы ему захотелось нить, но было уже поздно искать колодец, да к тому же большинство колодцев пересохло.

Итак, не оставалось ничего другого, как лечь спать. Рамдхан улегся под деревом, подложив узелок под голову. Стоило ему закрыть веки, как послышались осторожные шаги, которые напомнили мальчику о Мире, он даже почувствовал аромат сандаловой коробочки, в которой она хранила свои румяна. Он прислушался, но все было тихо. Рамдхан подумал, что все это ему только померещилось, и заснул.

Проснулся он с восходом солнца. Хотелось пить. Когда мальчик поднялся, рука его коснулась глиняного кувшина с водой.

Не сомневаясь, что кто-то находится рядом, он ощупал бамбуковой палкой землю и спросил:

— Кто здесь, чей это кувшин?

Ответа Рамдхан не дождался, а поскольку жажда все больше мучила его, он поднес кувшин к губам и опорожнил его наполовину. Он чувствовал солнечные лучи, слышал пение птиц и внимал голосам и шагам первых паломников.

Рамдхан подождал еще немного, но так как никто не подошел, чтобы забрать у него кувшин, поверил в чудо и поблагодарил богов, утоливших его жажду. Он хранил кувшин как бесценное сокровище, ставил его вечером рядом со своим ложем и находил каждое утро наполненным водой. Мальчик был убежден, что боги благоволят ему, и уже не сомневался в том, что они даруют ему зрение.

Рамдхан брел и брел, съедал каждый день две сушеные рыбы, беседовал с веселыми и угрюмыми людьми, которые, так же как и он, совершали паломничество в Бенарес или просто шли по своим делам. В пестроте паломнической жизни он не почувствовал, что узелок с рыбой становится все легче. Но вот пришел наконец день, когда он обнаружил, что продукты, которых, как ему казалось, должно было хватить и на обратный путь, кончились. Но он не

отчаивался, так как до Бенареса оставалось всего лишь пять дней пути.

Поскольку боги каждую ночь совершали чудо — наполняли глиняный кувшин водой, — мальчик был уверен в благополучном исходе своего паломничества. И чем больше мучил его голод, тем неутомимее предавался он мечтам и рисовал себе момент, когда сможет сказать небу, морю и Мира: «Я вижу, о, я вижу!».

Солнце жгло, и путь казался бесконечным. Иногда у Рамдхана появлялось чувство, будто Мира рядом, ему даже казалось, что он слышит ее шаги, когда молится Шиве. Прислушиваясь, он наклонял голову и тут же просил бога простить его за невнимательность. Он приписывал ее слабости, которая туманила его сознание, и не придавал значения аромату сандаловой коробочки, исходявшему от глиняного кувшина.

Утром перед приходом в Бснарес произошло второе чудо, которое вселило в него новую надежду. Проснувшись, он нашел сушеную рыбу, съел ее с жадностью и поблагодарил богов за оказанную милость.

Чем ближе подходил Рамдхан к городу, тем больше народу попадалось ему на дороге. Мимо проезжали автомашины, велосипедисты, катились ручные тележки с гулко звенящей глиняной посудой, рикши, повозки с фруктами и овощами, запряженные быками, дрожки и автобусы. Все было, как тогда, когда он пришел с отцом на джутовую фабрику в Калькутту. Они жили неделями на берегу Хуглп под грязным одеялом вместо крыши. И однажды вечером отец не вернулся.

Рамдхан старался победить страх, пробужденный воспоминанием. Но что общего было между смертью отца на джутовой фабрике с паломничеством в Бенарес? Калькутта — гиблое место, а Бенарес — город, благословенный богами. С этими мыслями он дошел до

Панч-Ганга-Гхат на берегу Ганга. Мальчик молился в храмах, стоявших на небольшом расстоянии друг от друга по обе стороны дороги, по которой шли паломники. Он часто поднимал взор к небу, которое пока еще было для него темным, и наконец улегся у постоянного двора.

Шум предместья умолк, а Рамдхан никак не мог заснуть. Он пытался себе представить, что будет завтра, когда вокруг внезапно станет светло.

«О великие, вечные боги, о Шива! — шептал он. — Я всегда жил в темноте...» Неожиданно Рамдхан умолк, так как ясно почувствовал вблизи что-то живое. Что это — змея или кошка? Он поднялся, протянул руку к кувшину, дотронулся до него... и вдруг кувшин куда-то исчез. Мальчик услышал шаги, которые показались ему знакомыми.

— Мира! — воскликнул он. И еще раз: — Мира!

Но вечер оставался безмолвным, и в воздухе витал лишь аромат сандаловой коробочки. Рамдхан сначала испугался, но потом вспомнил, что отослал Миру в деревню, и стал просить богов, которые охраняли его от голода и жажды, о прощении. Но сомнение все же осталось, и, когда мальчик наконец заснул, ему приснилось, что он гуляет с Мирой по берегу моря. Это был праздник лунного затмения. Мира рассказывала ему о многочисленных плошках с маслом, которые подобно звездам плавали в море, чтобы изгнать черных демонов Раху и Кету, заслонивших луну.

Проснулся Рамдхан до восхода солнца. Он слышал шум Ганга и с ужасом думал о том, что решительный час настал. Он принял на себя невзгоды странствия, и боги дали ему пищу и воду. Правда, не очень много, но достаточно для того, чтобы не погибнуть.

Рука Рамдхана потянулась за кувшином с водой, но он не нашел его, поднялся и отправился в город. Он дал аромату сандаловой коробочки смутить себя, и боги

наказали его за малодушие. Несмотря на это, мальчик не потерял веры, близость священной реки и пробуждающегося города ускорили его шаги. Сначала ему попадались только одиночки, стремившиеся к Гхатам, но потом их становилось все больше и больше, и когда он достиг широких ступеней, ведущих к реке, то оказался в середине толпы молящихся. Рамдхан вдыхал запах Площади сожжения, протискиваясь сквозь толпу паломников к первой ступени, которую омывала вода. Он забыл о голоде и жажде и, стоя со сложенными ладонями, обратил лицо на восток, ожидая восхода солнца. Он не испытывал сейчас ни страха, ни надежд. Все, чего он так страстно желал, вдруг сразу потеряло значение. По наступившей тишине мальчик понял, что на другом берегу взошло солнце. Вдох прошел по траве, потом все пришло в движение, толпа захватила Рамдхана и потащила вниз, к реке. Пытаясь найти опору в прибрежном песке, он погрузился в воду; невидящие глаза были широко открыты, когда священный поток равнодушно омыл его тело и он ощутил живительную прохладу воды на своей коже. Рамдхан окунулся еще раз, сложил руки на груди и в отчаянии уставился на восток.

«О всесильные боги, о могущественный Шива! — молил он. — Дайте мне свет! Возьмите мои руки, мои ноги, но дайте мне свет!»

Солнце поднималось все выше и выше, и на ступенях Ганга все вошло в обычную колею. Утренняя молитва сотен тысяч окончилась, и только Рамдхан еще стоял в воде, умоляя богов, чтобы они подарили ему хоть самый слабый свет, который озарил бы сгустившуюся над ним тьму. Лишь около полудня он окончательно потерял надежду. Вокруг все было темно. Рамдхан ничего не видел и, наверное, не увидит никогда.

Шатаясь от слабости, вышел он из воды и сел на камень; мальчика охватила тоска по соленым водам моря, по шуму прибоя, по запаху рыбы в деревне на дюнах. Родина была так далеко, как небо, и он боялся, что никогда не дойдет до дома.

Однако мысли эти придали ему силы. Мальчик быстро поднялся на ноги и начал новое странствие. В душе он надеялся, что боги оградят его от голодной смерти. Он вспоминал также о вчерашнем вечере, когда решил было, что Мира рядом, но потом убедился в своей ошибке.

Чем больше его мучили голод и жажда, тем больше разыгрывалось его воображение. Он уже не останавливался для молитвы перед каждым изображением бога и продвигался поэтому быстрее. Под вечер он достиг деревни, в которой колодец высох, и улегся спать на растрескавшейся земле.

Когда Рамдхан проснулся, он услышал крики продавца воды, который ехал по деревне на повозке, запряженной быками. Мальчик поднялся и, как обычно, ощупал землю. Его руки ощутили глиняный кувшин, рядом лежали кусок хлеба и сушеная рыба. Когда Рамдхан приложил кувшин к губам, то заметил, что он наполнен тепловатой водой, которую, видимо, набирали из заболоченного пруда. Несмотря на это, он утолил страшную жажду и, после того как поел и попил, почувствовал себя окрепшим.

Рамдхан поблагодарил богов за новый знак их милости и побрел с кувшином в руках дальше. В последующие дни и недели дары богов все скудели, их едва хватало, чтобы он не умер с голоду. Сушеной рыбы давно уже не было, а вода в кувшине чуть покрывала дно.

Голод и жажда обостряли фантазию Рамдхана, и воспоминания о незначительных происшествиях на морском берегу превращались в чудесные события.

Голод и жажда изменили шаги Миры, и Рамдхан не мог больше улавливать ее присутствие, хотя она все время плелась рядом или часами сидела на корточках против него, как в тот вечер, когда выменяла свою сандаловую коробочку на кусок хлеба. Мира приняла свою смерть безмолвно. Она была так слаба, что не смогла даже шепотом произнести имя Рамдхана.

Когда скудные дары богов иссякли, Рамдхан находился в трех днях пути от родной деревни. Солнце налило вовсю, люди стонали от голода и жажды. Рамдхан обменял у нищего монаха глиняный кувшин на миску риса и глоток воды. Крестьянин подвез его на тачке до соседней деревни.

Вечером Рамдхан с трудом взобрался на песчаную гору. Он слышал шум прибоя и чувствовал запах деревни. Несколько молодых женщин, направляясь утром к колодцу, нашли его между дюнами. Они поставили свои кувшины, донесли Рамдхана до хижины брата и дали поесть и попить.

Скоро Рамдхан пришел в себя. Он все время удивлялся, почему не приходит Мира. Или она уже была здесь и ушла за едой? По голосам он слышал, что вокруг него собрались все жители деревни. Они расспрашивали его о путешествии, но избегали упоминать имя Миры. Рамдхан прислушивался к каждому шагу, к каждому голосу. И вдруг он припомнил аромат сандаловой коробочки.

— Где Мира? — спросил мальчик в страхе.

Стало тихо, ничего не было слышно, кроме шума прибоя и тишины. Все было, как и тысячу лет назад. С наступлением темноты возвратились домой рыбаки. Они ушли в свои хижины и смотрели на женщин, которые готовили на очаге рыбу.

Только Рамдхан остался на берегу и ждал шагов Миры. Он ждал каждый вечер до полуночи, но никто

больше не приходил, чтобы принести ему вареную рыбу и чапати.

Город черной богини

Прошло двенадцать дней, двенадцать бесконечных дней в Калькутте^{30}. Я сидел в номере «Гранд-отеля», самого дорогого в столице Западной Бенгалии: сто двадцать рупий в день за ночлег и питание — месячный заработок сельского учителя. Обессиленный и подавленный, сидел я в своей комнате. В ушах звенело от гудения кондиционной установки; в памяти всплывали разговоры, которые я вел, мелькали заголовки из газет и журналов:

«Калькутта с ее 3000 трущоб — кошмар!»

«Калькутта — столица холеры!»

«Калькутта — город революции!»

«Калькутта — город анархизма!»

Перенести пребывание в Калькутте тяжело, но я знал, что поехать туда необходимо, ибо только в этом городе можно по-настоящему понять и почувствовать Индию. Сыны Калькутты помешаны на своем городе, они его любят и одновременно ненавидят; я тоже помешался на Калькутте и хотел описать ее за одну ночь, подготовленную сотнями других ночей. Темень была полная. Наступила она внезапно, как всегда наступает ночь в Калькутте.

Калькутта, имеющая пять миллионов жителей, — большой город. Все ее население сосредоточено в центре города, так как малярийные болота препятствуют его расширению.

Неру назвал Калькутту с ее тремя тысячами трущоб кошмаром, и это действительно так. Кошмар этого города тяготеет и надо мной. За двенадцать дней я видел нищеты больше, чем может вместить человеческая фантазия, и, как ни странно, несмотря на это, у меня нет оснований сомневаться в огромной

жизненной силе бурлящего города. Отчаяние скорее вызывала мысль о том, как наиболее ощутимо передать на бумаге атмосферу Калькутты.

Золотое платье

Певицу звали Дамаянти, и в ее судьбе не было бы ничего необычного, если бы Кришна, ее любимый брат, не поехал разыскивать сестру в Калькутту. Родители Дамаянти были крестьяне из деревни на берегу Нармады, которая летом пересыхала, а в сезон дождей становилась полноводной. Счастье благоприятствовало родителям Дамаянти: ведь у них было три сына и только одна дочь. Они арендовали кусок земли и жили так себе, ни хорошо, ни плохо. А это по сравнению с другими крестьянами означало, что жили они хорошо.

Деревня находилась в глубине Индии и была отрезана от всего мира; крестьяне узнавали о больших городах только из рассказов паломников да из пестрых журналов, которые приносили торговцы.

Однажды произошло событие, о котором йотом говорили долго. В деревне появился молодой человек на мотороллере. Он сказал, что приехал из Калькутты и разъезжает по важным коммерческим делам.

Дамаянти тогда исполнилось шестнадцать лет. Это была стройная, очаровательная девушка со светлой кожей. И, увидев ее впервые на поле, молодой человек забыл все свои важные дела. Он пробыл в деревне неделю и был гостем в доме родителей девушки. Однажды вечером, в сумерках, он гулял с ней по берегу реки, а когда они возвратились домой, то молодой человек попросил у главы семейства руки Дамаянти^{31}.

Так как молодой человек, кроме украшений невесты, не просил никакого другого приданого, отец, помедлив немного, согласился.

Кришна, любимый брат Дамаянти, сначала колебался, но потом дал согласие на брак сестры.

Вскоре Дамаянти надела свое выходное платье, золотые браслеты и попрощалась с жителями деревни.

На заднем сиденье мотороллера она проехала пол-Индии и наконец добралась до Калькутты. Люди на улицах пугали ее и приводили в смятение; она почти не решалась выходить из комнаты. С тайным страхом ждала Дамаянти того дня, когда ее суженый, который на берегу реки говорил так много красивых слов, представит ее своей семье.

Долго ждать не пришлось. Однажды вечером молодой человек привел ее в дом своего шефа, получил вознаграждение и отправился на мотороллере в очередную деловую поездку.

Шеф молодого человека содержал бордель. Дамаянти понравилась шефу, и он решил оставить ее для себя. Так девушка, толком даже не зная, что с ней произошло, и считавшая владельца борделя отцом молодого человека, стала его любовницей.

Первое время Дамаянти часто вспоминала родную деревню и горько плакала, но постепенно привыкла к жизни в Калькутте.

У нее в комнате был радиоприемник, она научилась различным песням и пела их своему хозяину, что оберегало ее от борделя, о котором она ничего не знала.

Однако понемногу Дамаянти стала надоедать своему хозяину. Он купил ей дорогое платье, сотканное из золотых нитей, и отдал внаем шансонеткой в «Гранд-отель». Девушка хорошо зарабатывала, поэтому ей разрешалось брать из получаемых денег двадцать рупий в неделю как чаевые, до тех пор пока она не отработает свое платье, стоившее четыреста рупий. Но она не могла каждый вечер выступать в одном и том же платье. Хозяин купил ей второе, затем третье, и долг ее все возрастал.

Кришна целый год с нетерпением ждал весточки от Дамаянти и, не дождавшись, отправился в Калькутту на поиски. Город безжалостно поглотил его и втянул в свой круговорот. Полуголодный, день за днем проводил он на берегу Хугли и был рад, если подвертывалась случайная работа. Но Кришна не терял надежды, продолжал свои поиски, и каждый, кто встречался с ним, чувствовал на себе его пристальный взгляд.

Инстинкт, предчувствие, а скорее всего слепая случайность приводили его по вечерам к «Гранд-отелю», где в баре пела его сестра. Ночи юноша проводил на мостовой среди длинных рядов таких же бездомных, как и он, а Дамаянти, возвращаясь домой, каждый раз проходила мимо брата. Он ничем не отличался от других голодных, которым снились страшные сны на камнях мостовой.

Дамаянти в конце концов уволили: завсегдатаям «Гранд-отеля» нужны были новые впечатления. Безуспешно попытавшись найти ей новое место, хозяин рассердился и решил пристроить девушку в своем доме.

Хотя Дамаянти и не знала, что задумал хозяин, последний раз она выступала в подавленном настроении. Она привыкла к атмосфере бара и не знала, что ее ожидает в будущем. Ей вспомнились родная деревня на Нармаде, родители и брат, рисовые поля, храм деревенского божества и вечера на реке, куда она ходила с Кришной через дамбу ловить рыбу.

Немудреные песенки, которые Дамаянти каждую ночь пела в баре, стали ей вдруг дороже бриллиантов. Она представила себе, как хорошо было бы петь их дома, в деревне.

С такими мыслями шла она по ночным улицам Калькутты, которые словно застыли в искусственном свете дуговых фонарей. Стены домов еще излучали тепло, ночной воздух был душен от застоявшейся, наполнившей все жары. Приближался день. Грузовики,

вывозившие обычно на рассвете тела умерших, готовились к выезду.

Погрузившись в свои мысли, Дамаянти пробиралась мимо спящих на мостовой, и вдруг ее взгляд остановился на знакомом лице, на которое упал луч света. Сначала она испугалась, подумав, что демон дурачит ее. Сумочка ее выскользнула на землю, золотое платье выпало из рук и накрыло спящего. Он проснулся, и тут Дамаянти увидела, что перед ней на камнях мостовой действительно лежит ее брат Кришна. Кришна поднялся и обнял ее. Несмотря на все разочарования, он был убежден, что найдет сестру. И вот она здесь!

Наступало утро, знойное и такое же душное, как вечер; первые тележки с овощами и фруктами тянулись к базару. В комнате Дамаянти спал ожидавший ее возвращения хозяин борделя. Проснувшись, он показал Кришне долговые обязательства и заявил, что Дамаянти обязана работать до тех пор, пока не заплатит долги.

Кришна с трудом понимал, в чем дело. В конце концов он сообразил, что хозяин хочет оставить Дамаянти в своем борделе, и приказал сестре немедленно следовать за ним. Дамаянти послушалась и пошла к двери. Она без колебаний оставила все, что было в ее комнате.

Кришна пошел за ней. Два года, проведенные в Калькутте, словно изгладились из памяти Дамаянти. Ей казалось, будто вся ее жизнь была ожиданием возвращения в родную деревню.

Однако хозяин преградил ей дорогу. Кришна, с трудом сдерживая поднимавшийся в нем гнев, потребовал, чтобы хозяин их не задерживал, но тот, осыпая Кришну оскорблениями, грозил передать их обоим в руки полиции. Тогда Кришна бросился на хозяина, оттолкнул его и побежал вместе с Дамаянти вниз по лестнице.

Шум разбудил жильцов дома и полицейского, который жил со своей семьей на первом этаже. Он задержал беглецов, посмотрел долговые обязательства, которые предъявил хозяин, и отвел брата с сестрой в полицейский участок.

После короткого допроса Дамаянти отпустили, а Кришну отвели к судье, и тот приговорил его к денежному штрафу в пятьдесят рупий или к четырнадцати дням ареста. В коридоре суда Кришне удалось шепнуть сестре, чтобы она ждала его там, где он ночевал.

Дамаянти не решилась подняться в свою комнату и послала за вещами мальчика, а сама осталась ждать у подъезда. Она видела, как мальчик с хозяином вышли из дома. Хозяин взволнованно бежал от одного торговца к другому. Девушка стоила дороже бриллианта; ведь за бриллиант деньги удастся получить только раз, а девушку можно продавать каждую ночь.

В оживленном переулке скрыться оказалось нетрудно. Дамаянти обменяла свое шелковое сари на кусок дешевого ситца и, получив в придачу деньги, смогла кое-как питаться. Ночью она ложилась спать на мостовой, на том самом месте, где нашла брата. Так же неподвижно сидела она под палящим солнцем и на четырнадцатый день. Под вечер пришел Кришна. Они сразу же отправились в обратный путь, домой.

Так закончилась история певицы в золотом платье. Я вспомнил, что видел девушку в баре «Гранд-отеля» два года назад, при первом моем посещении Калькутты, но тогда я не имел ни малейшего представления о ее судьбе, совсем необычной: Калькутта ведь редко отпускает свои жертвы.

Сражение камнями

Мы вышли из ресторана, намереваясь отдохнуть после обеда в своих комнатах. Сорок один градус! Солнце стояло прямо над торговыми домами Чоурингхи и Парк-стрит.

Когда мы проходили мимо Бюро обслуживания, то заметили какое-то смущение на лицах служащих. Перед отелем собралась толпа протестующих людей, которая явно намеревалась штурмовать этот «увеселительный дворец». Мне это показалось вполне разумным: ведь более трех четвертей жителей Калькутты живут в вонючих, перенаселенных многоквартирных домах.

Семьдесят пять процентов больших семей вынуждены довольствоваться одной комнатой; на двадцать восемь — тридцать девять человек — только один водопроводный кран; одним отхожим местом пользуются от двадцати одного до двадцати трех человек.

По официальной статистике, в Калькутте было около тридцати тысяч бездомных, которые все делали на мостовой: готовили пищу, ели, отправляли свои естественные потребности и спали. Когда видишь длинные ряды бездомных на вечерних улицах и в переулках, то начинаешь думать, что половина населения Калькутты живет на улице.

Портье стоял, подняв руки, перед голодной толпой и, несмотря на свою представительную фигуру, лишь с большим трудом оттеснял демонстрантов.

Ювелир магазина в отеле опустил жалюзи на витринах и исчез с озабоченным лицом, в то время как три побледневших служащих поспешили на помощь портье.

Мой знакомый предложил выйти из отеля. Он считал, что на улице интересней, против чего я не мог возражать. Впрочем, признаться, при виде взволнованных лиц и угрожающе поднятых кулаков мне стало как-то не по себе. Мы прошли мимо портье на улицу, повернули налево в узкий переулок между ювелирным магазином и протестующей толпой. К счастью, нас пропустили. Всю свою ненависть демонстранты обрушили на роскошное здание «Гранд-отеля», в котором как раз в это время вели переговоры директора одной из индийских монополистических компаний.

Неожиданно мы услышали завывание сирены. Кричащая толпа увлекла нас налево, на соседнюю улицу, ведущую к Новому рынку. Рубашки прилипли к телу. Мой знакомый понял, что мы попали в ловушку, и растерянно посмотрел на меня. Одну сторону улицы блокировала толпа, другую перегородили два грузовика с решетками из толстой проволоки — машины калькуттской полиции. Автомобили остановились примерно в двадцати метрах от нас. На полицейских были плоские шлемы, в руках они держали проволочные щиты. Два офицера в беретах подавали команды. Полицейские спрыгнули с машин и стали теснить толпу щитами и дубинками.

Напряженность ситуации обострила мое внимание, и я отчетливо различал сейчас все детали. Слева и справа от мостовой длинными рядами стояли легковые машины, над входом в кинотеатр висели два огромных ярких плаката, а небо казалось бледным и безучастным. На плакате слева крупными буквами было написано: «Али-Баба и 40 разбойников», на плакате справа — «Амарапалли» и имя исполнительницы главной роли — Виджаянтимала. Огромный портрет актрисы говорил о том, что она бенгалка по национальности, с нежным взглядом и мягко очерченной грудью.

Мы прижались к деревянному забору. Мой знакомый, журналист, заметил, что самое лучшее было бы проскользнуть в подворотню на другой стороне улицы. Он, однако, опоздал со своим советом. Полицейские оказались около нас, а демонстранты начали бросать камни. Мы слышали звон разбитых стекол и удары о металлические крыши автомобилей. Полицейские вклинились в толпу, избивая демонстрантов дубинками, и вскоре завладели положением. Демонстрация была не из тех серьезных стычек с выстрелами, убитыми и ранеными, о которых я ежедневно читал в газетах. Она стихийно возникла, после того как разнеслись слухи о собрании директоров в «Гранд-отеле».

Мы выждали, пока полицейские машины уехали, и возвратились на Чоурингхи. Автобусы, легковые автомобили, такси, мотороллеры, велосипедисты и грузовики нескончаемой вереницей скользили мимо нас. Тут же двигались повозки, запряженные быками, и рикши. Нам встретился бородатый, почти совсем голый святой, неизвестно почему шагавший посередине мостовой.

Из стен у входа в «Гранд-отель» оказалось выбито несколько камней. Ювелир поднял жалюзи на витринах и с большим вниманием стал рассматривать ожерелье из камней «тигриный глаз».

Мы подошли к дежурному за ключами. Навстречу нам шла изящная, очень красивая индианка в сопровождении метрдотеля ресторана, мистера Гхоша, окруженная свитой молодых мужчин и женщин. На лице ее застыла какая-то загадочная веселая улыбка, всегда восхищавшая меня в индийских женщинах, хотя и остававшаяся непонятной. Вероятно, она брала начало в далеком прошлом, когда любовь занимала такое же почетное место, как поэзия, изобразительное искусство

и религия, и была воплощением совершенного искусства «Кама сутры».

Лицо женщины показалось мне знакомым, и я стал вспоминать, где уже видел ее однажды. И вдруг меня осенило... я вспомнил портрет на киноафише, вывешенной на улице недалеко от рынка.

Мистер Гхош протянул мне обе руки, свита остановилась. Я был представлен, как благоговейно заявил Гхош, «одной из лучших, если не самой лучшей киноактрисе Южной Индии, мадам Виджаянтимале».

Неожиданная встреча смутила меня. В киноактрисах, по моим представлениям, есть нечто такое, что поднимает их над всем привычным и превращает чуть ли не в божества. Ведь на афишах и на экране актрисы кажутся очень далекими от нас, простых смертных, которым лишь очень редко представляется случай познакомиться с ними лично.

Мадам Виджаянтимала приятно улыбнулась, женская половина свиты зашептала и захихикала, а взгляды мужчин, смотревших на нас изучающе, стали суровыми. Волнение от только что закончившегося сражения камнями еще не улеглось, и я, растерявшись, не знал, что сказать. Мой спутник тоже молчал. Голоса свиты становились всё громче, все снова пришли в движение, а я, следуя интуиции, галантно поцеловал руку мадам Виджаянтималы, чем и снискал уважение мистера Гхоша.

Нам уже не хотелось идти в комнаты, и мы решили выпить по чашке чаю на террасе внутреннего двора. Здания отеля с многочисленными окнами ограждали большую территорию, отделяя ее от внешнего мира.

Мне показалось, что стало еще жарче, чем в полдень. Яркие лучи солнца проникали даже сквозь ткань навеса, и я физически чувствовал их прикосновение. Кроме нас, на террасе никого не было. Мы тренировались в произношении имени киноактрисы.

Рядом со мной возвышалась пальма, устремившаяся в прямоугольное небо. Голова питона, который обвинил ее ствол, шевелила языком, косясь на меня, и мне все лучше удавалось произносить имя Виджаянтимала. Я пристально смотрел на змею. Это была единственная большая змея, которую я видел в Индии. Даже в джунглях мне ни разу не встречалась такая, хотя я усердно выслеживал ее, сидя на спине слона в Национальном парке имени Корбетта^{32}.

Голова с высунутым языком приподнималась на гладком стволе совсем близко от меня; лицо у нее было женское. Пальма оказалась настоящей, змея — из папье-маше.

Мысли мои ушли куда-то в сторону. Я думал о том, что «Гранд-отель» с его искусственными змеями, индийскими танцами, изысканными блюдами и дорогими напитками, музыкой и эротическими вывертами «французской танцевальной пары» из Бейрута из вечера в вечер превращается в огромный дворец удовольствий. А за окнами на каменных мостовых лежат бездомные. Как хорошо понимал я в этот момент возмущение толпы, собравшейся несколько часов назад перед отелем.

Национальное восстание однажды уже началось в Калькутте, и я чувствовал, что и на этот раз волнение, вызванное голодом, бесполезными смертями и социальной несправедливостью, тоже может начаться здесь, и столкновение, свидетелем которого я был, могло стать поленом, подложенным под кипящий котел.

В этот момент к нашему столику подошел мистер Гхош. Его лицо все еще сияло от радости.

— Очаровательная женщина, не правда ли, господа? — произнес Гхош.

Метрдотель с молниеносной быстротой распространил слух о том, как я поцеловал руку мадам

Виджаянтималы; и когда мы вошли в прохладный зал ресторана, чтобы пообедать, сидящие за столиками зашушукались.

For a living^[1]

Небо надо мной было покрыто сетью электрических проводов, натянутых между стенами и мачтами, и освещалось после наступления темноты огнями реклам, витрин и уличными фонарями. Я чувствовал, что постепенно приближаюсь к истине. Двенадцать дней значили немного в этом городе, даже если они казались бесконечными и были наполнены массой впечатлений, поток которых не иссякал. Собственно, мне нужен был отдых, и поэтому я отправился к Майдану, большому тенистому парку в центре Калькутты с музеем Виктории^{33} и современным ипподромом, который раньше служил для прогулок британских офицеров и чиновников; здесь они катались со своими «хиндустанскими возлюбленными» в элегантных дрожках, запряженных лошадьми, в то время как их супруги курили дома индийские трубки.

Еще немного, и шум торгового квартала остался позади. В Майдане не было пересекающихся проводов. Пройдя под кронами тенистых деревьев, я присел на скамью. Цветущие кустарники закрывали вид на зеленые равнинные луга, которые вели к берегу Хугли. Но даже здесь было невыносимо душно. Воздух, как губка, был пропитан влагой, но несмотря на это пели птицы, и их голоса заставляли еще более ощутимо воспринимать впечатляющую тишину.

Калькутта, столица Бенгалии, расположена на небольшой площади и потому перенаселена: на одну квадратную милю приходится 102 010 человек. За последние двадцать лет город приобрел мировое значение. Как магнит притягивал он мужчин со всех концов страны. Они оставляли свои семьи и приходили сюда «на заработки». Трогательная история, если

проследить ее на отдельных судьбах. Они приезжали сюда, так как уже не могли жить дома, приезжали с надеждой найти в Калькутте работу, получить средства к жизни не только для себя, но и для своих родителей, жен и детей, оставленных в Бихаре, Уттар Прадеше или Ориссе.

Они были рады, если им давали работу, и соглашались на любой труд. Работали рикшами и грузчиками; были подсобными рабочими на джутовых фабриках и складах, чистили отхожие места и мели дворы перед храмами. Они выполняли какую угодно работу, а когда работы не было, находили какой-нибудь выход или умирали с голоду. Проходило несколько лет — и они становились сыновьями Калькутты. Джунгли улиц поглощали пришедших на заработки ради своих семей, город выжимал из них последние капли пота.

Безрадостно жили переселенцы без семей; того немногого, что они зарабатывали, не хватало на поездку домой. Если они не хотели обречь своих близких на голодную смерть, то не могли позволить себе стать жертвами соблазнов квартала красных фонарей или других переулков с дешевыми проститутками.

В 1961 году шестьдесят два процента населения Калькутты составляли мужчины; в последующие годы соотношение немного выравнивалось, но все-таки преобладание мужчин и недостаток женщин явились тем пороком, который способствовал вспышкам человеческих страстей, преступной торговле девушками, выстрелам сутенеров в темных переулках.

Они приехали сюда на заработки и тряслись над каждым заработанным пайсом. Они были скупы, жестоки, голодны, хитры, но имели великодушное сердце; у них проявлялись качества, о которых они и не подозревали, живя в обособленных деревнях. Где бы ни работали иммигранты — на джутовой прядильне или

текстильном предприятии, на машиностроительном заводе или на корабельной верфи, на бумажной фабрике или в типографии, — они становились частью пролетариата, а самые упорные, самые бескорыстные, самые ловкие и храбрые из них боролись бок о бок с давно осевшими здесь рабочими Калькутты за осуществление своей скромной мечты.

Они приехали на заработки, и единственным родным местом в этом городе, который их удерживал и отталкивал, был почтамт. Они регулярно посещали его, чтобы послать своим близким с трудом сэкономленные рупии. Здесь перед кассовым окошком с решеткой терпеливо ждали робкие мускулистые люди, которым следовало бы воздвигнуть памятник перед музеем Виктории. Они доставали из узелков свои жалкие рупии, пересчитывали их перед служащими и полными страха глазами смотрели, как их деньги исчезают в черном ящичке.

Они приехали на заработки и несли на своих плечах, сами того не сознавая, бремя хозяйства Восточной и отчасти Центральной Индии. В Калькутте сконцентрировано пятнадцать процентов всей промышленности Индии, а в ее портах перегружается ежегодно сорок два процента экспорта и двадцать пять процентов импорта Индии^{34}.

Они приехали на заработки — эти большие и в то же время маленькие люди, которые из года в год посылали все вместе двести восемьдесят миллионов рупий своим семьям в Бихар, Ориссу и Уттар Прадеш.

Да, конечно же, следовало бы воздвигнуть им памятник перед музеем Виктории в Майдане!

Я сидел на скамье в парке Майдан; жара была гнетущей, солнце уже добралось до носков моих ботинок, и мне вовсе не хотелось смотреть на змей с высунутыми языками, поднимающих головы из корзинок

двух заклинателей, которые выследили меня. У меня не было также ни малейшего желания наблюдать за шесть рупий борьбу привязанной на цепь мангусты с коброй. Я пытался прогнать фокусников, которые когда-то были уважаемыми людьми, но уже не вписывались в пейзаж современной Индии.

Ничто никогда не кончается, и все же однажды в Индии произойдет нечто, завершающее происходящий процесс. Я подумал, что начнется это, возможно, в Калькутте, где сконцентрирована большая часть промышленного пролетариата. Почти каждый день здесь происходили забастовки, голодные волнения, студенческие возмущения и кровавые столкновения с полицией — и уже не только «для заработков».

В марте 1967 года я посетил Калькутту во время выборов. После победы объединенного фронта четырнадцати демократических партий образовалось правительство, в которое вошло несколько коммунистов. Экономическая программа нового правительства предусматривала национализацию торговли зерном, раздел пустовавших земель между безземельными и малоземельными крестьянами и строгие меры по борьбе со спекуляцией. Программа нашла широкое одобрение у населения Западной Бенгалии и вызвала ожесточенное противодействие крупных землевладельцев и монополистов, которые спровоцировали волнения в Калькутте путем повышения трамвайных тарифов и разжигания религиозных чувств. Полиция подавляла волнения, применяя дубинки и слезоточивый газ. Одиннадцать человек были убиты, сто пятьдесят — ранены.

В ноябре 1967 года центральное правительство в Дели распустило конституционное правительство и назначило правительство меньшинства. Все партии объединенного демократического фронта осудили эту меру. Генеральная забастовка, уличные бои и стачечное

движение, в результате которых тысячи людей были ранены или арестованы, не оставляли сомнений в том, на чьей стороне большинство народа. И когда в феврале 1969 года состоялись новые выборы, левые силы одержали убедительную победу, завоевав двести десять из двухсот восьмидесяти мест в новом законодательном собрании штата Западная Бенгалия.

Фактически борьба шла за нечто большее, чем только существование, хотя обеспечение жизненного минимума все еще оставалось главной проблемой. Новому правительству было трудно; нападки врагов не прекращались, да и не могли прекратиться, пока противники не оказались разбиты, а произошло это лишь после того, как их лишили финансового могущества.

Тень дерева, под которым я сидел, отступила, время бежало, но красные цветы продолжали благоухать. Быть может, даже пели птицы, но я не слышал их, прислушиваясь к далекому шуму города. Даже здесь, в спокойном Майдане, который в лунном свете должен казаться оазисом блаженства, я чувствовал напряженную атмосферу Калькутты. Мне говорили, что по ночам в Майдане встречаются пары влюбленных. Однажды я, пошел в парк ночью, испугнул сутенера, пробрался мимо бездомных, лежавших у витрин, сунул в руку заспанной нищенке несколько пайсов... Я пошел туда, так как не мог себе представить, чтобы в центре Калькутты сохранилась еще романтика ночных свиданий.

Прогуливаясь по уединенной аллее, я вспомнил о вздрагивающем обручке человека на Хоурском мосту, о человеке без рук и без ног, на спине которого лежали двое маленьких голых детей; я вспомнил о старике на улице Хан-Читпур-Роуд, умершем на мостовой, в самой гуще уличного движения. Я не мог пройти мимо, как проходили другие, хотя зрелище было ужасным.

Коричневая кожа несчастного сделалась серой, как камни, на которых он умер.

Я вспомнил также о папе Павле VI, который 27 марта 1967 года в девять часов утра поставил в Риме свою подпись под социальной энцикликой «*Populorum progressio*» — «О прогрессе народов». Появлению этой энциклики во многом способствовал его визит в Индию. В ней говорилось о больном мире, который делится на бедных и богатых; причину этого папа Павел VI видел в «международном империализме денег», в экономической системе, при которой общее благополучие в некоторых случаях требует экспроприации.

Прогуливаясь по дорожкам парка Майдан, где были слышны только мои шаги, я вспомнил, что ежегодно от голода во всех уголках мира умирают тридцать пять миллионов человек, и спросил себя, сколько же их вот сейчас, в этот момент, не могут уснуть от голода или уже умирают от истощения где-то в трущобах Калькутты. «Майдан скрывает в листве деревьев поцелуи влюбленных», — сказал мне один поэт, которого я встретил в Национальной библиотеке. Потом он спросил меня, что я думаю о ликвидации формы в современной мировой литературе.

Это была чудесная ночь, и я подумал, что, может быть, Майдан как раз и создан для того, чтобы обо всем забыть. Светила луна, а о звездах нечего и говорить; двое полицейских прошли мимо в нерешительности, так ничего и не сказав. Я обошел весь парк вдоль и поперек, вышел к пруду, где плавали белые лилии, и подумал уже, что нашел оазис блаженства, но здесь опять встретил двух полицейских, отдыхавших на скамье.

Майдан столь тщательно скрывал поцелуи влюбленных, что я так ничего не услышал и не увидел, кроме фазана, который одиноко и невозмутимо стоял на

лугу. Может, было уже слишком поздно. Я никогда еще не видел такой луны: не серп, а корзиночка, излучающая сияние, и не жалел, что потерял направление; отблеск на небе указал мне, где находилась Чоурингхи.

Ничего не произошло, и все же ночная прогулка по Майдану оставила след в моей душе, который когда-нибудь, когда я буду далеко от Калькутты, снова приведет меня в этот город.

А сейчас мысли приходили и уходили. Я знал мало и знал много; а от заклинателя змей с мангустой на цепочке никак нельзя было отделаться. Он сидел напротив меня на солнце, смотрел мимо и все же был уверен, что ему удастся меня уговорить. Мангуста тоже пристально смотрела на меня своими внимательными глазами, а змеи в корзине, по-видимому, чувствовали себя на жаре превосходно.

Жизнь в Калькутте сбивает с толку. Это — сплетение нервных волокон, проникающих в глубь страны, железные и шоссейные дороги, спроектированные англичанами и построенные под палящим солнцем индийскими кули; широкие асфальтированные дороги и рельсовые магистрали на Мадрас, Бомбей и Дели; пароходы на Хугли, которые входят в порт Калькутты, протяженностью около двадцати километров; океанские корабли, которые из-за песчаных наносов в рукаве реки становятся на якорь в порту.

Я чувствовал, что невозможно предвидеть будущее Калькутты, как вообще никогда нельзя поставить на чем-нибудь точку: всегда останется что-то для исследовательского ума и радость открытия. Следовало, пожалуй, сбросить с себя как восторженность, так и подавленность и попытаться на миг стать таким, какими стали сыны Калькутты: «печальными, мудрыми, полными юмора и горечи».

Заклинатель змей поднялся. Я был уже готов к представлению. Знание людей было такой же неотъемлемой принадлежностью его профессии, как и умение играть на флейте и кормить змей.

— Пять рупий, саиб! Борьба змеи и мангусты. Пять рупий, саиб!

Я утвердительно кивнул, «печальный, мудрый, полный юмора и горечи». Лицо заклинателя выразило спокойное торжество. Он оказался прав, а тот, другой, который не дождался и ушел, — плохой работник. Заклинатель, скрестив ноги, уселся прямо передо мной, открыл корзину, дернул за цепь, прошептал мангусте несколько отрывистых команд и начал с некоторой торжественностью играть на флейте. Ее жалобные деревянные звуки затухали во влажном, теплом воздухе и были слышны только на очень близком расстоянии.

Змеи, извиваясь, тянулись вверх: голова одной кобры появилась над краем корзины, но, заметив изготовившегося к прыжку опасного врага, кобра тотчас же спряталась обратно. Заклинатель змей выругался и свирепо дернул за цепочку. Потом снова заиграл на флейте, но и это не помогло. Змея не отваживалась высунуться из корзины. Несмотря на привычные движения флейты, рефлекс не срабатывал, так как инстинкт самосохранения, вызванный видом готовой к борьбе мангусты, оказался сильнее.

Солнце нещадно пекло мою голову, в красных цветах кустарника я уже не видел ничего особенного, и к тому же я забыл свой фотоаппарат. Больше всего мне хотелось встать и уйти, но я уже решил, что дома расскажу о драматической борьбе между мангустой и ядовитой коброй. При этом я, конечно, не собирался рассказывать ни о Майдане, ни о звуках флейты заклинателя змей, а хотел перенести место действия в полные опасности джунгли.

Человек, который уловил на моем лице нетерпение, успокаивающе поднял руки, как бы говоря: «Не беспокойтесь, сахиб, все будет как надо». Затем он сунул правую руку в корзину, схватил самую большую змею и выбросил ее. Мангуста, поворачивая свою острую мордочку из стороны в сторону, бросалась на змею, да так стремительно, что я едва успевал следить за ней; но змея, вдруг обретя невероятную подвижность, выпрямляла верхнюю часть туловища, стремительно выбрасывала голову, как стрелу, вперед, стараясь предупредить нападение мангусты и нанести ей смертельный укус, который на самом деле не может принести зверьку вреда, так как у кобры по закону должны быть удалены ядовитые зубы.

Я был сильно взволнован, симпатии мои с самого начала были на стороне мангусты, и меня сердило, что заклинатель оттягивал мангусту, как только преимущество оказывалось на ее стороне. У меня создалось впечатление, что это была честная борьба между двумя противниками, которые боролись, правда разными средствами, но все же были равны то силе, хотя я отдавал предпочтение мангусте, ибо она была моим фаворитом.

Представление длилось всего лишь несколько минут. Заклинатель не хотел лишаться ни мангусты, ни змеи. Он закончил борьбу, посадив мангусту на цепь и привязав ее к скамейке около моей правой ноги. Змея, убедившись, что опасность миновала, сама уползла в корзину.

Заклинатель захлопнул крышку и протянул руку. Я дал ему обещанные пять рупий, да он и не пытался просить больше. Это было уже не похоже на мои встречи при первом посещении Дели, где чистильщик обуви запросил большую цену, так как я выглядел новичком. Значит, я все-таки поднялся на ступеньку выше.

Заклинатель змей отвязал цепь, поднял корзину и пошел со своей мангустой, флейтой, змеями и узелком одежды на бамбуковой палке. Он нес с собой все необходимое для его профессии, как бродячий паяльщик или чистильщик обуви. Сегодня здесь, завтра там — он ищет свое счастье. Ради заработка!

Баскетбой^[2]

Это произошло в последний день перед моим отъездом из Калькутты. Я только что возвратился из поездки в Эллору^{35} и Аджанту^{36}, мои мысли все еще были прикованы к великолепным фрескам и скульптурам скальных храмов, и у меня не было ни малейшего намерения делать какие-либо покупки. Когда после завтрака я, прогуливаясь без всякой цели, направился к Новому рынку, местность показалась мне настолько знакомой, что я уже не надеялся открыть для себя что-нибудь новое. Я знал уже достаточно об этом квартале, он напоминал мне лицо, которое видишь слишком часто.

Я брел по улицам, где был свидетелем волнений людей, бросавших камни. Вот портрет мадам Виджаянтималы на киноафише. На левой и правой сторонах улицы стояли автомобили, спешили прохожие, а в серых доходных домах за спущенными шторами скрывалась жизнь.

Голод 1943 года, как мне рассказали, был «искусственным голодом» и не причинил этому городу большого вреда^{37}. До сих пор я не знал, что существуют два вида голода: искусственный и естественный, и должен признаться, что эти понятия в данном случае очень близки, однако ничего более точного мне пока узнать не удалось.

Баскетбой, которому в 1943 году было двадцать лет, чисто случайно не умер от голода. Свирепствовавшие тогда голод и холера не смогли погасить или разрушить его жизнь. Наоборот, они придали ему достойные удивления сопротивляемость и невозмутимость.

Я встретил его у павильона на рынке, в котором торговали тканями. Разносчик сидел около своей корзинки, потом увидел меня, поднялся и последовал за мной как тень. Да я и не пытался отделаться от него, так как он говорил по-английски и исполнял свои обязанности с большим тактом и достоинством.

В тот день — это было в 1943-м голодном году — он выбрался на рассвете из своего ночного укрытия, прогнал коршунов от тел умерших и рассыпал перед статуей Кали цветы, которые сорвал с пышно расцветшего, несмотря на все беды людей, куста. Затем, как и каждое утро, он нарисовал себе на лбу знак золотом и прошептал:

— О богиня, благодарю тебя, что ты сохранила мне жизнь. Дай мне сил дойти до рынка.

Но тут он потерял сознание, и прислужник священнослужителя вытащил его из храма. Разносчик лежал рядом с другими безжизненными телами, сначала в тени, падавшей от стены, а потом под палящим солнцем; он уже не чувствовал больше опустошающего голода, который унес миллионы жизней с улиц Калькутты и из всей Бенгалии, в том числе его отца и двух братьев. О причинах этого бедствия он даже не догадывался.

Собственно, голод был подготовлен нападением японцев на Пирл-Харбор, опорный пункт американского Тихоокеанского флота. С вступлением Соединенных Штатов Америки во вторую мировую войну начались бои на Тихом океане. Японские войска заняли Малайю и продвинулись до Бирмы — основного поставщика риса для Бенгалии.

Все эти события можно было предусмотреть. Это не наводнение, не ураган, не отсутствие муссонных дождей и не землетрясение, которые иногда постигают землю. Эти события подготавливались годами и

обсуждались британским колониальным правительством в Индии с преступным равнодушием.

Впоследствии его действия разоблачил Неру. «Это был голод, вызванный рукой человека; выявилась картина страны, скрытая за тонким покровом благополучия маленькой горстки людей высших слоев, картина бедности и позора британского господства».

В то время как двадцатилетний разносчик без сознания лежал под палящим солнцем на земле перед храмом черноликой богини Кали, а улицы Калькутты были усеяны трупами, на ипподроме в тенистом Майдане происходили бега. В Бенгалии было почти невозможно получить хоть какие-нибудь транспортные средства для подвоза продовольствия, а благородных беговых лошадей, выносливых и сильных, доставили по железной дороге из Восточной и Северной Индии в особых вагонах; они имели все необходимое.

Посетители бегов проезжали мимо бесчисленного множества умирающих женщин, детей, мужчин, у которых не было даже сил, чтобы поднять кулаки против празднично разодетых дам и господ, а в это самое время послушные правительству газеты опровергали тот факт, что в стране начался голод. А когда калькуттская газета «Стейтсмен» отважилась презреть цензуру и опубликовать фотографии, изображающие умирающих женщин и детей, представитель правительства Индии выразил протест против «драматизации положения», касавшегося его так же мало, как дам и господ на ипподроме, которым приходилось испытывать страдания, причиняемые лишь жарой и чрезмерным азартом.

Во дворцах разбогатевших набобов Северной Калькутты и в виллах англичан на юге, заработавших миллионы рупий на военных заказах и спекуляции продовольствием, недостаток которого ежедневно убивал десятки тысяч людей, устраивались празднества

и танцевальные вечера. Почти непостижимо, и тем не менее это действительно так. Можно подумать, что грозная смерть на улицах Калькутты разожгла жажду удовольствий и алчность определенных слоев общества.

В составленном позже отчете Комиссии по расследованию причин голода говорилось, что из несчастья народа были извлечены огромные прибыли: «Одна часть общества жила в излишестве, в то время как другая умирала с голоду, и первая проявляла полное равнодушие к страданиям народа. Во всех провинциях во многих слоях населения наблюдалось разложение нравов».

Это был отчет правительственной Комиссии, не все в нем соответствовало действительности, и язык был слишком сдержанным, но тем не менее Комиссия была вынуждена раскрыть и некоторую долю правды. То, что в отчете робко названо равнодушием и испорченностью большей части общества, в действительности было не что иное, как убийство имущими своих беднейших соотечественников. В отчете сказано, что от голода умерло полмиллиона человек, на самом же деле — три миллиона. Общая же прибыль «от этих махинаций на голоде и нужде» составила полмиллиарда рупий. Следовательно, на каждом умершем заработали не одну сотню рупий.

Джавахарлал Неру с горечью писал: «Англичане непременно уйдут из Индии, и их колониальное права останется всего лишь воспоминанием; что же они оставят, когда, наконец, уйдут: какое человеческое унижение и сколько накопленных страданий?»

А великий бенгальский поэт и философ Рабиндранат Тагор, который предвидел приближающуюся беду за два года до ее наступления, со своего смертного ложа сказал: «Какую же Индию оставите вы, какую огромную нищету? Когда жизненный источник вашего столетнего

правления, наконец, иссякнет, какую пустыню грязи и мусора оставите вы?»

Пока двадцатилетний баскетбой все еще без сознания лежал перед храмом черноликой богини Кали, напротив, в вилле фабриканта обуви М., напоминавшей дворец, на втором этаже собрались гости. Было уже под вечер, благоухал раскинувшийся перед виллой сад с хорошо ухоженными газонами, который отгораживал ее от внешнего мира. Мужчины пили виски, дамы — ликер, еды было тоже достаточно.

Вечер проходил довольно скучно. Слушали историю о дедушке фабриканта, которая уже всем была давно известна. Дедушка — бенгальский раджа — примерно лет шестьдесят назад проиграл английскому майору замок, землю и имущество. Об этом проигрыше еще долго потом говорили, потому что майор против дворца, земли и имущества поставил свою возлюбленную.

Дедушка стал беден, как нищий, и, по словам фабриканта, у него самого тоже ничего не осталось, кроме аристократического происхождения; пришлось начинать все сначала. Тут последовало обычное восхваление способностей хозяина. Затем слуги принесли ужин.

К ужину подошла танцовщица Бомбейской труппы, и стало немного веселее. Заговорили и о голоде. Один из гостей даже сказал, что жизнь бедных, ни к чему не способных людей, очень печальна. Другой с иронией заметил, что правительство каждому разрешает смеяться, если он того хочет, на что третий глубокомысленно заявил, что оно и умирать разрешает каждому, кто этого пожелает. Это была пустая болтовня, и дальше ее, наверное, дело бы не пошло. Но тут один подвыпивший гость добавил: «Умирают, когда *мы* этого хотим». Он подчеркнул слово «мы», и каждого неприятно задело, что он сказал правду. Кое-кто из присутствующих даже перестал есть.

Гость зашел слишком далеко. Как это понимать: «Умирают, когда *мы* этого хотим?» Есть граница, которую нельзя переходить.

Дельцы наживаются, а люди умирают, и нет нужды вскрывать взаимосвязь. В конце концов это их профессия зарабатывать деньги, и если цены на рис с каждым днем растут, то ведь его держали на складе, выжидая повышения цен, не задумываясь над последствиями.

Неожиданно в зал вошел призрак голода, и тут уже были бессильны и молчание, и слова. Даже фабрикант не мог отделаться от мысли об исхудалых фигурах перед дверью его дома, а танцовщица из Бомбея встала и ушла.

Выйдя на воздух, она вздохнула с облегчением. Танцовщица и сама не понимала, почему она ушла, и никогда не поймет. Она была молода, и ее воображение разыгралось, когда ей напомнили о смерти. В саду было темно, над входом горела лампа: в лучах ее света стояли два сторожа. Перед храмом на другой стороне улицы тоже горела лампа. Танцовщица прошла мимо сторожей и направилась к храму. Ее влекло к тишине и уединению.

Служитель уже убрал мертвых, и лишь баскетбой остался лежать. И тут танцовщица, отвыкшая со времени приезда в Калькутту смотреть людям в глаза, взглянула на его лицо. Ей захотелось наклониться к нему, однако она прошла в храм.

Запах курений и увядших цветов вновь напомнил ей о смерти. Она подумала о безжизненном теле разносчика, и ей захотелось что-нибудь сделать для него. Мерцающий свет лампад и полуголый служитель вселили в нее страх. Танцовщица помолилась, не отдавая себе отчета в том, какую молитву она произносит, и вышла из храма.

Она побежала к вилле, попросила на кухне риса, куриного мяса и кружку чаю. У женщины мелькнула было мысль, что, может, все это напрасно, но она ее отогнала.

Разносчик очнулся от обморока и, когда увидел танцовщицу, то подумал, что богиня Кали послала ее, чтобы помочь ему побороть голод. Позднее он рассказывал, что это была сама Кали, представшая перед ним в образе девушки.

Баскетбой выиил чаю, съел куриное мясо, а когда захотел поблагодарить свою спасительницу, то добрая фея уже исчезла. Однако еда и случившееся с ним чудо придали разносчику силы. Он не стал жертвой голода. Его жизнь продолжалась, и в последующие тяжелые годы он всегда находил выход, хотя чудо больше не повторялось.

Жизненный опыт многому научил его и сделал мудрым. На его рубашке пришит знак — полученная от городской организации лицензия разносчика, он относится к наиболее достойным представителям Нового рынка. Торговцы, чьи товары он разносил, платили ему рупию за каждую сделку, заключенную при его посредничестве. Кроме того, он имел право доставлять купленный товар покупателю на дом и плату за это брать себе.

Увидев меня, разносчик встал, поставил корзину на голову и провел меня в павильоны рынка. Как я уже говорил, у меня не было ни малейшего намерения что-либо покупать, и я пошел за ним лишь потому, что мне понравилась его ненавязчивая и в то же время настойчивая манера, против которой трудно было устоять.

Он заботливо вел меня по узким проходам, в которых стоял запах ковров и тканей, мимо хлопчатобумажных тканей, шелковых сари, мимо переливающейся разными цветами парчи и

кашемировых платков, белоснежного полотна и расшитых золотом и серебром палантинов к лавке своего хозяина, который приветствовал меня, как своего первого покупателя. Хозяин уверял, что посещение его лавки для меня большое счастье, так как он придерживается строгого правила продавать первому покупателю товар по себестоимости.

Я сказал, что не собираюсь ничего покупать, но он все-таки начал показывать мне свой товар. Пододвинул мне скамеечку, послал мальчика за кока-колой и привычным движением стал развертывать передо мной одно сари за другим. Все это напоминало мне пьесу, в которой я незаметно для себя превратился из зрителя в актера.

В соответствии с замыслом режиссера я сидел с безучастным видом на скамеечке, потягивая через соломинку приготовленную из таинственных пряностей и темно-коричневого лака кока-колу. Баскетбой стоял в конце узкой лавки, на потолке которой вращался фен, а в дверь заглядывали люди, так что их головы образовывали настоящую пирамиду, и с большим интересом наблюдали за происходящим. Сари, которые показывал хозяин, были чудесны, и я с трудом заставлял себя усидеть на скамеечке.

«М. И. Банерджи, крупный торговец, коренной бенгалец, бывший актер, экспортер шелковых сари во все страны мира. Калькутта. Новый рынок, IV-5, телефон 5735» — значилось в его визитной карточке. «Крупный торговец» мило улыбался. Безошибочный инстинкт подсказывал ему, что торговля идет нормально.

— Все сари, которые вы видите здесь, сэр, доставлены из Бенареса, со всемирно известной шелкоткацкой фабрики. Мой господин, ничего лучшего не бывает. Посмотрите вот это! Нежное, как дыхание, и темное, как ночное небо, усыпанное золотыми звездами!

Мое сердце учащенно билось. «Нежное, как дыхание, и темное, как ночное небо, усыпанное золотыми звездами!» Действительно, красивее этого я сари не видел. Просто мечта, синее облако из индийской сказки. Но я же решил, что не дам себя провести! Бросив взгляд на пирамиду из голов, торчавшую в дверях, я понял, что зрители одобряют мою тактику выжидания.

— Отложим его пока, — сказал хозяин и отложил сари; оно соскользнуло на пол. — Вы мой первый покупатель, мое большое счастье, сэр, сари будет стоить вам так дешево, что вы даже не можете себе представить.

Мое любопытство росло. Но нет! У меня тоже свои принципы. А если он мне подарит сари?! Сколько же у меня с собой денег?

Может, все же спросить о цене? Шутки ради? Ведь вопрос ни к чему не обязывает.

Я поймал взгляд баскетбоя, и мне показалось, будто он кивнул одобрительно. Только сейчас я заметил электрическую лампу, освещавшую помещение, и тусклое зеркало на стене.

Торговец без устали развертывал передо мной одно сари за другим. И расхваливал их, используя избитые поэтические выражения. Я плавал в пестром море сари и уже почти не решался двигаться. Торговец был полон усердия и старания предложить мне красивейшее сари из красивейших. Его лоб блестел, и все, что он говорил, относилось ко мне, его первому покупателю в это утро, его большому счастью.

Тут мне в голову пришла хитрая мысль. А что, если воспользоваться суеверием торговца? Может быть, я и в самом деле смогу приобрести это прекрасное сари по баснословно дешевой цене? Именно в этот момент, как я понял позже, и произошло мое превращение из зрителя в актера. Пролог окончился, началось действие.

И только от меня теперь зависело, сколько оно продлится.

Продолжая сидеть на скамеечке, я выпрямился, откашлялся и, словно мимоходом, спросил о цене синего сари. Мой голос после долгого молчания звучал не очень уверенно. Чтобы быстрее войти в роль, я рассердился на себя и твердо решил не уступать ни одного пайсы сверх ста рупий.

— Потрогайте, сэр, какой шелк, — сказал торговец. — Это одна из моих самых драгоценных вещей. Вышивка — из чистого золота.

Он помолчал немного, словно борясь с собой.

— Триста рупий, — сказал он с грустью. — Это себестоимость товара, мой господин, я не хочу заработать на вас ни единого пайсы. Вы мое большое счастье, вы не можете так уйти, останьтесь же, сэр, останьтесь, есть и другие сари... Какой цвет волос у вашей жены?.. Темный?.. Посмотрите вот это, розовое с серебряными нитями, всего лишь за двести рупий. О боже, я теряю на этом, но вы мое большое счастье, нет, вы не можете так уйти...

Я поднялся и направился к двери. Я ни в коем случае не собирался платить триста рупий. Это был критический момент, однако торговец преодолел его, сбавив цену до двухсот семидесяти пяти. Когда же я отрицательно покачал головой, он вытащил из бумажника рекомендательное письмо некоего мистера Мансфилда из Манчестера, который в возвышенных тонах восхвалял товар и цены мистера Банерджи.

Письмо было изрядно потрепано, и один уголок оторван. Оно не произвело на меня ни малейшего впечатления. Моя настойчивость взяла верх, и я улыбнулся с превосходством. «Крупный торговец» был просто приведен в отчаяние моим упорством; мне стало даже жаль его.

Просто поразительно, как меняется настроение. Может быть, это оттого, что в тесном помещении нет ни одного окна? Во всем этом разыгравшемся на сумеречной сцене действии было что-то нереальное. Взглянув на часы, я отметил, что было около десяти утра. В это время служащие Калькутты занимают свои рабочие места в залах биржи. Их начальники появляются на час или два позже, и лишь тогда, собственно, начинается рабочий день.

Фен на потолке вращался не переставая, а мои мысли перескакивали с одного предмета на другой.

«Нежное, как дыхание, и темное, как ночное небо!»

Слова торговца прочно засели у меня в памяти.

Он снова стал меня уговаривать, а баскетбой ждал. Момент был упущен, просто исчезнуть я уже не мог, да, откровенно говоря, и не хотел.

Двести семьдесят пять рупий? Немыслимо! Я сделаю ему предложение, которое положит его на лопатки: сто рупий.

Черт возьми! Почему же я стою и молчу?

Я рассердился и поднял обе руки, чтобы умерить ораторский пыл торговца. Теперь очередь была за мной. Но это не доставило мне удовольствия.

Синее сари лежало у моих ног; торговец, баскетбой и зрители смотрели на меня выжидающе и слегка предостерегающе. Мой час настал, и, если бы не моя сдержанность, дело можно было бы решить еще быстрее.

Мог ли я предложить всего сто рупий за такую ценную ткань?

Не покажусь ли я зрителям совершенно неспособным к действию?

Сто рупий за настоящий бенаресский шелк с вышивкой чистым золотом?

Торговец почувствовал мои сомнения, и, как я понял позже, настал вовсе не мой, а как раз его час.

Выражение сдержанности неожиданно сошло с его лица, и он спросил тихо и смиренно:

— Сколько же вы дадите, сэр?

Отступить было некуда, и даже умоляющий взгляд, который я бросил разносчику, к счастью никем не замеченный, не мог мне помочь. Нет, было просто невозможно предложить всего сто рупий. Я стал бы смешон.

— Сто восемьдесят рупий! — сказал я твердым голосом и сразу же решил поднять цену до двухсот, но ни на пайсу больше. С этого момента я обрел свою обычную уверенность. Или двести рупий, или сделка не состоится.

Торговец безнадежно покачал головой. «Ну, дружок, — подумал я, — и на тебя нашлась управа».

Торг доставлял мне теперь большое удовольствие, я не чувствовал и тени сострадания. Я был тверд и больше ни на что не соглашался. Хозяин был вынужден задуматься. Зрители отступили от дверей. Хозяин удивил меня тем, что после окончания торга он сразу же из глубоко озабоченного человека превратился в приветливого и спокойного коммерсанта. Уже и речи не было о «первом клиенте» и «о большом счастье», которое тот ему принес. Он сложил сари, завернул его в бумагу и получил свои двести рупий.

Занавес опустился. Я превосходно сыграл свою роль. Заглянув в мой бумажник, торговец увидел, что там не густо. Говорить теперь было не о чем. Однако никогда ничего нельзя знать заранее.

— Приходите еще, будьте счастливы, сэр!

— Приходите еще, господин!

В этих словах сквозила невысказанная мысль: в следующий раз берите с собой побольше денег. Выходя из лавки с пакетом в руках, я заметил полный упрека взгляд, брошенный разносчиком. Как мог я о нем забыть! В конце концов ведь именно ему я обязан тем,

что приобрел восхитительное сари. Я торжественно передал ему восьмисотграммовый пакетик с покупкой. Разносчик положил его в корзину и понес на голове мимо многочисленных зрителей, толпившихся в базарном переулке.

Мы прошли через овощной рынок, где пахло свежими и гнилыми овощами. На прилавки с блестящими помидорами и круглым зеленым стручковым перцем упал солнечный луч. Дневной свет ослепил меня. Я осмотрелся, прищурившись, и тут мне впервые пришла в голову мысль, что совершенная мною сделка, может быть, не так уж выгодна, как я думал. Я тут же попытался отбросить эту мысль, но она продолжала меня тревожить.

Баскетбой шел на полшага сзади, и я никак не мог заставить его идти рядом. Если я шел медленнее, он тоже замедлял шаг, если быстрее, он тотчас же нагонял меня. Между нами все время сохранялось одинаковое расстояние. Когда же я предложил баскетбою позавтракать со мной, он недоверчиво улыбнулся.

Мы шли по небольшой улице и находились в квартале, который я хорошо знал. Мне все же удалось уговорить разносчика пройти в крошечное кафе, состоявшее всего лишь из одной тесной комнатки. Мы прогнали мух и сели за деревянный стол на высоких ножках.

Редко я видел такое количество мух в одном помещении. В конце комнаты сидели какие-то работники искусства и страстно спорили о пьесе. Они написали ее сами и хотели поставить. Сейчас у них не было работы, однако они надеялись в ближайшее время подработать несколько рупий и приобрести на них декорации. Они были молоды, и в их руках рождались удивительные произведения искусства.

Я когда-то слышал, что в тридцатых годах в Париже было пятьдесят тысяч художников. Сколько художников

жило сейчас в Калькутте, я не смог узнать, но уж, наверное, не меньше ста тысяч. В их числе были министры, бывшие министры, депутаты парламента, доценты университетов, библиотекари, студенты и такие же безработные, как и те, что сидели в этом жалком кафе и скорее умерли бы с голоду, чем отказались бы от постановки своих пьес.

Баскетбой съел овощное блюдо с ароматичной желтой приправой — соусом карри.

Мы поговорили. Я был удивлен, как хорошо он выражал свои мысли. В ответ на вопрос, выгодную ли покупку я сделал, разносчик похвалил сари.

Несмотря на мух, жару и запахи, доносившиеся с кухни, мы беседовали почти час. Когда мы выходили из кафе, молодые люди дошли до третьего акта драмы, а декоратор принес пять стаканов воды и самозабвенно смотрел на художников.

До «Гранд-отеля» оказалось совсем недалеко. Баскетбой продолжал идти за мной на почтительном расстоянии. Как это, однако, глупо называть сорокашестилетнего Мужчину баскетбоем! Его и сейчас продолжали так называть, как и при английских сахибах. Другого названия у этой профессии еще не было. В один прекрасный день нужда в баскетбоях отомрет, но это будет еще не скоро. А может, и очень скоро — не сегодня, так завтра. Мы повернули на Чоурингхи. Под аркой с колоннами разместились магазины. Большие витрины отлично оформлены, и в них все чего душа пожелает. До сих пор меня больше всего влекли к себе витрины с ювелирными и кустарными изделиями, но сегодня меня интересовал магазин текстильных изделий, один из самых дорогих в Калькутте.

Дыхание мое замерло. На витрине лежало мое сари цвета синего неба с золотыми звездами. Сомнения нет, это точно такое же сари, какое я приобрел у М. И.

Банерджи после часа утомительного торга. Я с трудом отважился бросить взгляд на цену. Оно стоило сто восемьдесят рупий в самом дорогом магазине Калькутты!

Я прибавил шагу, чтобы баскетбой ничего не заметил. Прошло довольно много времени, прежде чем мне удалось побороть свою досаду. Ну и надул же меня торговец! Я оказался его «большим счастьем» в прямом смысле этого слова. Двадцать лишних рупий — плата мне за науку! Зато я стал умнее, а умнеют чаще всего в результате поражения. Но это было действительно чудесное сари. Я утешился, прилично заплатил баскетбою и распрощался с ним.

И как я мог предположить, что хорошо знаю квартал около Нового рынка? Так бывает всегда, когда я думаю, что уже все постиг. Всегда появляется нечто новое, что убеждает меня в обратном. История разносчика звучала, как легенда. Казалось, ее можно было отнести на много веков назад, на самом же деле прошло всего двадцать семь лет.

В молодой танцовщице заговорила совесть, и разносчик остался жив. Скромная, полезная жизнь! Слуга покупает на рынке товары для своих хозяев, а он подносит их к дому. А иногда баскетбой рассказывает иностранцам свою историю. Это часть истории самой Калькутты.

Золотой Гоа

Много тысяч лет назад, так рассказывает легенда, на берегу океана стоял божественный Парасурам, вооруженный луком и стрелами, и никто из его свиты не догадывался, о чем он думает. Каждый день возвращался Парасурам к тому же месту — красному скалистому рифу — и смотрел на море. Он постился три недели, обращаясь со своими молитвами к Брахме, пока не снизошло на него просветление. И тогда, в вечерние сумерки, стоя на скале, он выпустил стрелу в море. Начался сильный шторм, разверзлись воды, и из них появилась полоса плодородной земли с вечнозелеными кокосовыми пальмами, пологими горными склонами, реками, лагунами и цветущими равнинами — Гормант, или Гоа.

Бог подарил эту землю брахманам одной восточной империи, которые после долгого и тяжелого путешествия поселились в Гоа. В честь своего господина Парасурама они построили там храм.

Подлинная история Гоа менее поэтична, чем легенда. Действительно, Гормант, или Гоа, упоминается уже в великом индийском народном эпосе Махабхарате, Рамаяне и в Пуранах^{38}. Благодаря стратегически выгодному положению Гоа очень давно привлекал местных и чужеземных захватчиков. Территория эта, правда, невелика — полоска земли длиной всего сто пять километров на берегу Аравийского моря, с населением шестьсот пятьдесят тысяч человек, — но ее история достойна уважения. Как и история других индийских земель, она уходит своими корнями глубоко в прошлое. Одна из ее страниц — господство Португалии, которое продолжалось

четыре-пятьдесят лет и окончилось 19 декабря 1961 года. Следы его встречаются в Гоа повсюду.

Предполагают, что первыми поселенцами Гоа были дравидийские племена, которые смешались с проникшими с севера индо-ариями. В языке конкани еще и сегодня встречается известное количество слов дравидийского происхождения; некоторые привычки и обычаи деревенского населения восходят также к дравидийским традициям.

После различных династий индуистских королей, воздвигших дворцы, форты и храмы, в пятнадцатом столетии страну завоевали мусульмане, и Гоа стал крупнейшим торговым центром Индии. Мусульманские султаны правили всего несколько десятилетий. В начале шестнадцатого века двадцать хорошо вооруженных португальских кораблей с двенадцатью тысячами солдат поднялись по реке Мандави, после тяжелых боев взяли столицу Гоа и прогнали мусульман.

Бои продолжались с 1 марта по 25 ноября 1510 года. От столицы не осталось камня на камне, а жители, которые не смогли вовремя уйти в глубь страны, были уничтожены. После завоевания Пенджаба Александром Великим Гоа стал первой индийской территорией, подпавшей под господство европейцев.

Благодаря выгодному положению на востоке Аравийского моря и торговым способностям португальских дельцов Гоа в конце шестнадцатого века превратился наряду с Дели и Агрой в самый значительный торговый центр Востока. Во всем мире он стал известен как «Золотой Гоа».

Ревностное распространение христианства, усиленное строительство соборов, дворцов, памятников, домов, складов способствовали тому, что главный город Гоа превратился в столицу, о которой в то время говорили: «Кто однажды побывал в Гоа, может уже не ездить в Лиссабон».

Через сто лет блеск торговых улиц в Гоа померк так же внезапно, как появился. Власть португальцев сошла на нет. Корабли и порты Голландии и Англии нарушали португальскую торговую монополию. Не менее важную роль сыграли и иезуиты, которые избрали Гоа своей важнейшей резиденцией вне Рима и безжалостно проводили в жизнь принцип: для достижения цели все средства хороши.

Восстания населения Гоа против чужеземных захватчиков и фанатиков-иезуитов, против непосильного налогового бремени и жестоких наказаний португальских судей начались уже в середине шестнадцатого столетия и заполняют всю историю колониального владычества в Гоа. Священники семьи Пинто и их соратники-заговорщики организовали в 1787 году знаменитое восстание, которое было вызвано надменным отношением португальских иезуитов к обращенным в христианство.

В 1946 году возникло «движение неповиновения» прошив португальцев, которое впервые объединило население Гоа и индийских борцов за свободу.

После освобождения Индии от британской опеки в августе 1947 года дни португальцев в Гоа были сочтены. Через четырнадцать лет, 19 декабря 1961 года завершилась последняя глава колониальной истории Гоа.

Добрый, старый автомобиль

Всегда бывает трудно найти начало, ибо начало — это история, но, когда я летел из Бомбея, мне уже казалось, что я держу в руках ее нити. Я пролетал над райским побережьем, которое, по преданию, обязано своим возникновением выстрелу из лука Парасурама. Полет наш продолжался без малого два часа. Сначала подо мной проплывала желтая, густонаселенная территория штата Махараштра: сухая, растрескавшаяся земля с вкраплениями зелени среди отдельных рисовых полей. Затем тень самолета коснулась моря, желто-зеленого, с рябью играющих волн и белым прибоем. То там, то тут виднелся крошечный кораблик, который в действительности был океанским пароходом.

Потом перед нами возникла мягко покачивающаяся бухта с побережьем Калангуте между скалистыми рифами, с поясом из кокосовых пальм, реками, каналами и озерами, со скрытыми в зеленых джунглях деревнями, белыми церквями и храмами, с городами Панаджи, Мапуса, Маргао, Васко-да-Гама.

Самолет приземлился в Даболимо, но мне показалось, что я высадился на какой-то пустынной станции. Я, единственный из пассажиров, сошел здесь с трапа самолета, и, когда он улетел дальше в Коччи^{39}, я почувствовал себя всеми покинутым. Однако через некоторое время все стало представляться мне в несколько романтическом плане: вероятно, я высадился на каком-то заколдованном аэродроме. Правда, по залу ожидания бегали два босоногих носильщика, а в кассе время от времени появлялся сонный чиновник «Индиэн эйрлайнз»^{40}. Фены на потолке вращались, разгоняя по залу горячий воздух. В общем-то все оказалось на месте, как и должно быть: расписание на стене, две

кассы, двое весов для багажа, телефон, портрет президента и часы, которые отставали на пять минут.

Я открыл пачку «Индиан кинг», закурил и пристально посмотрел на чиновника за кассовым окошком. Никакого впечатления. Затем зазвонил телефон. Я понял, что надо что-то предпринять. Пока чиновник оживленно болтал по телефону, перед входом в аэропорт остановился автомобиль, не только не последней модели, а, наверное, одной из самых старых. И все же я сам видел, что он ехал! Не подозревая, в какую авантюру я пускаюсь, я спросил шофера, не довезет ли он меня до Панаджи. Водитель обещал подбросить меня до города Васко-да-Гама, а дальше уж я доберусь сам. Мы поставили мой чемодан и сумку в багажник. Когда машина тронулась, я увидел просветленное лицо чиновника, говорившего по телефону. Это был уже совершенно другой человек; от его сонливости не осталось и следа. Мне показалось, что этот разговор может затянуться до моего отъезда из Индии.

От шума мотора гудело в ушах, жестяной кузов машины немного дребезжал, со сцеплением тоже что-то не ладилось, а в остальном это был добрый, старый автомобиль. Прежде чем тронуться, мы сделали несколько тигроподобных прыжков, а потом поехали по асфальтированному шоссе.

Вокруг расстился скудный холмистый ландшафт, подвергший мою фантазию суровому испытанию. Может быть, португальцы украли кокосовые пальмы и оставили здесь только выжженную солнцем землю да старый автомобиль? Под гору машина шла так быстро, что мне все время хотелось крикнуть шоферу в самое ухо, чтобы он не забывал про тормоза.

Казалось, что стекла опущены, но, присмотревшись, я заметил, что их нет вообще. Шофер сидел за рулем серьезный и сосредоточенный, и я не решался давать

ему советы. Худое лицо его с небольшими усиками было мужественным. Я решил, что среди его предков обязательно был португальский сержант. Сейчас мы ползли в гору, и я уже начал сомневаться, одолеем ли мы ее когда-нибудь. И все-таки мы поднялись, доехали до перекрестка и повернули на город Васко-да-Гама, до которого, судя по указателю, было всего несколько километров.

Ландшафт стал приветливее: кустарник и несколько уродливых деревьев по обе стороны дороги, а вдали — темный пальмовый лес. «Золотой Гоа!» — подумал я и тут увидел у подножия горы, с которой мы мчались, повозку, запряженную быками. Рога быков показались мне необыкновенно большими, а повозка с высокими коксами напоминала колесницу бога Солнца в Конараке^{41} и при благоприятных условиях вызвала бы у меня массу ассоциаций.

Невольно я убрал левый локоть с края кузова и подавил проклятие, ибо быки упрямо двигались на нас, а скорость громящего драндулета становилась все более устрашающей.

Почему же он не тормозит?

Мы мчались прямо быкам на рога. При виде устойчивой повозки с высокими колесами во мне заговорил инстинкт самосохранения. В голове у меня промелькнуло:

«Хорошо, что здесь левостороннее движение! Быки справа... Открыть дверь и выпрыгнуть!»

Но секундой позже, вытирая со лба выступивший от страха пот, я вспоминал об этом происшествии уже с улыбкой. Как часто наша жизнь висит на волоске, а мы об этом и не подозреваем! О происшедшем эпизоде не стоило бы и вспоминать, если бы он не произошел между Даболимо и Васко-да-Гамой.

Мы задели копну сена, нагруженную на повозку. Машина несколько секунд простояла на двух колесах, затем опустилась на два других и покатила к пригородам Васко-да-Гамы. Впрочем, встреча с повозкой, запряженной быками, напугала и шофера. Он ехал теперь осторожнее. И все же я заметил, что, даже проезжая по городу, мой водитель ни разу не нажал на тормоза. Он кивал направо и налево, и шоферы, зная его, уступали дорогу, оказывая тем самым уважение его методу передвижения.

Приятно оказаться в городе, носящем звучное имя португальского мореплавателя. Мы ехали по широкому проспекту с высокими деревьями, и я вдыхал морской воздух, доносившийся из ближайшего порта Мармагао.

Васко-да-Гама раскинулся на плодородной равнине. По обеим сторонам главной улицы стояли низкие дома, за ними находились здание суда, городской рынок, парк. На боковых улицах располагались окруженные заборами и садами виллы.

Шофер говорил на языке, представлявшем собой смесь конкани, португальского и английского. Я его не понимал. Сейчас мы уже ехали со скоростью пешехода. Мое внимание привлек торговец, выставивший на продажу небольшую обезьянку, попугая и маленьких пестрых птичек. На дощечке были написаны цены. Обезьяну можно было купить за семьдесят пять рупий, попугай стоил пятнадцать, а крошечные птички от одной до трех рупий.

Обезьяна за семьдесят пять рупий доставила бы дома много радости... Но мысль моя осталась незаконченной; трое смеющихся мужчин бросились к нашему автомобилю, двое вскочили на крылья, третий — на радиатор. Таким образом они остановили наш драндулет около стоянки такси. Шофер вышел, объявив, что мы приехали. По его жестам я понял, что

дальше он ехать не может: дорога на Корталим слишком крута, и на ней много поворотов.

Впервые я совершил поездку на автомобиле без тормозов, и повторить такое путешествие у меня нет ни малейшего желания. С чувством облегчения я вышел из машины, заплатил спрошенные деньги, в том числе за искусство вождения автомобиля без тормозов, и доверился водителю такси.

На пароме

Мое любопытство возрастало. Проникнуть в столицу Гоа оказалось совсем не простым делом. Мы ехали по отличному асфальтированному шоссе. Пейзаж был сейчас такой, как я себе и представлял: слева и справа кокосовые пальмы, земля кирпичного цвета, фруктовые плантации, населенные пункты, дома, автобусные остановки и торговые ларьки, спрятанные в джунглях плоские глиняные хижины с обнесенными забором дворами.

Я охотно проехал бы так еще несколько часов, но река Зуари прервала наше путешествие в Корталиме.

Незадолго до нашего прибытия паром ушел в Агазайм. Я заплатил таксисту пять рупий, поставил свой багаж на солнце и посмотрел на карту, которую предусмотрительно приобрел в туристском бюро в Бомбее.

На западе находилась бухта Мармагоа, через которую Зуари несла свои воды к морю, а немного дальше на север — Панаджи, где в отеле «Мандави» для меня был оставлен номер.

Меня немного беспокоило то, что на другом берегу, в Агазайме, не было видно ни автобусов, ни такси. Все же до Панаджи еще около двадцати километров. Зато мне даже через реку были хорошо видны большие рекламные щиты над торговыми ларьками, восхвалявшие приятный вкус табака сигарет, Симла“» и «охлажденный напиток, Кисмет“». Между тем паром отчалил от Агазайма. На пристани постепенно стали появляться люди, я уже был не одинок. Подъехал черный автомобиль с двумя мужчинами, мотоцикл с полицейским и мотороллер с девушкой на заднем сиденье.

Женщины из прилегающих поселков, ловко балансируя, несли на головах корзины с ананасами и бананами; стояла полуденная жара, и они высоко подобрали сари. Мужчины, приехавшие в автомобиле, были одеты в темные европейские костюмы и белые рубашки с галстуками. Молодой человек на мотороллере тоже был одет по-европейски, как и его девушка в цветастом летнем платье.

Я стоял между гоанцами и радовался тому, что не представлял собой достопримечательности. Никто не бросался на мой багаж, чтобы непременно его поднести, никто не удивлялся тому, что я по виду несколько отличался от окружающих. От меня падала тень, как и от любого другого; я был всего-навсего человек, который хотел переправиться на другой берег. Я взял свой чемодан, прошел вместе со всеми на паром и заплатил вой двадцать пайсов за переправу.

Я все еще не видел ни автобуса, ни такси и спросил мужчин в темных костюмах, не в Панаджи ли они едут. Они ответили, что направляются по делам из Кашмира именно в Панаджи и охотно меня подвезут. Полчаса спустя мы были уже в отеле «Мандави», а когда я спросил водителя о плате, то он, улыбаясь, сделал отрицательный жест рукой.

Моя комната оказалась на третьем этаже. С балкона открывался чудесный вид на реку Мандави. Был виден рыбачий катер, стоявший на якоре около ближайшего к отелю берега. Здесь, наверху, воздух, казалось, застыл. Доносился шум улицы, над Мандави дул слабый бриз, медленно скользила лодка с древним парусом. Два курсировавших по Мандави паромов — из Панаджи в Бетим и из Бетима в Панаджи — все время встречались друг с другом. На противоположном берегу набережную окаймляли пальмы, лиственные деревья, а вдалеке на холме возвышался белый монастырь.

Я был в столице Гоа — Панаджи, как называют ее гоанцы; внизу протекала река, по которой четыреста пятьдесят лет назад португальские корабли с пушками и солдатами на борту проникли в глубь страны, а на северном берегу виднелись дома Бетима, где 24 октября 1956 года Мохан Ранаде попал в руки португальцев.

Нападение в Бетиме

Мохан Ранаде вырос на севере Гоа, в Сангли. Его отец, учитель небольшой школы, умер от укуса змеи. Окончив школу и учительскую семинарию, Мохан в 1949 году стал учителем в Савай-Ворем, маленьком местечке на востоке Гоа. Ему было тогда девятнадцати лет. Он принадлежал к вооруженному крылу подпольного движения Азад гомантак дал^{42}, основанного в 1948 году.

По всей Индии, так же как и в Гоа, который дольше всех находился под игом чужеземцев, после второй мировой войны крепло освободительное движение. Мохан Ранаде ходил из деревни в деревню и вербовал учеников в свою школу. Молодой и пылкий, он ненавидел португальцев, которые в течение нескольких веков держали в темноте его народ.

Ночами он тайно встречался с наиболее мужественными деревенскими жителями, рассказывал им о методах освободительной борьбы и обучал обращению с оружием, которое было захвачено при нападениях на португальские сторожевые посты. Чем более непрочным становилось положение португальцев, тем безжалостнее выступали они против населения. Мохан Ранаде — один из самых храбрых бойцов Азад гомантак дал — уже участвовал в семи нападениях на португальские посты, и его голова была оценена в десять тысяч рупий.

Он жил в деревнях в джунглях, куда редко отваживались заходить португальские патрули, обучал и воспитывал детей и подготавливал ночью со своими друзьями действия против врага, оккупировавшего его страну.

Между тем Индия освободилась от британского господства. Действия португальцев в Гоа становились все более позорными. Как и любая другая тирания, португальская администрация не могла придумать ничего лучшего, чем ставить людей к стенке. Своих солдат она веками обучала сторожевой службе. Что за жизнь они вели: день и ночь ходить с оружием, спать с оружием и постоянно чувствовать враждебность населения!

В то же время португальские чиновники и коммерсанты старались выжать из страны все, что могли. Но колонизаторам не удалось вытравить из гоанцев их индийский характер, взращенный пятитысячелетней историей. Напротив, он лишь закалялся в борьбе против чужеземного господства; и Мохан Ранаде в разговорах с соотечественниками подчеркивал «свободный дух» и национальное самосознание» гоанцев.

В Азад гомантак дал были агитаторы, которые ходили из деревни в деревню, чтобы укрепить движение сопротивления, и борцы, организовывавшие вооруженные действия против террора португальцев. То и другое было опасно, но необходимо.

Мохан Ранаде и его друзья были борцами. В начале октября 1956 года они подготовили нападение на португальский пост в Бетиме. Два разведчика под видом рыбаков, везших улов на базар, переправились из Панаджи в Бетим. Они разведали местонахождение поста, проследили время смены караула и обеда и возвратились к месту встречи группы в лесах Мапусы.

24 октября под вечер к домам Бетима приблизился грузовик и остановился около пальмовой рощи. Из него высадились двадцать патриотов; грузовик отправили в укрытие. С Мандави веял легкий бриз. Огромное солнце еще не стояло над лесами. По проселочной дороге шли три девушки с пустыми корзинами на головах. Они

разговаривали и смеялись. Мимо проехала португальская военная машина, а из Мапусы вышел грузовик с дорожными рабочими, мужчинами и женщинами, жителями окрестностей Бетима.

Долгое время на улице никто не показывался. Мохан Ранаде подал знак к нападению. Мужчины проверили еще раз оружие и самодельные ручные гранаты, под защитой деревьев подкрались к сторожевому посту и расположились на заранее намеченных местах.

В семь часов вечера прозвучал первый выстрел, который тотчас же поднял в ружье команду португальцев из двадцати пяти человек. Одни из них открыли из окон стрельбу по нападающим, другие бросились к выходу и заняли позиции вокруг сторожевого поста.

Находившиеся поблизости мирные жители спасались бегством, прятались во дворах или искали другие укрытия. Чтобы не подвергать их опасности, Мохан Ранаде дал своей группе знак к отступлению. Он выскочил из-за дерева, которое служило ему укрытием, и принял огонь португальцев на себя. Когда их командир узнал стрелявшего, приказ о поимке которого висел на всех постах, он приказал взять его живым.

Мохан Ранаде был схвачен солдатами 24 октября 1956 года, за пять лет до ухода португальцев из Гоа. Его бросили в тюрьму.

Португальские газеты трубили о взятии в плен гоанского борца за свободу как о большой победе. Мохана Ранаде, которого при аресте ранили, так же как и тысячи других патриотов, подвергли зверским пыткам.

29 сентября того же года он был осужден на двадцать шесть лет тюремного заключения, а через четыре года, когда господству португальцев пришел конец, его перевели в тюрьму в Алюбе, небольшом городке близ Лиссабона.

Протесты индийского правительства и несгибаемая воля самого пленника, который использовал все возможности борьбы — нелегальную передачу писем из тюрьмы: и голодовки, — вынудили через тринадцать лет освободить его.

Мохан Ранаде за несколько недель до моего приезда в Панаджи возвратился на родину. Я не имел возможности поговорить с ним, так как он надолго уехал в Бомбей, но в деревнях его родного округа слышал бесчисленные рассказы о подвигах патриота. Приукрашенные фантазией народа, они казались мне сказками, и я убежден, что и через сто лет их будут рассказывать в Гоа как легенду о давно минувшем времени, когда страна находилась под игом чужеземцев.

Одну рупию, ссиб!

Картина жизни Панаджи складывается из мелких незабываемых эпизодов. Я вновь научился находить время для наблюдений за людьми. Прежде всего мое внимание привлекли официанты в ресторане отеля «Мандави». Они были одеты во все белое, носили мягкую обувь и желтые тюрбаны, концы которых ниспадали на плечи. Их движения были настолько неслышны и осторожны, что исключали всякую мысль о том, что они могут что-нибудь пролить. Через несколько дней у меня сложились дружеские отношения с моим постоянным официантом, хотя мы говорили с ним только по делу. Мне казалось, что он радуется, когда я рано утром вхожу в ресторан, и, откровенно говоря, мне тоже было приятно его видеть.

Помимо моей воли у меня сложились также довольно фамильярные отношения с городской нищенкой. Это была красивая молодая женщина, собственно еще девочка, напоминавшая цыганку; я видел ее всегда с ребенком. В Панаджи мне не попадалось других нищих, и я был рад, что могу беспрепятственно бродить по улицам.

Она высмотрела меня на второй день. Очевидно, она каким-то образом, через своего рода тайную информационную службу узнала о моем прибытии, так как не вызывало никакого сомнения, что рано утром, когда я вышел из отеля, она ожидала именно меня. Нищая неожиданно оказалась рядом со мной и дернула меня за рукав. Я в первый раз услышал пронзительный свистящий звук «ссиб», сокращенное от «сахиб», и это слово преследовало меня повсюду, где бы я ни появлялся.

С любезной настойчивостью стояла она рядом со мной и улыбалась, словно речь шла об удачной шутке. В ней не было ни следа смирения или покорности, которые я обычно наблюдал у нищих в других городах.

— Одну рупию, ссиб!

Чтобы я правильно ее понял, она держала свой указательный палец перед моим носом.

— Одну рупию, ссиб!

«Смотри-ка, сразу рупию», — подумал я весело и одновременно немного раздосадованно. Я кивнул и незаметно пошарил в кармане. Я хотел дать ей двадцать или тридцать пайсов, самое большее пятьдесят, но никак не больше. Она, однако, так улыбалась, поднеся своего очень красивого ребенка прямо к моему лицу, что я все же дал рупию.

Нищая не теряла меня больше из виду; и так как ее участок находился в районе отеля «Мандави», то ускользнуть я не мог. Я был ее привилегированным клиентом, и она не успокаивалась до тех пор, пока не получала свою рупию в день. Даже когда я сидел на балконе бара на первом этаже и смотрел через перила, то все время видел внизу ее смеющееся лицо я слышал пронзительно свистящее «ссиб!», «ссиб!».

Water polished?^[3]

На Авенида до Брация, улице, ведущей вдоль берега Мандави к пляжу Панаджи — Мира-Мар, я заметил, что мои ботинки запылились. Я решил довериться молодому чистильщику, так как по его оснащению можно было предположить, что он мастер своего дела. У чистильщика был ящик по меньшей мере с пятнадцатью бутылочками с различными смесями, четыре большие щетки, несколько зубных щеток, белые и зеленые тряпочки — шерстяные, льняные, хлопчатобумажные. Но еще большее впечатление произвело на меня его грязное лицо с узенькими внимательными глазками, от которых, казалось, ничто не ускользало.

Из моего опыта, приобретенного в Деля, Бомбее и Калькутте, я уже знал, что чистильщики — хорошие работники, которые в зависимости от способностей и настроения выполняют свою работу с большим или меньшим усердием.

Чистильщик на Авенида до Брация, как я сразу заметил, относился к мастерам своего дела.

— Water polished? — спросил он по-деловому.

Конечно же, water polished. С подобной тонкостью я еще не встречался. С большим интересом наблюдал я за ловкими движениями, обрабатывавшими мои ботинки, и при этом отметил, что чувствую себя в Гоа гораздо лучше, чем где-либо в другом месте на земле. «Принцесса на Мандави», как назвал Панаджи один поэт, неожиданно стала мне близкой, словно родной город. Вероятно, это объяснялось тем, что я приехал сюда из тех городов мира, где царила вечная спешка, за которой человек не был виден.

Я плохо понимал, отчего у меня возникло такое чувство, да и не хотел этого знать. Ведь это не так уж и

важно.

— Отполировать водой!

— До совершенного блеска!

Жизнь в Панаджи казалась мне прекрасной и понятной, был ли я у чистильщика обуви или у парикмахера.

У парикмахера

Самые неумелые чистильщики не смогли бы причинить мне столько вреда, сколько парикмахер с боковой улицы у городского сада, которому я доверил свою голову перед приемом в резиденции главного министра; ведь голову носят вверх, каждый может ее видеть, да к тому же кроме функции представительства она имеет и другие назначения.

Это произошло в субботу после полудня. Я узнал, что как раз в это время в здании государственного секретариата заседает законодательное собрание Гоа и обсуждает вопрос об увеличении дневной порции риса^{43}, которая составляла сто двадцать граммов, и о прекращении роста цен на рис. Прием у главного министра Бандодкера был перенесен на воскресное утро, и я решил привести себя в порядок по случаю этого события.

Как только я разбудил парикмахера, дремавшего в кресле, он немедленно взялся за дело, но я не был уверен, понял ли он, чего я хочу. То, что я видел в зеркале следя за работой его рук, меня немного беспокоило, не я не решался заговорить с ним, пока он работает, так как по серьезному выражению его лица понял, что он с большой ответственностью относится к своей профессии. Я был у него единственным клиентом. Вероятно, моя вина заключалась в том, что я пришел в такое время, когда уважающие себя граждане предаются послеобеденному сну за спущенными шторами.

Когда по окончании процедуры я осмотрел свою голову, то мне показалось, что она стала меньше. Да, я действительно просил подстричь меня, но не до лысины же! Но тут он снял с меня накидку и потребовал такую

низкую плату, что я был вынужден заплатить большие чаевые.

Я отдыхал на скамейке в городском саду, большом, хорошо ухоженном парке в центре города, без которого Панаджи казался бы несовершенным. Здесь круглый год цветут цветы, а после периода муссонных дождей парк так и сияет от свежей зелени. Утром и вечером звучат мелодии, исходящие из устрашающих громкоговорителей, а по праздникам играет настоящая музыкальная капелла. Как только солнце перестает немилосердно палить, мощеные площадки и дорожки между клумбами, с цветами заполняются людьми. А с наступлением сумерек, когда зажигаются желтые и белые шарообразные фонари, кругом начинают носиться дети. В это время их можно увидеть танцующими на подмостках павильонов.

Городской сад был сейчас пуст, и мне казалось, что я нахожусь в каком-то португальском городке. Перед кафе «Карпуцина» стоял грузовик, в ресторане «Казапинто» и в «Клубе Васко да Гамы» двери были закрыты, а в «Каравелле», в порту, лодочники пили «Фени», крепкую водку из орехов кешью. Площадь окружали белые одноэтажные дома с красными черепичными крышами, со сводчатыми окнами в романском стиле над решетчатыми балконами. Может быть, как-нибудь ночью я стану свидетелем серенады, которую влюбленный поет своей красавице.

Я шел к церкви «Богоматери непорочного зачатия», которая стояла на холме в конце парка. Стоит мне увидеть лучезарное белое здание с большим куполом на центральной части, как я испытываю страх. Кажется, что оно поставлено специально для того, чтобы возвышаться над городом. Безукоризненная белизна геометрических сплетений ступенчатого строения, с верхней площадки которого смотрит маленький позолоченный образ улыбающейся богоматери,

напоминает мне об испанских конкистадорах, которые при виде города ацтеков пришли в восхищение, так как приняли сверкающие на солнце дома и дворцы за здания из чистого серебра.

Поднимаясь по лестнице, я посмотрел вверх и заметил спускавшегося мне навстречу темно-коричневого маленького мальчика; в руке он держал клетку для птиц, и я очень обрадовался, увидев перед зданием церкви что-то живое. Вообще-то я хотел войти в церковь, но в домике священника, скрывавшемся в тени пальмы, царила сонная тишина, и я не решился дернуть колокольчик над дверью.

Сверху перед моим взором открывалась широкая панорама местности. Кое-что я видел ясно, а о многом, скрытом дымкой, только догадывался. Панаджи вырос вокруг покрытой лесами горы Алтинхо. Алтинхо — не очень большая возвышенность, но все же на ее круглой вершине можно почувствовать дыхание моря. Между пальмами стоят древние лиственные деревья, великаны с длинными зелеными листьями, через которые проглядывают крыши деревенских домиков.

Пятьсот лет назад Панаджи был рыбацкой деревней на Мандави, а в лесах на Алтинхо водились тигры, змеи, медведи, стада обезьян. В пятнадцатом веке султан Биджапура Адил-шах^{44} построил на берегу реки укрепленный дворец. Во время боев между мусульманами и португальцами он был разрушен, а в 1615 году португальский вице-король его восстановил. В настоящее время во дворце размещаются правительство и законодательное собрание Гоа.

В его тени, фасадом к домам, стоит памятник аббату Фариа^{45}, священнику и ученому из Гоа, который считается основателем учения о гипнозе. Аббат Фариа в конце восемнадцатого века путешествовал по Португалии и Франции. Александр

Дюма упоминает имя этого легендарного священника в своем романе «Граф Монте Кристо». Я несколько раз останавливался перед памятником; он привлекал меня и отталкивал в одно и то же время. В нем было, казалось, нечто странное, но что именно — я не понимал.

Темная фигура священника властно простерла руку над склонившейся перед ним женщиной, у которой бронзовое одеяние соскользнуло с груди. За странными мрачными фигурами сияет небо, а мимо проходят люди, не обращая на них никакого внимания. Западноевропейская любовная сценка времен Боккаччо! Памятник кажется здесь чужим, он не соответствует очарованию города, хотя и построенного в португальском стиле, но сохранившего дух Гоа.

Я видел, как мальчик с клеткой в руке исчез в переулке. Панаджи затих в послеобеденном сне. Гоанцы научились защищать себя от солнца, убивающего и одновременно сохраняющего жизнь. Ни один здравомыслящий человек не пойдет в полуденный зной к парикмахеру. Мне захотелось немедленно посмотреть в зеркало на свою голову. Я спустился по лестнице и по опустевшим улицам пошел к отелю.

Рупию, предназначенную на сегодня городской нищенке, я уже отдал, так что мне больше не грозило услышать ужасающее «ссиб!». Она спала со своим ребенком под деревом на зеленом берегу напротив отеля «Мандави». Таксисты тоже отдыхали в тени, торговцы из ларьков около паромной станции клевали носом, и даже вечно улыбающаяся тоненькая девушка-дежурная в отеле задремала на своем стуле.

Поэзия на балконе

Шум на улицах затих. Громкоговорители наконец смолкли. Я сидел на балконе своего номера. У меня еще нигде не было такой возможности побыть наедине с собой, как в Панаджи. Десять дней без всякой программы, без спешки! Каменный пол балкона был еще теплым под моими ногами. Здесь принято дома, когда пет посторонних, ходить босиком; я был уверен, что и главный министр, который принимал меня сегодня в десять утра, дома тоже ходит босиком. Но во время приема на нас были начищенные до блеска ботинки. Отполированные водой!

Я подошел к перилам и посмотрел вниз. Семья рабочего-строителя из соседнего Мизоре, работающего здесь по контракту, улеглась спать со своими детьми в маленьком садике между берегом реки и улицей; старенький рыбачий катер поднялся днем вверх по течению; буйвол, который пасся на квадратном высохшем клочке земли, теперь без движения стоял около воды...

Мне казалось, что ночь овеяла меня прохладой, но ветра не было, просто тьма — теплая, влажная и чем-то немного смущавшая. Из-за москитов нельзя было зажечь свет, да мне и не хотелось, хотя чудесная книга Такаджи Ш. Пиллаи^{46} лежала на ночном столике. Спать же в такую ночь было просто невозможно.

Сегодня утром у меня был Боркхар. Я все еще слышу его тихий голос и вижу, как в только что выстиранном дхоти он сидит на моем балконе и грациозно пьет виски. Боркхар не боится пить виски даже в такую рань, а мне нет необходимости много говорить, потому что он поэт.

Он читает мне свое стихотворение, написанное на конкани. Я говорю, что оно мне нравится, и оно действительно хорошо, насколько я могу судить по звучанию и ритму. Стоит только на него посмотреть, на его жизнерадостные глаза, от которых ничего нельзя скрыть, на его стройные руки и ноги — и сразу можно сказать, что это настоящий поэт. «Боркхару, поэту, Панаджи, Гоа» — этого будет достаточно, если я захочу послать ему письмо. Его знает любой ребенок и, уж конечно, любой почтальон. Вот он сидит передо мной, с блеском ведет беседу, и мне кажется, что он относится к тем счастливым, которым не грозит опасность постареть. В некотором смысле на его челе — знак бессмертия, бессмертия народных певцов, которые возрождаются вновь и вновь.

В ответ я декламирую стихотворение Гёльдерлина^{47} на немецком языке, слова и ритм которого неизменно меня успокаивают. Итак, мы сидим на балконе, пьем чай и виски, так как в Гоа нет сухого закона. Я читаю стихи Гёльдерлина и с удивлением чувствую, что здесь они не звучат. Очень странно! Это очень похоже на те мысли, которые навеивает статуя аббата Фариа в тени дворца и которые я гоню от себя.

Боркхар, естественно, аплодирует, но не просит меня перевести стихотворение на английский язык, что было бы мне трудно. Ведь и я не настаивал на том, чтобы он перевел мне свое стихотворение с конкани на английский.

В нашей беседе нет пауз. Боркхар рассказывает, что за последние двести пятьдесят лет в маленькой стране Гоа две тысячи писателей написали более десяти тысяч книг на четырнадцати языках. Как я уже говорил, он настоящий поэт, и даже цифры звучат у него поэтично.

Я охотно пошел бы с ним в маленькую пивную «Каравелла» в порту, где собираются крестьяне, рыбаки

и лодочники, но мне кажется, что я не имею права отрывать его от поэзии.

Старый Гоа

В тот же день до обеда я поехал автобусом из Панаджи в Старый Гоа, чтобы увидеть потомков арабских жеребцов, привезенных в пятнадцатом веке из Ормузда^{48} в Гоа, чтобы уловить игру кораллов и жемчуга из Персии, полюбоваться на фарфор и шелка из Китая, пряности и бархат из Малайи, которыми торговали когда-то на базарах города.

Путь недалекий, всего пять километров по асфальтированному шоссе вдоль берега Мандави. На полях убирают рис, обрабатывают землю деревянным плугом, запряженным буйволом, для второго посева. Два урожая в год, и все же риса не хватает, чтобы накормить население Гоа. Ежегодно ввозится несколько тысяч тонн риса из Уттар Прадеша, Махараштры и других штатов.

Гоа богат всевозможными фруктами; в садах по обе стороны дороги растут манго, ананасы, бананы, орехи кешью, а главное — кокосовые пальмы, тяжелые плоды которых используются полностью, от волокна скорлупы до кокосового молока и белой мякоти плода. Возможно, кокосовая пальма — самое полезное дерево мира. Оно растет, цветет и плодоносит каждые сорок два дня, как правило, в течение сорока двух лет. Его хочется воспевать в стихах! Прямо так и напрашиваются слова: «пальмовый пояс», «синее небо», «под пальмами», «белый прибой», «стройный», «перистый». Впрочем, я вспомнил и о «вечном покое», когда рассматривал пальмовое опахало на черной автомашине похоронного бюро. И каждый раз, когда я прогуливался под пальмами, меня беспокоила мысль о том, как бы кокосовый орех не упал мне на голову.

У автобуса жесткая подвеска, и если бы не превосходная дорога, нас бы изрядно вытрясло. Напротив меня сидит деревенская старуха с невыразительным лицом. У нее, как и у более молодых соседок, золотые украшения в носу и ушах. Я спросил себя, сколько раз она уже проехала по линии Панаджи — Старый Гоа и Старый Гоа — Панаджи. Проплывающая мимо на фоне неба зеленая земля, будоражащая мою фантазию, давно стала для нее привычным ландшафтом, и даже большой дивали^{49}, ежегодный индийский праздник света, или карнавал, с его гитарами, танцами и дождем конфетти, уже ничего не значат для этой крестьянки.

Только затра, праздник молодых и старых, отмечаемый в конце апреля в деревнях, еще, может быть, радует ее. Издалека приходят торговцы, даже кашмирцы с Гималаев, с коврами и шальями, драгоценными камнями, покрывалами и украшениями.

Во время затры весь Гоа превращается в сплошную ярмарочную площадь. Изумленно глядят со своих постаментов святые мадонны на поющую и танцующую толпу. Шива, Дурга, Вишну и многие другие боги индусов благожелательно улыбаются веселью, и даже строгий Аллах, кажется, ничего не имеет против этого праздника.

Но тут я снова вспомнил о том, что еду автобусом в покинутый город. Мне показалось это бессмысленным: автобус с живыми пассажирами едет в мертвый город... Однако для размышлений оставалось совсем немного времени. Фруктовые сады по обе стороны дороги становились все скуднее. Наконец автобус затормозил на большой, пустынной площади. Несколько пассажиров вышли, я тоже вышел вместе с ними и неожиданно оказался предоставленным самому себе.

Все здесь почти так, как я себе представлял. Мостовая, по которой я медленно двигаюсь, заросла бурьяном. Я оглядываюсь — и вижу разрушенную башню, а рядом с ней — собор; они были бы на месте в Реймсе или Кракове. Однако они незыблемо стоят на пустынной площади под палящим солнцем. Не осталось и следа от переулков и улиц, которыми когда-то были окружены эти здания, нет дворцов и триумфальных арок завоевателей, не фыркают гнедые лошади, не бряцает оружие, не слышно шагов и голосов солдат.

Я нахожусь на исторической земле и должен был бы содрогнуться от благоговения, но я скорее удивлен деревенской тишиной, настолько полной, что она навеивает сон. Автобус поехал дальше, в Понда. Проселочная дорога, которая разделяет площадь на две части, производит впечатление такого же запустения, как и разрушенная башня святого Августина, темным силуэтом выделяющаяся на фоне неба, или как молчаливые пальмы. Я тоскую хотя бы по небольшому ветерку, но, кажется, и ветер ушел в прошлое, как и все живое. Не слышно даже обещанных туристскими путеводителями криков совы на каменных стенах францисканского монастыря.

Деревенская старуха, которую уже не радует карнавал, идет в храм святого Иисуса, чтобы помолиться. Одна треть населения Гоа — христиане, но две трети остались индуистами, несмотря на все усилия португальских миссионеров и трибуналы инквизиции, которая была введена в Гоа в 1560 году, чтобы при помощи пыток и аутодафе распространять христианство.

Бурьян разрушил каменные плиты, выющиеся растения обвивают руины. Я не люблю покинутых городов, в них есть что-то безутешное, кажется, что они построены только для кур, этих созданий вне времени, которые копаются в траве в самых отдаленных уголках

земли, или для попугаев, кричащих где-то надо мной на деревьях. И все же этот кусочек земли с остатками прошлого и застывшим настоящим заставляет задуматься.

Задолго до того, как в страну пришел бородатый Афонсу д'Албукерки^{50}, эта береговая полоска в виде полумесяца со столицей Чандрапур на юге Гоа была известна мореплавателям от Финикии до Японии. Индийские правители Декана вели спор за эту землю, а в середине одиннадцатого века на берегу Мандави возник Гоа-велья, позднее — португальский Гоа и столица страны. Старые письма взволнованно повествуют о красоте его садов, храмов и дворцов и сравнивают его даже с божественным раем Индры.

Гоа того времени поддерживал торговые сношения с пятнадцатью странами. Арабы ввозили из Персии и Афганистана самых дорогих племенных лошадей, а гоанские купцы расплачивались за них золотом, серебром, хлопком, бетелем, одеждой, рисом, перцем, фруктами, маслом и пряностями. Богатство Гоа влекло к себе рабских властителей, толкало их на захватнические набеги. В тринадцатом веке флот султана Гонавара разрушил столицу последнего государства индийской династии — Кадамбас.

Спустя несколько десятилетий, в начале четырнадцатого века, войска мусульман вновь вторглись в Гоа и частично заняли его. Десять лет они боролись против гоанцев, пытаясь укрепить свою власть, но были вынуждены поспешно покинуть страну. После изгнания мусульман Гоа в течение почти ста лет входил в империю Зиджаянагар, правители которой заботились о том, чтобы восстановить разрушенные иноземными войсками храмы и дворцы.

В 1498 году Мохаммед Адил-шах II направил мощные вооруженные силы через горы Декана в Гоа-велья.

Одновременно флот из ста двадцати кораблей вошел в Мандави и блокировал порт столицы. В тот же год, когда португальский капитан Васко да Гама высадился на восточном побережье Индии в Калькутте, Гоа вновь лопал в руки мусульман, под господство султана Адил-шаха.

Но прошло несколько лет, и 17 февраля 1510 года, флот Афонсу д'Албукерки вошел в гавань Гоа-велья. Португальские солдаты после боев, продолжавшихся с переменным успехом в течение нескольких месяцев, изгнали войска Адил-шаха и присоединили Гоа к португальской короне.

Вокруг меня все еще царила гробовая тишина. Охваченный этой безжизненной тишиной, я думал об истории Гоа, пытаюсь себе представить, как Афонсу д'Албукерки 25 ноября 1510 года, в день святой Катарины, вошел в завоеванный город на Мандави. Тогда у него еще не было коня, как позднее, когда он стал вице-королем, не было уздечки, украшенной золотом, серебром и драгоценными камнями. Он, как и его солдаты, казался немного усталым, и, как рассказывают, на том самом месте, где я сейчас стою, перед порталом собора, обнял своих спутников и встал перед ними на колени. Историки рассказывали также, что Афонсу поклялся в этот памятный день построить церковь в честь святой Катарины, которая принесла его оружию победу.

Он верил в святую богоматерь и во многих других святых, которые, правда, не были такими богами, как боги индусов, однако могли творить удивительные чудеса. Кроме того, он знал, как важно запечатлеть победу в памяти побежденных сооружением прочного здания. Строительство церкви в честь святой Катарины, которая позднее по указу папы стала собором и резиденцией «архиепископа Востока», продолжалось семьдесят пять лет. Здание оказалось настолько

прочным, что пережило распад и гибель португальского владычества. Оно стоит и поныне, хотя обе северные башни в 1776 году обрушились и осталась только левая, боковая, около центрального портала.

Когда Афонсу д'Албукерки преклонил колена, над развалинами завоеванного города уже поднялся дым, а португальские солдаты в поисках добычи стали грабить базары. Иногда слышались отчаянные крики женщин и девушек, настигнутых солдатами в их убежищах. Все было так, как бывает всегда, когда побеждает оружие завоевателей. За боями последовало разрушение чужой культуры. Двести восемьдесят индийских храмов и несколько мечетей были сровнены с землей.

Доминиканские капелланы, прибывшие на кораблях португальского капитана, прочли перед запуганными жителями Гоа мессу, в которой призывали их отречься от языческих богов. Но проповеди под открытым небом не имели большого успеха. Только с приходом францисканцев, когда на солнечных склонах пологих гор возникли исполненные таинственного очарования белые церкви и монастыри с яркими окнами, роскошными алтарями под высокими сводами, где происходили великолепные торжественные богослужения и в сосудах курился ладан; когда зажили раны войны и Гоа благодаря прибыльной торговле португальцев превратился в один из богатейших городов Восточной Азии, — только тогда усилия францисканцев, августинцев, доминиканцев и кармелитов стали приносить свои плоды.

Между тем наступил полдень. Автобус должен был вот-вот возвратиться из Понда. Я с нетерпением ожидал его — мне уже хотелось уехать. Мне послышалось, что автобус подходит, однако это оказался всего лишь грузовик, который трясся по проселочной дороге. А сова на башне святого Августина еще и не крикнула. Напротив собора расположился храм Иисуса: все его

сооружения стояли здесь друг против друга на покинутой земле, а между ними зияла пустота, находившаяся вне времени.

Сколько они еще простоят? Умрут последние очевидцы, и лишь слова смогут поведать о городе на Мандави, который в пору своего расцвета назывался Римом Востока. К счастью, книги прочнее камня, стихи великого португальского поэта Луиша ди Камозэнса^{51}, воспевшего Гоа в своих известных «Лузиадах», более долговечны, чем памятники и церкви.

«Что за прекрасные пальмы вижу я на острове Гоа!» — воскликнул он, впервые посетив Гоа в 1563 году. Поэт был человеком бурных страстей. Он родился в 1524 году в семье португальских аристократов. Учился в Коимбре, получил прекрасное классическое образование и в юности написал для своей возлюбленной первые любовные песни, которые еще хранили следы влияния великих итальянцев.

Благосклонность португальской королевы и любовь к придворной даме, которая, кажется, отвечала поэту взаимностью, побудили его создать беззаботную «Книгу песен». Однако по своей натуре он не был придворным и не мог молчать, если ощущал несправедливое отношение к себе. В конце концов поэту отказали от двора, и вдали от любимой он писал полные тоски элегии и сонеты.

Камозэнс поехал в Африку. В боях там он потерял правый глаз. Ему разрешили вернуться ко двору в Лиссабон. Пребывание поэта в столице закончилось после спора с придворным чиновником тюремным заключением на один год. В заточении он работал над большим эпосом «Лузиады», в котором, воскрешая эпизоды из греческой мифологии, иносказательно описал историю Португалии, и прежде всего прославил

путешествие Васко да Гамы вокруг Африки и высадку португальцев на побережье Индии.

После освобождения Луиш ди Камознс покинул Португалию и в 1553 году простым солдатом поехал в Гоа. Самое ценное, что он привез туда с собой, были первые песни «Лузиад». Гоа вызвало у него искреннее восхищение. Двухлетнее пребывание в столице на Мандави, вероятно, побудило поэта к плодотворной деятельности. Желая познакомиться также и с другими португальскими владениями, он поехал по приглашению в Макао, где в течение двух лет занимал должность чиновника. Но потом за какую-то провинность его вернули в Гоа. Во время морского путешествия Камознс в устье Меконга потерпел кораблекрушение и потерял все, что имел. К счастью, ему удалось спасти черновики «Лузиад».

Дальнейшая судьба поэта переменчива. Его обвиняют в растрате, но это оказывается клеветой; он находит выгодную работу, доходы от которой тратит щедрой рукой; попадает в долговую тюрьму; принимает участие еще в одном военном походе и завершает, наконец, свой большой эпос из 16 песен и 11 008 строф, в котором нарисована яркая картина природы и жизни в португальских владениях.

Воздвигнутый недавно памятник Луишу ди Камознсу стоит в саду собора Старого Гоа и обращен лицом к храму Иисуса. Гоанцы считают его своим. Статую португальского диктатора Салазара они сбросили в Мандави, а португальскому поэту поставили памятник в Старом Гоа. Это был человек, умевший любить и ненавидеть и проживший полную жизнь. Он приехал в Гоа не как миссионер или купец в поисках Христа или пряностей, он не был ни ловцом душ, ни торговцем, а хотел лишь узнать страну и людей и постараться их понять.

Мною овладело нетерпение. Очарование прошло. Время мчится, и завтра уже настанет другой день. Что мне в том, что я стою на исторической земле! История — повсюду, но прежде всего там, где толпы людей. Город мертв, и примечательно в нем то, что его уничтожило не землетрясение и не огонь. Он умер медленной смертью. Когда голландцы захватили в свои руки торговлю в Индийском океане, город потерял свое значение. Постепенно он обезлюдел, и столицей Гоа стал Панаджи.

Я слышу шум мотора издалека. Может, это автобус, который, собственно, давно должен вернуться. Наконец прозвучал обещанный крик совы, но меня он уже не тронул. Я вижу автобус и радуюсь предстоящей поездке вдоль Мандави в Панаджи.

На Алтинхо

Проснувшись на следующее утро, я, отбросив москитную сетку, услышал колокольный звон, который сразу же перенес меня в детство: субботнее утро, крошечная комнатка рядом с квартирой бабушки и дедушки! Колокола звонят на башне церкви святого Пазла, которая видна из прихожей, а в окно светит утреннее солнце! Но воспоминание померкло, как только я выключил фен.

Я выхожу на балкон и наблюдаю привычную картину, которая благодаря колокольному звону становится мне еще более близкой. Солнце блестит на воде, оба без усталости работающих паромы встречаются посередине реки. Мандави кажется мне живым существом, я бы мог с ней беседовать. На небе даже виднеется несколько белых облаков.

Буйвол, стоявший вчера в темноте на берегу, ночью издох. Высохшей травы с клочка земли в маленьком парке оказалось недостаточно, чтобы спасти его от голодной смерти. Он лежит на берегу реки, ноги его вытянуты, глаза уже больше не видят.

Было около восьми утра; через два часа я должен был посетить главного министра. Надо признаться, что на душе у меня было беспокойно: ведь раньше мне не приходилось бывать у главных министров, да и прическа моя оказалась не на уровне столь важного исторического события. Кроме того, я не знал, следует ли мне величать министра «ваше превосходительство», или лучше избегать обращения вообще. Я решил спросить об этом у А. П. Махаяна и Сардесаи, которые должны зайти за мной без десяти минут десять.

Они приехали точно в назначенное время на большой правительственной машине и, улыбаясь,

объяснили, что к министру следует обращаться просто по имени — Бандодкер. Проезжая по городу, я вспомнил о своем первом пребывании здесь два года назад, когда я посетил Гоа в некотором роде как частное лицо, не имея официальной программы.

На этот раз, как гость правительства, я постоянно имел в своем распоряжении машину, а сопровождающие стремились выполнить любое мое желание. Проезжая по праздничным воскресным улицам, заполненным прихожанами, я вспомнил о предвыборной борьбе 1967 года. Я был очевидцем последней ее стадии. Волны возбуждения докатились тогда до последней деревни, и, пожалуй, не осталось ни одной пальмы, на которой не был бы прикреплен предвыборный плакат. Партии, желавшие завоевать расположение избирателей, носили поэтические названия типа «Листья» или «-Цветок». Я узнал, что Цветок выступает за присоединение Гоа к соседнему штату Махараштра со столицей в Бомбее, а Листья хотят, чтобы Гоа остался самостоятельным штатом Индийского Союза. Позже я узнал из газет, что победили Листья, и Бандодкер, которого его соотечественники называли Бхаи (это санскритское слово означает «брат»), стал главным министром.

Независимые кандидаты в парламент Гоа перед выборами тоже присваивали себе благозвучные имена: Лев, Сердце, Роза. Я не сразу понял смысл псевдонимов и удивленно спрашивал, почему ораторы так громогласно пытаются привлечь избирателей на сторону льва, сердца или розы. Словесные дуэли ораторов проводились со свойственным южанам темпераментом; говорили в большинстве случаев на конкани, маратхи или по-португальски. Мне запомнился предвыборный плакат на английском языке, который был растянут над проселочной дорогой у въезда в рыбацкую деревню: «Боритесь с большим бизнесом,

который покупает ваши голоса и хочет разложить демократию. Выбирайте Фернандеса!»

Сейчас мы ехали вверх в направлении на Алтинхо по тенистой аллее с высокими, старыми деревьями. С момента выборов прошло два года, и я намеревался спросить у мистера Бандодкера, что изменилось за это время.

Я и не заметил, когда колокола умолкли. В Панаджи расстояния небольшие, все расположено рядом. Ровно в десять часов мы остановились перед садовыми воротами, и, когда я вышел из автомобиля, шестеро солдат, выстроившихся в две шеренги, отдали мне честь. Мистер Махаян, серьезный молодой мужчина из подведомственного правительству Бюро путешествий, улыбнулся мне ободряюще и пропустил вперед.

На мне, как и полагалось, был летний костюм, белая рубашка с красным галстуком, ботинки, начищенные до блеска. Итак, я шел по саду с мистером Махаяном, который шепнул мне, что главному министру пятьдесят восемь лет и что раньше он был известным игроком в крикет. Его семья владеет рудником, а сам Бхаи участвовал в освободительном движении против португальцев.

Идти садом до дома было не очень далеко. Кругом цвели цветы. Я подумал, что еще ни разу не видел портрета Бхаи. Удивительно, сколько мыслей иногда приходит в голову за несколько минут, причем все остальное вдруг отступает на задний план и остается лишь то, что видишь, слышишь и чувствуешь.

Я вошел в приемный зал, где уже собралось несколько гостей, имена которых я не запомнил, когда мне их представляли. Был здесь и фотограф, который возился со своим блицем. Я сидел за столом с инкрустацией из слоновой кости и незаметно оглядывался по сторонам, но как только главный министр вошел, все остальное перестало меня

интересовать. Он был среднего роста, коренастый, в белом, доверху застегнутом мундире. Мне показалось, что я уже встречал его когда-то в деревнях Гоа. Министр был похож на рыбака, который чинит в бухте лодку, на крестьянина, работающего в поле, и немного на торговца тканями из Маргао.

Его лицо выражало целеустремленность и самообладание; широкий лоб с вертикальными складками над крупным носом и рот с плотно сжатыми губами говорили об энергии, но также и о доброте. В нем чувствовался человек, нуждающийся в друзьях. Это был гоанец, такой же как и его соотечественники, семья которого жила здесь с незапамятных времен. В пятьдесят шесть лет его политическая карьера увенчалась тем, что он получил должность главного министра.

Министр Бандодкер сидел напротив меня. Пожилой слуга принес чай и орехи кешью, поджаренные с большим количеством пряностей. Я выразил радость в связи с тем, что меня, гражданина Германской Демократической Республики, в это прекрасное воскресное утро принимают на Алтинхо. Я поблагодарил также за гостеприимство, которое мне повсюду оказывали в Гоа.

Мистер Бандодкер улыбнулся и после обмена любезностями начал говорить. В беседе он проявил себя отличным знатоком экономических возможностей Гоа, разумным политиком, который держит в голове всю статистику и цифровые данные, относящиеся к прошлому и настоящему. Он был одним из немногих индийцев, которые употребляют выражение «после освобождения», а не считают, как я узнал из проспектов и бесед с его соотечественниками, освобождение Индии от колониального владычества всего лишь «временем перемен» (time of change).

Беседа текла неспешно, без каких-либо особых формальностей. Я вспомнил о недостроенном мосте через Мандави, который португальцы разрушили при отступлении. Восстановление его задержалось, так как строительство школ было более срочным делом. В последние годы многое начиналось заново, и энтузиазм освободительной борьбы не оставлял места разочарованию в повседневной жизни, если не считать, конечно, некоторых представителей высших классов, которые объявляли национальным бедствием недостаток некоторых европейских товаров, например электробритв или транзисторных приемников. Министр Бандодкер сказал, что после освобождения Гоа построено семьсот новых школ.

Он говорил без пафоса, и было приятно наблюдать за ним во время беседы.

— То, что португальцы не смогли сделать за четыреста пятьдесят лет, — сказал он, — наше правительство сделало за семь. Вы только подумайте, сейчас девяносто пять процентов наших детей учатся в школе, и в этом отношении Гоа стоит в Индии на втором месте после Кералы — штата с самым низким числом неграмотных. По новому плану размер капиталовложений составляет четыреста пятьдесят миллионов рупий. Раньше мы были вынуждены ввозить молоко из Дании и Норвегии, а сейчас обходимся без импорта. Энергично внедряются усовершенствования в сельское хозяйство. У нас есть государственная ферма, которая ежедневно поставляет пять тысяч литров молока, и в ближайшее время это число возрастет до пятнадцати тысяч литров.

Пожилой слуга налил еще чаю. Сотрудники министра, имен которых я не запомнил, рассказали мне о сахарном заводе, о плантациях сахарного тростника, возникших в последние годы, о строительстве завода искусственных удобрений, об экспорте железной руды,

который составляет девять миллионов тонн в год — сорок пять процентов от общей суммы индийского экспорта, о ста пятидесяти маленьких и средних фабриках, о пяти колледжах, где занимаются искусствами и наукой.

Я записал некоторые цифры. Прибрежная полоса Аравийского моря за короткое время превратилась в экономический организм, от функционирования которого зависит теперь судьба шестисот пятидесяти тысяч гоанцев. Какие затраты потребовались для того, чтобы экономику этого богатого края сделать прибыльной, и какие изменения еще потребуются, чтобы дети крестьян, рыбаков, рабочих, чистильщиков, рикш, домашних хозяек и подметальщиков улиц могли сидеть вот так же, как сидели мы в доме на Алтинхо, и наслаждаться чаем с орехами кешью?

На вопрос, который пришел в голову так неожиданно, не нашлось ответа, да его и нельзя было получить в получасовой беседе. В период колониализма жизнь в стране словно замерла, и вот она снова вошла в свое русло. Ближайшее, что надо было сделать, это дать крестьянам кусок земли, рыбакам — траулер с дизельным двигателем для современного лова рыбы, а всем гоанцам — достаточно риса, рыбы и работы. Эти вопросы стояли на повестке дня и властно требовали решения.

Нас фотографировали, но это никому не мешало. Я уже съел почти полную тарелку орехов кешью и по лицам присутствующих понял, что прием подошел к концу. Мы шли по саду к выходу. Шесть солдат выстроились вновь, один из них слегка мне улыбнулся. Черный священник прошел мимо, и мне показалось, что он вообще здесь как-то не у места, но все же он был здесь, и белая церковь тоже стояла на своем месте. Гоанцы привыкли к ней; она больше не вселяла ужаса.

Хиппи

Из Бетима в Калангуте можно было проехать на машине или хотя бы на автобусе. Однако я предпочел попросить у А. П. Махаяна свободный день и ознакомиться с Калангуте самостоятельно. Как два года назад, я взял напрокат велосипед и переправился на пароме в Бетим.

День был жаркий и безоблачный, как всегда в это время года. Он вызвал у меня почти болезненные воспоминания о таком же дне два года назад, когда я после утомительной езды то в гору, то с горы впервые увидел побережье Калангуте. Это одно из таких зрелищ, которые впоследствии становятся твоими грезами и иногда всплывают перед тобой в тумане ноябрьского дня или на очередном заседании. Передо мной раскинулся тогда океан. Дорога, по которой я ехал, обливаясь потом, здесь заканчивалась. Все кончалось в этом ужасном, безмолвном шуме, и все казалось мне картиной сумасшедшего гениального художника, от которой становилось больно глазам.

Я поставил велосипед во дворе одного торговца, с жадностью выпил лимонад, извлеченный из ящика со льдом, и пошел на побережье, протянувшееся на несколько километров между двумя красно-коричневыми рифами. Прекрасный пляж с широкой полосой желтого песка, с красными скальными камнями и пальмовыми джунглями, уходящими вдаль, насколько хватало глаз! Пальмы и песок, небо и ленивый прибой! Черная, старая рыбацья ладья на берегу, и почти ни души вокруг, кроме сухого, как палка, старика с посохом в руках и повязкой на тощих бедрах.

Был полдень, и я хорошо понимал, что глупо париться под палящим солнцем и прогуливаться по

берегу в сандалиях и плавках. Горизонт уже начал колебаться перед моими глазами, а вокруг забегали красные точки, и я пошел к воде, совсем теплой, но все-таки более приятной, чем огненный песок и раскаленное добела небо над ним.

Я слегка освежился в теплой воде, почувствовал, что горизонт уже не колеблется, и решил немного отдохнуть в тени ближайшей рыбацкой лодки, а затем пообедать в «Ройяле». Может быть, взять красных раков, или длиннобородых лангустов, или каких-нибудь других «плодов моря», которых я еще не пробовал?

Когда я вышел из воды, старика уже не было. Меня не удивило бы, если бы среди этой безлюдной тишины мне навстречу вдруг вышли бы голые первые люди:

Утнапиштим со своими спутниками, Ур-Шанкби^{52} или Адам и Ева с кокосовым орехом в руках вместо яблока. Но мне никто не встретился, вокруг не было никого. Впрочем, я вдруг заметил девушку, которая лежала на пестром полотенце около лодки и курила.

Она спросила, что я здесь ищу. Удовлетворенная моим ответом, что я приехал на велосипеде из Панаджи, она произнесла:

— Ну тогда все в порядке.

Я прислонился к пахнувшей рыбой лодке, девушка закурила другую сигарету и сказала, что солнце находится в плену в этой бухте, поэтому здесь особенно тяжело все переносить. У нее был немного потрепанный вид: круги под глазами, волосы спутаны; она непрерывно курила тонкие, скрученные из листов табака «биди», которые продаются в пакетиках из газетной бумаги.

Итак, в этой бухте солнце держат в плену. Мне понравилось это выражение, которое по-английски — where the sun is kept prisoner — звучало лучше, чем по-немецки.

И тут я сразу вспомнил о высохших, желтых равнинах Индии, над которыми я пролетал, где земля превратилась в пыль, где человек и животные жаждут капли воды; я вспомнил о плотинах, превращающих скрытую энергию в зеленые земли с пашнями и заводами. Пойманное солнце! Эта мысль не покидала меня. Она принадлежала Индии и могла возникнуть только здесь!

Пойманное солнце!

The captured sun!

Это была очень странная девушка с длинными ногами, как я успел заметить, и я не знал, как вести себя при ней. Она закурила еще одну сигарету, небрежно бросив окурочку на полотенце, на котором уже и без того было много прожженных пятен. Мне надо бы спросить, почему ей так тяжело все переносить, но тут у меня перед глазами вновь запрыгали красные точки. Как черепаха, втянул я голову, чтобы не получить солнечный удар. Здесь солнцу некуда было деться, здесь ничто не могло его охладить: ни теплое Аравийское море и, конечно, уж ни небо или песок, который жег ступни ног.

Пойманное солнце!

Девушка что-то сказала, но я ее не понял, а переспрашивать у меня не было никакого желания. Я пошел к «Ройялу», ресторану на набережной неподалеку от большого отеля, строительство которого было прекращено, хотя он был почти готов. Я вспомнил, что один читатель очень резко высказывался по этому поводу в газете «Навхинд Таймс».

«Ройял» — сонный уголок с несколькими комнатами для ночлега, здесь еще не чувствовалось наступления больших перемен.

Сам шеф-повар вышел узнать, чего бы я хотел поесть. Он приготовил мне лангуста особым образом, как деликатес. Я был единственным посетителем

ресторана; поток воздуха вновь и вновь приносил сюда запахи моря и рыбы. Через открытую дверь я видел кусочек побережья, небо и океан, и мне казалось, что сейчас здесь все так же, как было в начале мира: безветренно, безлюдно и «невыносимо».

Может быть, это и имела в виду девушка?

Я сидел среди полуденного зноя и клевал носом. В это время вошла девушка со свернутым полотенцем в руке и села напротив меня за столик в углу. Она не замечала меня, заказывая обед. Молодой официант подавал не спеша. Видимо, он не желал поступиться своим достоинством, но и не хотел портить отношений, может быть, надеясь провести с ней ночь. Спустя три дня, когда я спросил у него о незнакомке, официант ответил, что она ушла вечером купаться и с тех пор исчезла, не заплатив по счету.

Тогда, два года назад, я подумал, что это история без начала и конца; я не мог и предположить, что через два года узнаю ее конец, если это можно считать концом. Обо всем этом я вспомнил, когда, обливаясь потом, ехал на велосипеде мимо белого домика священника в Калангуте.

Я ничего не забыл, но, несмотря на это, вид океана снова произвел на меня огромное впечатление. Я не удивился бы, если бы снова встретил старика с бамбуковой палкой. Что такое два года по сравнению с вечностью?

И все-таки многое изменилось. Новый отель был достроен, а по побережью слонялось несколько бородатых юношей и черноногих девушек, приехавших с разных концов земли. Впрочем, они мне не мешали, так как терялись где-то вдали между рыбацкими лодками.

Я приехал сюда, на побережье Калангуте, ибо здесь на небольшом кусочке земли представлялась единственная возможность увидеть сразу большое

скопление хиппи, так сказать, сливки хиппи со всего мира. Молодые люди, издающие острый запах странники, прибывшие в Гоа по пыльным дорогам и из-за океана, из стран Запада; молодые люди, окруженные ореолом гашиша и принимающие ЛСД, не признающие никаких авторитетов и не желающие ничего, кроме «ничего». Что побудило их бежать от буден исторически пережившего себя мира? Каковы их дели? На какие средства они живут? Чтобы понять все это, я и приехал сюда из Панаджи.

Было около десяти утра. Эдди, который хотел познакомить меня с Королевой, ждал в «Ройяле». Этого Эдди, откликнувшегося на странное прозвище Восьмипалый, я встретил вчера вечером в «Каравелле», в порту Панаджи. Он был предводителем полутораста хиппи, расположившихся у Калва-Бич. Эдди сказал мне, что его совершенно не интересует, что делают другие хиппи в Калангуте, но если я хочу, то он может пойти со мной к Королеве, которая, по его словам, «повинна в расколе».

Эдди мечтал попасть в Лаос, где в прошлом году произошла «сцена», но Гоа тоже очень красив, а главное, здесь все дешево. Хижина за доллар в месяц, уж дешевле и требовать нельзя. Я не знал, что это была за «сцена», но воздержался от вопроса, так как Эдди как раз в этот момент произносил знаменитое изречение о том, что хиппи не желают ничего, кроме НИЧЕГО.

Итак, я второй раз в Калангуте. Снова поставил свой велосипед во дворе торговца лимонадом и, полный ожиданий, направился в «Ройял». Сонный уголок совершенно преобразился. Он кишел бородатыми молодыми людьми, напоминавшими Христа, и странно одетыми девушками; официанты с целой свитой помощников сновали между столиками. На этот раз шеф-повар не вышел, чтобы спросить, чего я хочу, а

приготовление заказанных лангустов длилось очень долго.

У меня было достаточно времени, чтобы наблюдать за окружающими. Гремели тарелки, но жизнь вокруг была наполнена сонной ленью. Христосы разговаривали вполголоса между собой, а девушки просто читали или сидели, уставившись пустыми глазами на свои ноги. Может быть, у них в крови еще осталось немного гашиша или ЛСД, а может быть, они жили по принципу «гоу-гоу» — все пустить на самотек, будь что будет? К «гоу-гоу», видимо, относилось также и то, что Эдди заставил себя ждать два часа, которые я провел с двумя бутылками ледяного «Кингфишера».

Наконец он пришел, и я не поверил своим глазам: Эдди сопровождал девушку с длинными ногами! В свисающих прядях ее волос сверкало украшение величиной с талер и нитка пожелтевшего жемчуга. Ее рот стал еще более высокомерным, чем тогда, два года назад. На девушке была всего лишь пестрая короткая блузка. Она стала старше более чем на два года.

Я подумал, что впервые в жизни вижу королеву в одной блузке. Эта мысль показалась мне смешной, но на душе было совсем не весело. Меня не покидало подозрение, что она принимала наркотики и этим испортила себе жизнь. История, которая при первом посещении Калангута показалась мне не имеющей ни начала, ни конца, получила все-таки свое завершение; по меньшей мере я надеялся узнать о Королеве немного больше, чем два года назад, когда она исчезла ночью, не оплатив счета.

— Хэлло! — сказал Эдди.

— Хэлло! — повторила Королева, глядя сквозь меня.

Завязать с ней разговор было нелегко. Сначала она сказала, что не помнит, видела ли меня раньше; затем заявила, что припоминает меня, по что это неважно, как неважно все, ибо все происходит само собой.

Я спросил, сколько ей лет.

— Семнадцать, восемнадцать, двадцать, может быть, больше.

Но я-то знал точно. Худощавый Восьмипалый улыбнулся и заметил, что это относится к принципам «гоу-гоу».

Украшение величиной с талер сверкало на солнце, а за спиной Королевы я видел побережье и прилив в полуденном зное, причем небо ничем не отличалось от воды. Королева закурила сигарету, которая вызывала блеск в глазах и придавала взгляду отсутствующее выражение. Она села за мой столик. Мне пришлось буквально вытягивать из нее все, что я хотел узнать. Ответы звучали рассеянно и часто не имели ничего общего с моими вопросами. Тем не менее кое-чего мне удалось добиться.

Она была студенткой философского факультета в Сан-Франциско, но уже три или четыре года не училась, потому что, как уже было сказано, все идет само собой, а значит, не имеет смысла пытаться что-либо познать. Жизнь темна, будущего нет, поэтому нужно уходить в собственное «я» и извлекать из себя сокровище. Надо курить «Пот», но единственное, что раскрывает внутреннюю сущность, — это «Ацид».

Эдди просветил меня, пояснив, что «Пот» — это табак с гашишем, а «Ацид» — наркотик ЛСД. Королева, став неожиданно словоохотливой, вновь замолчала. Зато Эдди, в котором было что-то от педагога, взял на себя руководство беседой. Белый хлопчатобумажный платок с красным и желтым орнаментом закрывал его от бедер до щиколоток. Окладистая рыжеватая борода Эдди придавала ему сходство с простодушным завсегдатаем баварских пивных. Он тоже прибыл из США и так же, как Королева, несколько семестров изучал философию.

В расколе хиппи на две группы Эдди винил Королеву. Это был их старый спор, который вспыхнул вновь, не принимая, однако, слишком острой формы. Вокруг столика собралось несколько хиппи, которые слушали нас со скучающим видом, вставляя иногда одну-две фразы. Таким образом я постепенно получил представление о их жизни.

Нельзя было понять, почему Эдди и Королева пользовались определенным авторитетом у хиппи, которые вообще-то никаких авторитетов не признавали. Я узнал, что «сцена» — это всемирная встреча хиппи, которая два года тому назад состоялась в Непале, в городе Катманду, хотя Королева якобы еще тогда предлагала Гоа. В прошлом году «сцена» состоялась в Лаосе, что вызвало некоторое недовольство местного населения, и поэтому в нынешнем году ее решили проводить в Гоа.

Первая группа в составе пятисот хиппи проводила «сцену», кульминационным моментом которой были рождественские праздники, здесь, на побережье Гоа, а вторая группа из ста пятидесяти человек во главе с Эддц совершила паломничество за тридцать миль к югу, в Калва-Бич.

Причину отделения ста пятидесяти хиппи мне так и не удалось выяснить, да это и не казалось мне столь уж важным. Вероятно, она была связана с поведением приверженцев Королевы, которое возмутило достойное уважения местное население, следствием чего явился протест, опубликованный в газетах Гоа.

Один американский юноша, приняв ЛСД, сошел с ума, разбил в отеле окна и поломал двери; француженка, подбодрившись гашишем, бегала совершенно голая по Калангуте, чтобы досадила закутанный с головы до ног индийским женщинам, и с криком «Любовь, любовь!» разбрасывала цветы.

Было и несколько других случаев, когда полиции пришлось вмешаться, но вообще-то жалоб почти не поступало, так как хиппи пускают события на самотек и не любят насилия.

Тем не менее слишком вольное поведение хиппи-женщин вызвало вполне понятное недовольство, особенно у женщин из рыбацких деревень. Хиппи сбрасывали на пляже и без того скромное одеяние и во всей своей загорелой наготе предлагали себя солнцу и морю, луне и любви; играли на гитаре, пели песни и при помощи наркотического дурмана выжимали из себя постепенно ту каплю жизни, которая еще в них теплилась.

Я лишь краем уха слушал спор между Королевой и Эдди и следил за девушкой-итальянкой, которая пустыми глазами смотрела поверх лежащей перед ней книги и что-то шептала, шевеля губами. В каком мире жила она? Что превратило ее в развалину?

ЛСД — бесцветен, не имеет запаха, безвкусен, если его растворить в жидкости. Приняв его, человек чувствует себя сначала немного жалким, затем по его телу словно проходит поток, который прорывает преграды фантазии и несет в бесконечное, неопишное, затем поток уходит, словно уходит жизнь, и что же остается? Головная боль, тошнота и остаток разрушенной жизни, который с каждым следующим опьянением становится все меньше.

Вот такое примерно представление о ЛСД сложилось у меня по описанию Эдди вчера вечером в «Каравелле». Мы выпили с ним немного, и он был как будто совершенно откровенен со мной. Он сказал также, что сыт по горло бродяжничеством.

Теперь я внимательно наблюдал за лицами сидевших за моим столом молодых людей, которые с подчеркнутым безразличием высказывали странные суждения. Королева вдруг показалась мне безмерно

самонадеянной, говорила она заученными фразами, как и другие хиппи, которые тоже употребляли выражения, вычитанные из их подпольных журналов.

Эдди, например, сказал:

— Будущего нет.

Молодой голландец:

— Я не позволю предписывать мне, как я должен жить. Это мое дело.

Восторженная шведка:

— Я хочу раствориться в воздухе и почувствовать великое НИЧТО.

Немец из ФРГ:

— Старшие думают, что они знают все лучше нас, но они — это они, а мы — это мы.

Восторженная шведка:

— Я хочу быть только самой собой.

Королева:

— Так много скрыто в каждом.

Эдди:

— Мы хотим быть совершенно свободными.

Шведка:

— Я отвергаю любой авторитет, равно как и авторитет родителей.

Эдди:

— Да, мы отвергаем готовые образцы, мы хотим быть свободными, свободными от всех пут.

Королева:

— Все идет само собой.

Восторженная шведка:

— Я иду куда хочу. Хочу любить — люблю, хочу умереть — умираю.

Все это казалось кошмаром, хотя был ясный день. На лодке, которую мне было видно в открытую дверь, сидела, опустив крылья, ворона. Она сидела против солнца и казалась мне очень большой и очень черной. Мне вспомнился японский фильм «Акамору» («Темное,

дикое желание»), фильм о «потерянном поколении», как говорилось в рекламе, герой которого произносит в конце: «Будущего больше нет!». Это был ужасный фильм, обвинение, предъявляемое молодежи к преступной общественной системе. Он — и в этом я убежден — продолжался здесь, на пляже Калангуте. Хиппи не бросали пустых фраз, когда говорили об отсутствии будущего и попытках обрести свободу, которой не было, и не случайно, а из чувства безысходности они убивали себя наркотиками.

Тут я переключился на серьезный тон, словно забыв, где нахожусь, и стал говорить о жизни, о человеческом обществе. Выяснилось, что при упоминании слова «коммунизм» они несколько оживились и стали пытаться обосновывать свои запутанные высказывания.

Эдди спросил, знаю ли я книгу Маркузе^{53} «Эрос и цивилизация». Я читал эту книгу и даже пытался уяснить ее смысл. Книга вышла в 1955 году и, если хотите, авансом дала философское обоснование хиппи. Автор оперировал категориями Фрейда, обсуждал его тезисы о том, что культура и цивилизация зиждутся на постоянном подавлении человеческих желаний.

По Маркузе, в физической и духовной нищете людей повинны не социальное неравенство и антагонистические классовые противоречия, а подавление инстинктов и отказ от сексуального наслаждения, вызванные борьбой за существование в капиталистическом «индустриальном обществе». В один прекрасный день на смену «борьбе за существование» якобы придет «эротическая действительность», когда жизненные инстинкты будут проявляться без притеснений и обретут покой.

Чтобы достигнуть такого состояния уже сейчас, сказал Эдди, они отбросили все условности и при помощи пилюль совершают «прыжок в свободу». Я

посмотрел на итальянку, которая, поникнув, сидела на стуле. Ее лицо стало каким-то маленьким, щеки впали, и я не удержался от вопроса, не совершает ли она именно сейчас этот «прыжок в свободу».

Эдди заметил, что я не реалист, а Королева слушала меня с отсутствующим взглядом широко раскрытых глаз. Я все еще пытался разъяснить хиппи, что их сопротивление «организации власти» бессмысленно, что они не причиняют ущерба господствующим классам, а, наоборот, приносят им доход своим «подпольем», как они обычно выражаются. Видные критики буржуазного искусства от Лос-Анджелеса до Западного Берлина писали в своих журналах о хиппи, называя их «подпольем», «субкультурой», «фрейдовским пролетариатом», однако на самом деле хиппи представляют собой всего лишь продукт развития капиталистического общества.

Тысячелетние религии Востока оказывали на хиппи магическое притягательное воздействие. Не ощущая радости бытия, они странствовали из одной страны в другую, погружались в мифологию то буддизма, то индуизма, пытались скрыться от мира, в то время как индийцы начинали сбрасывать с себя оковы суеверия и всем своим существом поворачиваться к миру земному.

Солнце на западе заходило в море, прибой лениво играл песком, вдали виднелся силуэт какого-то корабля. Пора было заканчивать беседу и прощаться с райским побережьем. Я воспользовался возможностью узнать о «сцене» на пляже Калангуте и надеялся, что наш разговор оставил здесь разумный след. Я стал прощаться. Королева закурила очередную сигарету, а Эдди проводил меня до двора торговца лимонадом, где стоял мой велосипед.

Шоссейные дороги Гоа вели к побережью, а от побережья вводили в глубь страны на Мапусу, Маргао, Васко-да-Гаму и Панаджи. По пути они разветвлялись

на проселочные дороги и тропы в джунглях, соединявшие деревни. Холмы Гоа имеют такие же округлые очертания, как Алтинхо в Панаджи. На высоком берегу Мандави возвышались мощные стены старых фортов, которые когда-то охраняли въезд в страну.

Послеполуденное солнце блестело в реках среди рисовых полей, а под вечер, когда я, тяжело дыша, взбирался на гору по дороге к дому священника, оно уже опускалось в океан. Я отгонял от себя все, что не относилось к Гоа. Мои мысли все время возвращались к тому, что я увидел и узнал здесь, и, спускаясь на велосипеде по асфальтированному шоссе, я старался запечатлеть в памяти то, чего не хотел забыть.

Керала

Уже миновало время обеда, когда самолет, летевший из Бангалура^{54}, приземлился в Кочине. Насколько я помню, аэродром находился вблизи от моря, и где-то поднимался дым от горевших на берегу костров. Я видел рисовые поля, каналы и лагуны, спрятанные в зелени дома джонки; вдали виднелись холмы бухты, которые окружали известную Перцовую гавань, где высились корабли и краны, торчавшие словно виселицы. Я видел остров и комплекс из трех городов, образующих Кочин. Как и в былые времена, белые горы облаков громоздились на небе, вдали виднелась прозрачная пелена моря и стены форта, где погребен Васко да Гама.

Я вышел из самолета и сразу же почувствовал себя окруженным искренним радушием, которое, как я понял позже, адресовалось вовсе не мне, а маленькому, худощавому человеку, сидевшему во время полета рядом со мной. Но и на мою долю осталось достаточно: улыбка продавца газет, у которого я купил Законы Ману^{55} и последний выпуск «Нью Эйдж»^{56}; жест официанта, которым он пригласил меня выпить освежающего напитка в ресторане; дружелюбные улыбки на лицах проходивших мимо людей — все это приводило меня в радостное настроение.

Маленький, худощавый человек, которого встретили приветственными возгласами и гирляндами цветов, оказался министром правительства Кералы. Он возвращался из Майсура, договорившись там о месячных поставках риса. Дело в том, что Керала, несмотря на исключительно плодородную почву, позволяющую собирать два и даже три урожая в год,

обеспечивает рисом только половину населения и недостающее количество ввозит из соседних штатов.

В Керале двадцать миллионов жителей и самая большая в Индии плотность населения: около пятисот человек на квадратный километр. Населенные пункты плотно жмутся друг к другу, прибрежная полоса длиной четыреста километров к западу от Западных Гат, ступенями спускающихся к морю, покрыта кокосовыми лесами, кофейными, чайными и каучуковыми плантациями, полями тапиоки, риса и сахарного тростника; повсюду деревья обвивает вьющийся перец. На долю Кералы приходится четверть всех доходов Индии от экспорта.

Пока я ехал по улицам Кочина к отелю, незаметно наступила темнота. Сопровождавший меня молодой библиотекарь и поэт поинтересовался, что бы я хотел увидеть. Создавалось впечатление, что он собрал бы вокруг меня всех поэтов и библиотекарей Кочина, если бы я намекнул на это хоть словом. Поэтому я сказал, что после предыдущих напряженных недель мне необходимо немного отдохнуть, тем более что на следующее утро я хочу рано вылететь в Тривандрам.

Ночь в отеле была душной. Я включил фен на потолке комнаты и почувствовал влажный воздушный поток. Под окном был виден подстриженный газон, который, как мне показалось, возвышался на ширину ладони над темной лагуной. За расставленными на нем круглыми белыми столами сидело несколько посетителей, и, когда их головы склонялись друг к другу, я слышал тихие голоса. Лупа казалась загадочным спутником среди звезд: такая близкая и все же такая далекая.

Я смотрел на бесшумно скользящих босых официантов, слышал гудок прогулочного парохода и снова видел босых официантов — их желтые тюрбаны над белым одеянием то появлялись, то исчезали, —

слышался звон бокалов для виски. Удручало отсутствие ветра; я посмотрел на огоньки над водой и заметил тень корабля на другом берегу и джонку, застывшую посреди лагуны.

За лагуной простиралось море, а над морем среди множества звезд искрилась особым светом одна-единственная. Как говорит легенда, это душа Арундхати^{57}, которая указывает рыбакам правильный путь и напоминает их женам о верности и чистоте; ведь если их нарушить, богиня увлечет рыбаков на дно океана.

Я вспомнил о книгах по истории, которые читал задолго до моего путешествия, и о их таинственном очаровании; о книгах, рассказывающих о древних государствах на берегах Нила, Евфрата и Тигра, Инда и Ганга, Янцзы и Хуанхэ.

Я вспомнил о Торе евреев, Илиаде греков, эпосе о Гильгамеше шумеров, Махабхарате и Рамаяне индийцев, я видел перед собой храмы Кхаджурахо и сотни тысяч паломников, молящихся в Варанаси на Ганге.

Я вспомнил о виллах в столице Дели, где «вода журчащих изящных фонтанов отсчитывает время»; о голом мальчике, спавшем под колоннадой площади Коннаут-Плейс на куске фанеры, «маленьком боге, упавшем на землю с индийского неба»; о хижинах хариджанов^{58}, влачивших голодное существование на окраине деревни.

Я вспомнил о книге Джавахарлала Неру «Открытие Индии», в которой он писал:

«Часто, глядя на этот мир, я чувствую его загадочность, его неизведанные глубины. Мною овладевает стремление познать его, насколько это в моих силах, быть в гармонии с ним, ощутить его во всей полноте...

Индия с ее бесконечным очарованием и многообразием начинала все более овладевать моим воображением, и все же чем больше я ее наблюдал, тем яснее мне становилось, насколько трудно мне или кому бы то ни было постигнуть идеи, которые она в себе воплотила... Хотя народ наш отличался бесконечным внешним многообразием, на нем лежала печать того великого единства, которое на всем протяжении прошлых веков спланивало нас, как бы ни складывалась наша политическая судьба и какие бы несчастья ни выпадали на нашу долю. Единство Индии уже не было для меня чисто умозрительным представлением: я ощущал его глубоко эмоционально. Это внутреннее единство было столь могучим, что никакое политическое раздробление, никакое бедствие или катастрофа не могли нарушить его.

Представлять себе Индию или любую другую страну в каком-либо антропоморфическом образе было, конечно, абсурдом, и я этого не делал. Я имел полное представление о многообразии и различиях индийской жизни, классов, каст, религий, рас и уровней культурного развития. И все же я думаю, что страна с древним культурным прошлым и единым взглядом на жизнь проникается каким-то особенным, ей одной присущим духом, который налагает отпечаток на всех ее сынов, сколь бы сильно они ни отличались друг от друга».

Ночь в Кочине. Разговоры умолкли. Я все еще сижу у окна. Темнота глубока, как сон без сновидений, и я пытаюсь проследить далекий путь индийской истории от древности до настоящего времени.

Саб чальта хей!^[4]

В Кочине — ночь.

Кроме огней на другом берегу и звезды, сверкающей среди многих других звезд, только остров освещен разноцветными электрическими лампочками. Гости сидят за столами, время от времени роняя слова. Они думают о делах, не чувствуя, как в темноте растут травы и цветы. Босые официанты снуют туда и сюда и замечают, глядя на свои щиколотки, что пора подрезать траву. Рано утром, когда все спят, встают садовники. Они принадлежат к более низкой касте и получают меньше, чем официанты. Они и должны так рано вставать, чтобы успеть подрезать мокрую траву. Те же, кто убирает сорняки и уносит землю, получают еще меньше, так как их работа еще более грязная и тяжелая. Выполняют ее в большинстве случаев женщины, переносящие землю в корзинах на головах. На дорожных работах и на строительстве домов я тоже видел главным образом женщин, которые по восемьдесят часов носили на солнцепеке до полного изнеможения тяжелый цемент или строительный мусор в корзинах на головах, получая одну, самое большее две рупии в день. А их дети лежали в это время в сточной канаве на куске материн или просто на мостовой.

От Законов Ману до законов сегодняшнего дня — длинный путь. Я вспомнил о слепом мальчике, который совершил паломничество в Варанаси, чтобы Шива подарил ему свет; я вспомнил о семье Бирла, которая вышла из касты торговцев и относится к одной из самых богатых монополистических групп; о многосторонней деятельности Шанкара Пиллаи, директора детского книжного издательства в Дели, который в одной из

своих книг написал о добром неприкасаемом, проявившем робкое сочувствие к ребенку из высшей касты; я вспомнил также о нищенке из Панаджи, которая, смеясь, теребила меня за рукав и испуганно отрывала в сторону, чтобы ее тень не коснулась вышестоящего; я вспоминал также о брахмане, который сам стирал свое белье, так как был слишком беден, чтобы заплатить прачке; о мастере на текстильной фабрике в Амритсаре^{59}, о сталеплавильщике в Бхилаи, об электрике на машиностроительном заводе в Бангалуре, о сварщике на корабельной верфи в Бомбее, о печатнике газет и рабочем джутовой фабрики в Калькутте, которые пришли из деревень и населенных пунктов в промышленные районы. Это были крестьяне, сельскохозяйственные рабочие, ремесленники, хариджаны, которые, участвуя в забастовках, демонстрациях, уличных боях и обучаясь в вечерних школах, выросли в сознательных пролетариев. Они устранили кастовые ограничения, как когда-то покончили с эксплуатацией отечественных и иностранных монополий.

Я не могу также забыть того, что видел в бассейнах индуских храмов и в нищенских лачугах хариджаинов. Когда проходишь мимо них, то кажется, что время остановилось. На самом же деле здесь идет невидимая простым глазом жесточайшая классовая борьба.

Газетная заметка сообщает о массовом убийстве в Умарпур-Диара, местечке на границе между штатами Уттар Прадеш и Бихар. Правительство дало крестьянам землю, пустыри, не принадлежавшие помещикам. И вот они, несмотря на угрозы крупных землевладельцев вышли на поля, чтобы фактически завладеть ими. Но как только они вбили первые мерные колышки, появились триста вооруженных наемников и убили четырнадцать крестьян. Убийцы бросили свои жертвы в

Ганг, оставив обезглавленный труп Шивадахина, предводителя крестьян.

Преступление в Умарпур-Диара, которое должно было запугать крестьян и сельскохозяйственных рабочих всей Индии, достигло обратного результата: крестьяне под руководством Коммунистической партии Индии повсюду поднялись на борьбу за свои права на землю. В округе Банда штата Уттар Прадеш уже два месяца бастует несколько тысяч сельскохозяйственных рабочих, требующих установления ежемесячного минимума заработной платы в тридцать рупий. Феодалы и кулаки тщетно — пытаются палками и штыками выгнать бастующих на поля. Дхурьян Бхай, депутат-коммунист в парламенте штата Уттар Прадеш, ежедневно рискуя жизнью, возглавил движение сельскохозяйственных рабочих и разъезжает со своими товарищами по деревням бастующего района.

Движение крестьян за справедливый раздел земель, за отмену долгов, за запрет ростовщичества пробудило деревни от столетнего сна. Керала — первый штат, проводивший 1 января 1970 года эффективную земельную реформу. Нет сомнений в том, что только решение крестьянского вопроса подрвет основы кастовой системы.

И тогда хариджаны, в тупой покорности сидящие на корточках наподобие терракотовых фигурок Хараппы^{60}, встанут, распрямят свои спины и гордо пойдут вперед, а те, кто носит землю и убирает сорняки, станут садовниками на цветущей земле. Их сыновья и дочери будут инженерами, врачами, президентами.

Сыновья и дочери раджей, махараджей, набобов и низамов не будут получать пожизненной ренты^{61}. Они тоже станут инженерами, бухгалтерами, садовниками или церемониймейстерами; не останется каст, хотя

воспоминание о них долго еще будет жить в мыслях людей. Но оно не будет больше причинять боль. Это будут лишь рассказы о добрых и злых королях, о хитрых нищих и искусных ворах, о глупых и мудрых брахманах, о храбрых горшечниках и сварливых женах.

«Жил однажды хариджан, который был так беден, что просил своего сына Шивадахина покинуть отца и мать, чтобы не умереть с голоду. Но Шивадахин сказал: «„Не плачьте, мои любимые родители, я не пропаду на чужбине". И когда спустя много-много лет он вернулся на родину, нищенские лачуги хариджанов были снесены. Его любимые родители жили, как уважаемые люди, в центре деревни, а брахманы радовались, если их касалась тень усердных крестьян, трудом которых они живут».

Саб чальта хей! Все движется, все течет в этой большой стране. Я думаю о будущем освобожденных людей и уверен, что сын или внук убитого Шивадахина из Умарпур-Диара станет наконец свободным.

Прием во дворце «Раштрапати Бхаван»^{62}

В Кочине — ночь. Эта тьма с парившими в воздухе огнями, как и встреча в президентском дворце в Дели, до сих пор сохранилась в моей памяти.

Индия дала миру великих деятелей, чьи дела поразили людей: Махатму Ганди, Рабиндраната Тагора, Джавахарлала Неру, Закира Хусейна^{63}.

2 апреля 1969 года, за несколько дней до своей внезапной кончины, меня должен был принять президент Индии доктор Закир Хусейн. Я помню, как в этот день бесцельно бродил по Старому Дели, не обращая внимания на уличный шум. По прибытии в Дели я увидел на аэродроме фотографию президента и вспомнил о первой встрече с ним в его резиденции на Маулана-Роуд. Тогда, два года назад, он был вице-президентом, три недели спустя был избран президентом. Я пытался восстановить в памяти некоторые из его высказываний.

«Ни один ученый или художник не совершенен. Мудры простые люди, ибо только они многое узнают из своей тяжелой жизни; поэтому учиться нужно у них».

«Век науки не вытеснит сказку, она всегда будет жить в народе, особенно у нас в Индии».

Доктор Закир Хусейн говорил по-немецки, когда мы сидели друг против друга в его комнате. В молодые годы он был преподавателем в Национальном мусульманском университете^{64} и оттуда поехал за границу, чтобы совершенствовать свои знания. Как стороннику Ганди англичане выдали ему паспорт с визой: «Только на въезд в Англию». Но Закир Хусейн сошел с корабля в Неаполе и поехал в Германию. В

Берлине ему разрешили продолжать свое образование в течение... трех недель, которые потом растянулись на три учебных года в Берлинском университете. В результате Закир Хусейн получил ученую степень доктора философии.

В Германии он издал биографию Ганди и — для Национального мусульманского университета, с которым поддерживал связь и за границей, — «Диван-и-Галиб», большую поэму глубоко почитаемого им классика литературы урду^[65]. Прекрасный переплет книги и шрифт были его творением. Только немногие знали, что большую часть текста он набрал сам в берлинской типографии. В 1926 году доктор Хусейн возвратился на родину и принял участие на стороне Ганди и его друга Неру в борьбе за освобождение Индии от британского господства. Ему было всего лишь двадцать девять лет, когда он занял должность ректора Национального мусульманского университета. Здесь Закир Хусейн работал до 1947 года, когда страна получила независимость.

Университет расширялся, и этим он был обязан усилиям ректора, а также доцентов и студентов. Доктор Хусейн и его коллеги решили, что будут получать ежемесячно всего лишь семьдесят пять рупий, пока англичане хозяйничают в стране. Он сам стирал свое белье, сам чистил ботинки. Часто он ложился спать голодным.-

Вместе с преподавателями и студентами университета Хусейн закладывал фундаменты новых зданий, сажал деревья, копал колодцы, разбивал скверы, строил дороги. Он был ректором, писарем, секретарем и строителем. Национальный мусульманский университет рос благодаря ему, и он рос вместе с университетом.

С 1938 года доктор Хусейн — руководитель плана Ганди по начальному народному образованию. После освобождения Индии он был членом верхней палаты парламента Индии, в 1962 году — был избран вице-президентом, а в 1967 году — президентом.

Я бродил в лабиринте узких переулков, мои мысли были заняты предстоящей встречей, и я почувствовал, что мое внутреннее напряжение спало. Медленно шел я по шумным улицам, вливаясь в общий поток. День как-то прошел: фильм, музыка, мимолетное знакомство в кафе на Коннаут-Плейс. Около шести часов вечера в баре отеля «Джан-Патх» я ждал машину, которая должна была отвезти меня в президентский дворец. Я старался ни о чем не думать, в надежде обрести хладнокровие, которое так необходимо перед большой, напряженной беседой. Разве я не бывал уже во многих дворцах, начиная с Сан-Сусси и кончая Агрой или Траванкуром? Я перебирал в памяти и вспоминал множество названий замков и дворцов, где уже бывал.

К счастью, ожидание длилось недолго, дверь отворилась, и появился заместитель начальника нашей торговой миссии Л. Венцель, который должен был меня сопровождать. Я не был с ним знаком, но его присутствие подействовало на меня успокаивающе. Мы подошли к бесшумно подъехавшему автомобилю, portье открыл дверцу, и мы сели. В машине была приятная прохлада. Мы проехали по оживленной Джан-Патх и через каменные ворота направились к правительственному кварталу.

В тот день нам встретилось мало автомашин; матовый свет подсвечивал вечернее небо, мы увидели купол, который венчает дворец «Раштрапати бхаван», поднялись по пологому склону асфальтированной улицы и через кованые железные ворота, миновав отдававших честь солдат, попали в уединение садов, парков и фонтанов. Узкий глухой коридор вел в

секретариат президента. Я пытался собрать свои мысли. Неожиданно вспомнилось высказывание доктора Закира Хусейна: «Придет время, когда власть будет нужна только для моральных целей».

Коридору, казалось, не было конца, и я вздохнул с облегчением, когда мы наконец вошли в обычную комнату с письменным столом и с портретами Неру, Радхакришнана^{66} и Шастри^{67}. Нас встретил молодой офицер, производивший впечатление умного человека. Он попросил нас подождать. Мы приехали, как я убедился, взглянув на часы, точно минута в минуту. Зазвонил телефон, и офицер сообщил, что президент нас ждет.

Мы снова шли по ковру мимо многочисленных комнат, пока перед нами не открылась дверь. Войдя в уютное помещение, мы остановились перед доктором Закиром Хусейном, который подал нам руку и предложил сесть. Под ярким светом хрустальной люстры было, пожалуй, еще тише, чем во всем огромном дворце. На стене над рабочим столом президента висело зеркало; потолок пастельных тонов был украшен орнаментом. Кабинет был не очень большой, но и не маленький, а точно такой, какой и должен быть у президента. Он стоял перед нами в длинном белом одеянии и белой шапочке, ничуть не изменившийся за последние два года, только, пожалуй, немного более усталый, несмотря на прямую фигуру, чем тогда, в доме на Маулана-Роуд. Мы сели напротив, и президент спросил, на каком языке мы хотим говорить — на немецком или на английском.

— На немецком, ваше превосходительство.

Служитель подал чай. Президент спросил, как долго я пробыл в Индии и заметил ли изменения, происшедшие в повседневной жизни деревень и городов по сравнению с моим первым пребыванием в

стране. Он говорил по-немецки отлично и без всяких усилий находил нужные слова для передачи своих мыслей. Я ждал этого вопроса и ответил, что существенных внешних изменений не заметил, но наблюдал много интересного в области воспитания молодежи, особенно в Гоа и Керале. Посещая школы, университеты и колледжи, я убедился в том, что молодое поколение стремится к образованию.

Президент подтвердил, что для обучения народа сделано много, но этого еще недостаточно. За двадцать лет независимости Индия модернизировала экономику и образование, но еще предстоит много сделать, чтобы покончить с пережитками прошлого. По сравнению с пяти тысячелетней историей страны двадцать лет — мизерный срок.

Доктор Хусейн говорил тихим голосом, у него были скупые неторопливые жесты и скромная манера держаться. Ничто не напоминало о том, что позади у него длинный рабочий день. Президент излучал радушие и спокойное достоинство. Несмотря на обособленность его кабинета внутри дворца, где он работает уже два года, чувствовалось, что он сохранил связь с жизнью народа. Мир знал его, и он знал мир. Он не любил произносить официальные речи, но был выдающимся оратором и умел находить доходящие до сердца слова, как, например, в одном из последних выступлений по случаю вручения премии Неру вдове убитого негритянского вождя доктора Мартина Лютера Кинга.

Двадцать лет — мизерный срок в истории Индии? Когда были произнесены эти слова, я попытался представить себе реальные факты: Индию в течение столетий эксплуатировали чужеземцы. Природные богатства страны оставались неиспользованными, так как промышленность была развита очень слабо и потребность в товарах народного потребления не могла

быть удовлетворена. В 1947 году, когда была завоевана независимость, на всем огромном пространстве между Гималаями и мысом Коморин имелось всего лишь три сталелитейных завода да несколько небольших сахарных, текстильных, джутовых и бумажных фабрик. Все основные товары — велосипеды, автобусы, вагоны, автомобили, электролампы, керосиновые лампы, одежда, часы, радиоприемники, лекарства и даже игрушки для детей — ввозились из-за границы по очень высоким ценам. Сегодня, когда завершается четвертый пятилетний план, Индия имеет собственную тяжелую индустрию. Это современные сталелитейные заводы, которые ежегодно производят почти семь миллионов тонн стали, кораблестроительные верфи, заводы инструментального машиностроения, вагоно- и паровозостроительные предприятия, развитая электронная промышленность, автомобильные заводы, а также разносторонняя промышленность по производству товаров народного потребления. Названия фирм, начинающиеся словом «Хиндустан» («Индия»), многие индийцы произносят с гордостью.

В разговоре наступила пауза. Я еще не дал окончательного ответа на вопрос о происшедших изменениях. Молчание длилось несколько мгновений, и мне показалось, что для «Раштрапати бхаван» вообще характерна эта приятная тишина светлого кабинета с книгами, пирамидальным кристаллом, который президент недавно привез из поездки в Москву, украшенным орнаментом потолком и зеркалом над письменным столом, в котором отражался свет, отбрасываемый светильником.

Президент возобновил беседу:

— Да, должно еще многое произойти, прежде чем будут преодолены пережитки прошлого, но, несмотря на это, мы уверены в будущем. Индийский народ создал свое государство, а политики обязаны привести в

соответствие государственную власть и этику, только тогда можно будет говорить об истинной гуманности, которая принесет благополучие всем людям.

Президент спросил, был ли разрушен во время войны Берлинский университет, который он хорошо знал. Мы рассказали ему о строительстве нового городского центра Берлина и о реставрации исторических памятников от Красной ратуши до Бранденбургских ворот. Президент умел слушать не хуже, чем рассказывать, и его короткие реплики показывали, что воспоминания о студенческих годах, проведенных в Берлине, еще живы в его памяти. Два года назад он прочитал сказки братьев Гримм и «Дон Кихота» Сервантеса в берлинском издании. Президент пожалел, что его обязанности не оставляют ему времени для чтения немецких книг.

— Никогда нельзя довольствоваться тем, что знаешь, иначе теряешь способность к творческому мышлению, — заметил он.

Посмотрев на часы, мы убедились, что прошло уже полчаса, поднялись и поблагодарили президента за прием. Он проводил нас до двери и сказал, улыбаясь, что не возражает сейчас против прихода фотографа, ожидающего на улице. Мы можем также познакомиться с его коллекцией горных пород, если, конечно, нам это интересно.

Доктор Закир Хусейн попрощался с нами, и казалось, что усталость сменилась у него бодростью. Осмотрев находившуюся этажом выше коллекцию камней, мы возвратились в «Джан-Патх».

Уехали мы из дворца уже вечером: небо пожелтело, приближались сумерки. Было 2 апреля 1969 года. Четыре недели спустя, когда я был уже на родине, пришло известие, что президент Индийского Союза доктор Закир Хусейн скончался от разрыва сердца в своем рабочем кабинете в «Раштрапати бхаван».

История Индии дала миру великих скромных личностей, чьи дела поражали фантазию: одной из них был доктор Закир Хусейн, первый президент-мусульманин независимой Индии.

Ночные встречи

В Кочине — ночь.

Фен на потолке моей комнаты вертится неумолимо, ветер надувает москитную сетку, как парус. Проникшие сквозь сетку маленькие насекомые непрерывно жужжат, и с ними ничего не сделаешь: попытки бить их безуспешны, удары ощущаешь только на своей коже. Спать совершенно невозможно; я знаю, что тому виной не только влажный, теплый воздух, затрудняющий дыхание, но и приходящие в голову мысли, и окружающая красота, и лагуна, и джонка, неподвижно застывшая за окном, и луна, свет которой разливается по комнате. Я мог бы схватить ее руками или ударить так, чтобы она закачалась, как маятник, но ведь луна может тогда упасть, и было бы жаль неба и людей, которые к ней привыкли. Это совершенно иная луна, не такая, как над бухтой в Бомбее, и не такая, как над булыжной мостовой в Калькутте; она немного напоминает луну над рекой Мандави.

«Бесплодные мысли», — подумал я. Луна есть луна, она висит в черном, ночном небе то ли словно серебряная корзинка с ручкой, то ли словно тусклая латунная лампа. Дело здесь в одиночестве, которое луна делает более ощутимым; нельзя оставаться одному в такой расточительной тишине. Человек не выносит тишины; все время должно что-то происходить, да и действительно происходит. Нельзя представить себе, что перестал расти рис, земля перестала вращаться, пекарь перестал печь хлеб, а люди — обниматься при луне. Может быть, единственным выходом для разочарованной шведки на пляже в Калангуте было раствориться в воздухе и почувствовать «великое ничто».

Я думаю о шуме и тишине, но, при всем своем желании, не могу заснуть. Я спускаюсь по лестнице, прохожу через опустевший холл, мимо конторки дежурного, за которой сидит молодой человек и понимающе улыбается. Иду по саду, окружающему отель, и захожу в бар. Там сидит несколько посетителей, чуть слышно играет музыка. Я подсаживаюсь за столик к мистеру Ю-ноу-уот-ай-мин, и он обрушивает на меня поток слов, словно только меня и ждал.

Постепенно я привыкаю к красноватому полумраку. Женщин не видно. Здесь одни мужчины: индийцы в белых дхоти, два переговаривающихся шепотом японца в черных костюмах, шумный новозеландец с индийцем и бесшумно передвигающийся бармен.

Мистер Ю-ноу-уот-ай-мин — старый англичанин. Он говорит так быстро, что я едва успеваю следить за ходом его мыслей, и после каждой третьей фразы вставляет: «Ю ноу уот ай мин?» — «Вы понимаете, что я имею в виду?» — желая удостовериться, что я его понял.

— Да, да, я понимаю.

Я слушаю его краем уха, но что-то до меня доходит, и я рад, что не один. Мистер Ю-ноу-уот-ай-мин пьет коктейль, приготовленный из маленьких ароматных лимонов, воды, сахара и небольшого количества джина. Я заказываю бутылку холодного пива, вытираю мизинцем запотевший стакан и пью маленькими глотками, постоянно кивая головой, чтобы не обидеть своего собеседника.

Он рассказывает, что тридцать восемь лет назад впервые посетил Индию, но с тех пор мало что изменилось. Каждый раз его возмущают нищета и бедность на улицах больших городов.

Потом мы идем прогуляться около воды. Англичанин говорит мне, что только вчера после обеда приехал из

Калькутты — «Ю ноу уот ай мин?». Затем некоторое время он молчит. Меня так и подмывает возразить ему: ведь все, что его здесь угнетает, произошло не без участия Англии. Но он не замолкает ни на минуту. Потом, словно самому себе, мой собеседник добавляет тихим голосом:

— Бог мой, что сделали мои соотечественники этому народу!

Неожиданно он показался мне очень усталым, как будто это позднее признание исчерпало все его силы. Англичанин прощается со мной и желает мне хорошо провести время в Индии:

— Приятного времяпрепровождения! Ю ноу уот ай мин!

Перед тем как уйти, он останавливается на мгновение и спрашивает, не знаю ли я, когда уходит первый катер.

Я не знаю.

И опять нет даже и мысли о сне, ни малейшего желания залезть под москитную сетку. На этот раз мое внимание привлекают звуки. Словно кто-то ударяет крошечным молоточком о стенку лодки или птица долбит клювом по стволу гнилого дерева.

«Какие же сказки расскажет мне Керала?» — думаю я.

И вдруг вижу, что ко мне приближается нечто белое. Это индеец, который сидел в баре с громко разговаривавшим новозеландцем. Мы встречаемся под лампой на лодочных мостках и некоторое время не говорим ни слова. Оба рады тому, что избавились от громких разговоров.

Затем один из нас сказал что-то незначительное; мы представились друг другу и сразу же почувствовали, что нас ничто не разделяет.

Его зовут Балакришна, он из Мадраса; фамилию я не разобрал, но мне запомнилась снисходительная

улыбка — не над самим собой и ни в коем случае над кем-то другим; улыбка шла из самой глубины души.

Наша беседа прерывалась многочисленными паузами и иногда казалось, что ответы не соответствуют вопросам, но в конце концов они все же как-то складывались в единую мысль.

Спустя некоторое время я попросил его рассказать какую-нибудь легенду Кералы. Он ответил, приветливо улыбаясь, что незачем ехать в Индию для того, чтобы узнать, что перец — вьющееся растение.

— Это верно, — ответил я, — но тем не менее неплохо бы увидеть перед собственными глазами и привезти горсточку его плодов.

Его улыбка стала еще более многозначительной. Облокотись на перила мостков, он начал рассказ:

«На Малабарском побережье в тени высокой кокосовой пальмы жил когда-то служитель храма по имени Кумару со своей женой Панчами. Детей у них не было. Скучных доходов могло хватить лишь на скромную жизнь как раз для двоих.

Веселый Кумару имел обыкновение приглашать к себе многочисленных гостей, что всегда огорчало его жену. Кумару ел и пил от души со своими гостями, а жена, не зная, чем их накормить, вынуждена была отдавать все, что приготовила для себя, и часто голодала.

Панчами очень любила мужа и не решалась упрекать его за то, что он приглашает так много чужих людей. Она шла к соседям, брала у них в долг рис или овощи, а иногда даже бегала в город и просила милостыню, чтобы купить хоть что-нибудь для гостей.

В один прекрасный день соседям надоело помогать Панчами, так как они видели, что изо дня в день приходят новые гости, и не верили тому, что служитель храма и его жена действительно бедны. Панчами не могла уже больше ничего просить у соседей, и ей не

оставалось ничего иного, как отдавать гостям последнее, что было в доме. Она голодала целую неделю и совсем ослабла. Тогда, наконец, Панчами решила поговорить с мужем.

Кумару после ужина всегда был в хорошем настроении, и Панчами тяжело было огорчать его своими заботами. Плача, она стала стелить постель, и тогда удивленный Кумару, утирая ей слезы, спросил о причине такой печали. Она уже не могла больше молчать:

— Разве ты не видишь, дорогой муж, что от меня осталась одна тень? Каждый день ты приводишь в нашу хижину новых гостей, а я не знаю, чем их накормить. Разве ты забыл, что мы бедные люди? Ты и твои гости съедаете наш жалкий обед, а я вынуждена голодать. Имей сострадание, мой любимый муж, и не приглашай больше гостей, иначе я погибну.

Кумару был удивлен. Он никогда не задумывался над тем, куда деваются их деньги, и решил, что жена преувеличивает. Разве он не приносит иногда из храма остатки жертвоприношений? Как вообще Панчами решилась запретить ему приглашать гостей?

Размышляя таким образом, он распалял свой гнев. Однако Кумару сумел совладать с ним и сказал:

— Не плачь, я не обижаюсь на твои слова. Но как ты можешь требовать, чтобы я не приглашал гостей? Боги вознаграждают нас за то, что мы делим нашу пищу с другими. Чем больше жертва, тем больше вознаграждение. Отдавая свою пищу другим, ты скорее попадешь на небо. Верь в богов, моя дорогая, и выполняй свой долг, как положено жене.

С этими словами он лег в постель и тут же крепко заснул. Сны Кумару были такими же безмятежными, как и дни, которые он проводил в храме и дома. Проснувшись поутру, он уже забыл о горестях своей жены. Радовался солнцу, тени деревьев, небу и прибою,

песни которого сопровождали его по дороге в храм. Исполняя свои нехитрые обязанности, он снова пригласил к обеду трех совершенно чужих людей, которые случайно пришли в храм, чтобы немного отдохнуть.

Панчами ночью не сомкнула глаз и в отчаянии искала выхода. В душе она надеялась, что супруг, несмотря на его слова, не приведет гостей, и была возмущена, увидев Панчами в сопровождении мужчин, весело болтавших в предвкушении обеда. Она не подала, однако, и виду и любезно пригласила пришедших сесть.

Когда Кумару отправился искупаться на пляж, Панчами взяла длинную деревянную палку, которой обычно шелушила рис, украсила ее цветами и прислонила к стене. Потом она зажгла лампадку, села лицом к гостям перед палкой, склонила голову и сложила ладони, словно погрузившись в молитву.

Гости с удивлением смотрели на нее. Такого они еще никогда не видели. Почему хозяйка дома поклоняется простой деревянной палке? Их охватило любопытство, и они спросили женщину, что все это значит.

Панчами боязливо огляделась и прижала палец к губам. Любопытство гостей усилилось.

— Пожалуйста, скажи нам, почему ты молишься деревянной палке? — спросили они.

— Это касается вас, — ответила Панчами со слезами на глазах, — но я не могу вам этого сказать.

— Если это касается нас, то мы тем более должны все знать.

Панчами снова боязливо огляделась и ответила:

— Обещайте мне ничего не рассказывать моему супругу.

Гости обещали, что не скажут Кумару ни слова.

— Так слушайте, что я вам скажу. Мой супруг Кумару очень добрый человек. Но у него один недостаток. Каждый день он приводит домой гостей, корми их и поит, а потом берет эту толстую палку и дает им взбучку. У него нет при этом злого умысла, уж вы можете мне поверить. Что же касается меня, то я не хочу иметь отношения к этим побоям, поэтому я сажусь перед палкой и прошу, чтобы она не очень усердно била по спинам.

Мужчины испуганно переглянулись, и так как они не были героями, то поспешили к двери. В это время возвратился Кумару.

— Что случилось? — спросил он. — Почему гости ушли?

— Прости мне мою глупость! — сказала Панчами. — Они просили меня подарить им эту деревянную палку, но ведь ты знаешь, мой дорогой муж, у нас другой нет. Поэтому я сказала гостям, что не смогу отдать ее. Они рассердились и ушли.

— Как ты могла обидеть гостей?! — закричал Кумару. — Дай сюда палку, они должны ее получить.

Вырвав палку из рук Панчами, он быстро побежал за гостями. Увидев хозяина с палкой в руках, гости поспешили спастись бегством. Кумару еще долго бежал за ними, но догнать не смог.

Жители деревни подумали, что Кумару действительно прогнал гостей из своего дома. Они рассказывали об этом каждому, и скоро история с быстротой молнии распространилась по всему побережью. Кумару, однако, никак не мог понять, почему люди, которых он приглашал к себе, отказывались от его гостеприимства. И так как Панчами никому не выдала тайну, они долго жили в мире и согласии».

Это было скорее народное сказание, чем легенда, по Балакришна уверил меня, что история родилась

здесь, на юге, хотя в том или другом варианте встречается по всей стране.

Наступила полночь. Прежде чем проститься, мы сели за столик, и Балакришна нарисовал мне дорогу в деревню горшечников, где старостой его зять. Я смущенно смотрел на линии и названия населенных пунктов, а Балакришна продолжал рассказывать, уверяя, что деревню найти очень просто: от Тривандрама на автобусе доехать до побережья Ковалам, там лучше всего взять лодку и отправиться вверх по реке до деревянного моста, затем налево в узкий канал, потом повернуть направо, и тут уж я увижу извилистую линию и жирную зеленую точку, которая и есть деревня горшечников, где по-прежнему живут так, как жили во времена служителя храма Кумару и его супруги Панчами.

Ночь в Кочине не кончается, и воспоминания о ней сохраняются на всю мою жизнь. Джонка неожиданно исчезла. Луна и звезды скрылись. Балакришна тоже ушел спать, а у меня появилось такое чувство, словно ночная тьма скользнула по мне. Казалось, облака спустились на землю. А пропеллер все крутился над белым небом москитной сетки... Когда на рассвете меня разбудил тихий стук в дверь и я, совсем разбитый, спустил ноги с кровати, то на полу увидел рисунок с извилистой линией и жирной зеленой точкой — деревней горшечников.

Тривандрам

В Керале есть девять городов с населением более пятидесяти тысяч человек. Столица — Тривандрам — расположена близ побережья на живописных холмах и насчитывает около трехсот тысяч жителей. Название ее происходит от слов «Тхиру Анандапурам», что означает «Жилище священного бога змей Ананда». По долине между холмами вытянулась с севера на юг торговая улица Тривандрама с множеством больших и маленьких лавочек, с поднимающимися вверх боковыми улицами, с чайными и кафетериями, кафе «Мороженое», филиалами банков, государственными секретариатами, фотомагазинами, кинотеатрами и книжными магазинами, в которых можно беспрепятственно часами рыться в книгах, с тенистыми кафе, где встречаются студенты Государственного университета Кералы и относящихся к нему семидесяти пяти колледжей.

На торговой улице мало деревьев, поэтому, бродя в послеобеденные часы по городу, я останавливался в тени одноэтажных домов. Под палящим солнцем почти не встречались люди, и я удивлялся, каким образом цветущие кусты, цветы на клумбах и нежные листья деревьев не высыхают от жары.

Лишь под вечер, когда солнце зашло, снова пробудилась жизнь. С грохотом проезжали красные автобусы с желтыми крышами, скользили автомобили, пытались проложить себе путь велосипедисты. Демонстрация членов профсоюза служащих, маршировавшая двумя шеренгами, требовала повышения заработной платы.

Рыбачки подносили торговцам корзины сушеной рыбы, крестьянки несли в город овощи; двухколесная тачка, запряженная двумя водяными буйволами и

доверху нагруженная досками, застопорила все движение. Мне встречались студенты и студентки, прогуливавшиеся с книгами в руках, молодые люди в белоснежных дхоти и изящные девушки в пестрых сари из тонкого шелка. Я спрашивал себя, кто изобрел сари, превращающее индийскую женщину в королеву, даже если сари сшито из дешевого ситца. Это, вероятно, был не просто портной; даже богини, изображенные на цветных литографиях, что висели у обочин дорог, были одеты в сари.

Мой сопровождающий, строгий молодой человек, разъяснил мне, что создатель сари — в этом я могу быть совершенно уверен — родом с Малабарского побережья. При этих словах он улыбнулся и пригласил меня к себе домой на чашку чаю. Его семья принадлежала к касте наир, которая происходила от кшатриев. Правда, об этом я узнал позже, когда он представил меня своим родственникам.

Самое значительное сооружение Тривандрама — храм Падманабха. Он посвящен богу Вишну. Семиэтажная башня храма, имеющая форму пирамиды, богато украшена и состоит из мощных каменных блоков, которые были доставлены сюда сотнями слонов. Никто не может точно сказать, когда построен этот храм, каменные стены которого обрамлены 368 гранитными колоннами, но легенда гласит, что он возведен еще до начала нашей эры. Четыре тысячи каменотесов и шесть тысяч рабочих якобы воздвигли его за шесть месяцев. В священный храм могут входить только индусы, поэтому мне удалось осмотреть его лишь снаружи. К апрельскому празднику на площади перед храмом как раз устанавливали страшные фигуры демонов, которые должны отгонять злых духов.

До объединения в штате Керала княжеств Траванкур и Кочин раджа, подданный божества, возглавлял процессию апрельского празднества. Как

простой паломник, он отправлялся босиком за пять километров на побережье. Там изображение бога опускали в море, а затем снова приносили в храм. Праздником начинается посев зерна; продолжается он восемь дней. Близлежащие деревни оставались почти совсем безлюдными, а Тривандрам превращался в огромную праздничную площадь. В это время торговцы хорошо зарабатывали.

Праздник в честь Вишну празднуется по всей Керале, и нет почти ни одной хижины, где бы под лампадкой не стоял Вишну-кани. Вишну-кани — это котелок с рисовыми зернами, монетами и сушеными фруктами, иногда с украшениями и драгоценными камнями. Каждое утро, прежде чем крестьяне выходят на поля, мужчины, женщины и дети заглядывают в Вишну-кани и просят бога послать им хороший урожай.

Половина населения Кералы занята в сельском хозяйстве, поэтому кроме празднеств в честь Вишну в апреле и октябре проводится еще множество других праздников сева и сбора урожая, посвященных различным богам и богиням. Праздники эти очень красочны и интересны, но они не могут заставить забыть, что в этом крае, так щедро одаренном природой, еще не всем хватает еды.

Заработная плата сельскохозяйственного рабочего составляет от двадцати до тридцати рупий в месяц; многие мелкие крестьянские хозяйства и хозяйства арендаторов обременены долгами. Урожай риса, как уже говорилось, обеспечивает питанием только девять миллионов человек из восемнадцати. Каждый неурожай в соседних штатах Майсур и Тамилнад, которые поставляют рис в Кералу, всегда приводит к тяжелым последствиям, и тут уж, сколько ни заглядывай по утрам в Вишну-кани, ничего сделать нельзя.

Несмотря на то что старые обычаи соблюдаются, большинство населения Кералы понимает, что гораздо

лучше взять судьбу родной страны в свои руки. Эти приветливые люди, родившиеся с улыбкой на устах, в недавнем прошлом стали борцами за социальный и экономический прогресс и служат примером для всей Индии. Мне кажется, что это еще больше укрепило самосознание и гордость граждан Кералы. Путешествуя по Индии, я встречался с писателями, учеными и студентами из Кералы. Их глаза загорались всякий раз, когда я рассказывал о Малабарском побережье, которое навсегда останется в моей памяти.

Не забуду я и встречу с молодым рабочим-строителем из Коччи, у которого в Васко-да-Гаме спросил дорогу в порт Мармагао. Он проводил меня немного и рассказал, что ушел из своей семьи, живущей в Кочине, потому что не хотел оказаться ей в тягость, когда потеряет работу. Он надеялся устроиться в больших городах; побывал в Мадрасе, Дели и Бомбее, находил иногда случайные заработки и вот теперь остановился в Гоа. Он до боли тоскует по Керале, однако гордость не позволяет ему вновь сесть на шею своей семье.

Мне хотелось спросить, что он думает о хиппи, которые за доллар в месяц свили себе гнездо в хижине на побережье в Калангуте, в то время как он с голодным желудком, не имея крыши над головой, в поисках работы прошел всю Индию. Жаль, что я так и не задал ему этот вопрос.

По официальной статистике, в индийских штатах тридцать семь миллионов безработных; в действительности же их, вероятно, значительно больше. Только в одной Керале до пятисот тысяч безработных.

Молодой рабочий из Кочина проводил меня до Мармагао. Солнечные лучи ударяли по асфальту, но мы видели уже трубы пароходов и чувствовали близость моря. Я хотел дать моему спутнику несколько рупий,

чтобы хоть немного помочь ему, но он с возмущением отстранил деньги. Мне стало одновременно и стыдно и горько, особенно оттого, что я ровно ничего не мог для него сделать.

— Не таким путем, — сказал он гордо.

В Тривандраме я занимаю в правительственной резиденции для гостей две комнаты с ванной. В летнем дворце раньше жил британский резидент^{68}. Моя спальня имеет площадь восемь на двенадцать метров, высоту шесть метров. В середине одиноко возвышается кровать, комнату полукругом обрамляет балкон, который перед полуднем занавешивают плетеными циновками. В комнате, обставленной темной мебелью из вишневого дерева, всегда немного сумрачно; на столике рядом с креслом резидента стоит вентилятор. Его можно регулировать, и он вращается то быстрее, то медленнее.

Когда я лежу ночью в своей постели посередине огромной комнаты, то понимаю, как должен был чувствовать себя пугливый властитель. В эти часы он думал о врагах, забыв, что за дверью стоят лейб-гвардейцы, и испытывал страх перед своими подданными. Мне вспомнился также раджа из Траванкура, дворец которого я осматривал. Великолепное здание из дерева благородных пород, скрипящие лестницы, деревянные башни и лабиринты коридоров, анфилады комнат, украшенные тонкой резьбой по дереву. Маленький, замкнутый мир, который в случае необходимости мог существовать самостоятельно, пока не пересохнет вода в колодце во дворе и не иссякнут запасы продовольствия в кладовых. Особенно примечательным показался мне балкон с крошечным окошком, выходящим на улицу: из него повелитель имел обыкновение показываться своим подданным как портрет в дорогой раме.

Княжество Траванкур было небольшим. Но здесь жили и ученые, и музыканты, например композитор и поэт Сватми Тхирунал, который творил в первой половине девятнадцатого века и писал песни на шести языках: санскрите, малаялам, тамильском, телугу, каннада и хинди. Музыкальная академия в Тривандраме носит его имя. Тхирунала чтут как классика южноиндийской музыки.

История земли между Аравийским морем и Бенгальским заливом рассказывает о междоусобицах южноиндийских феодалов, о том, как земля подпала под власть династии Чера, о сражениях между местными князьями, в результате которых в конце концов страна стала добычей иноземных захватчиков, пришедших с далеких континентов на своих кораблях.

Современный штат Керала образован в 1956 году из прежнего штата Траванкур-Кочин и некоторых территорий прежнего штата Мадрас. С недавнего времени этот штат носит название Тамилнад; его территория простирается от восточной границы Кералы до Бенгальского залива.

На месте столицы Кералы, Тривандрама, в прошлом росли леса и кокосовые рощи. Только вокруг храма Падманабха находились крестьянские и рыбацкие деревни, и несколько поселков располагалось на холмах. Первые формы городского правления возникли в 1894 году, в результате образования комитета, который в 1921 году превратился в городскую администрацию. 30 октября 1941 года городское самоуправление Тривандрама получило официальный статус.

С тех пор главный город Кералы стал быстро расти; на холмах были построены дома, музеи, колледжи, школы. — Бывшее местопребывание британского резидента с высокими комнатами и темной мебелью, с павильоном и старыми деревьями в парке не стоит уже,

как прежде, одиноко на холме. Несмотря на это, здесь, наверху, слишком тихо, особенно поздним вечером. Не слышно даже голосов птиц. Я смотрю в темноту, наливаю из хрустального графина стакан теплой воды и даю простор своим мыслям.

Каждый час приносит мне много нового: то я наношу визит во Всеиндийское радио, то слушаю концерт в Музыкальной академии, то смотрю танец тигров, исполняемый уличными мальчишками, или танец Катхакали в новом театре, то встречаюсь с маленькой коричневой девочкой, которая, напевая и подпрыгивая, ранним утром проходит через парк.

Я окрестил девочку Лакшми, потому что всегда радовался при виде ее, а Лакшми — богиня счастья. Девочка размахивала кувшином для молока, который держала в руке, а когда я с ней заговаривал, убегала, потом останавливалась перед кустом с красными цветами, засовывала палец в рот и дарила мне робкую улыбку.

Кто я для нее?

Мне очень хотелось знать, почему девочка каждое утро шла с кувшином в руках через парк, но маленькие дела не менее трудно понять, чем государственные, ведь они тоже бывают важными. До сих пор я так и не знаю, почему Лакшми проходила через парк, но ее лицо с робкой улыбкой, отражавшей приветливость ее народа, и куст, усыпанный красными цветами, хорошо запомнились мне.

Спускаясь как-то раз под вечер с горы по извилистым боковым улочкам, я увидел ремесленников, которые работали под навесом из пальмовых листьев, защищавшим от солнца. Два молодых человека разрезали клык слона. Я остановился и стал смотреть, как они работают. Кусок слоновой кости с желто-белым отливом был толщиной с ногу и длиной примерно в метр двадцать сантиметров. Резчики слоновой кости —

зажиточные люди. Сейчас они были так поглощены работой, что даже не заметили меня. То, что они делали, напоминало богослужение Куберу, богу богатства.

Бивни слона общим весом в центнер, один из которых лежал еще целый на красной тряпке, а другой был уже разрезан на четыре части, представляли собой целое состояние, на которое рыбак может купить лодку со всем снаряжением, сельскохозяйственный рабочий — участок земли, а арендатор — заплатить свои долги.

Один из молодых людей сидел перед тисками, похожими на наковальню, в которые была зажата четверть бивня, и ножовкой с мелкими зубьями распиливал ее по длине. Другой, сидя на корточках против первого, черпал отливающей золотом кружкой воду из отполированного латунного котла и осторожно лил ее в продольный разрез. За резчиками виднелись две колонны с глиняными вазами, между которыми широкая садовая дорожка вела к террасе белого жилого дома.

Я стоял в тени и наблюдал, как пила врезается в слоновую кость. Босоногий мальчик, одежда которого состояла всего лишь из набедренной повязки, пробежал через сад и что-то сказал молодым мужчинам. Они положили инструменты и, оставив все на своих местах, с чувством собственного достоинства пошли к дому. На террасе стоял седой человек в белой с красным одежде и желтом тюрбане: отец ремесленников, торговец слоновой костью. Он позвал их ужинать.

Солнце скрылось за горизонтом, пальмы уже не отбрасывали тень. Небо еще светилось желтоватым блеском, желтизна окутывала горы, влажный воздух нес ее через улочки в долину и приглушал яркие краски. Портные сидели еще за своими швейными машинами, слесари ремонтировали велосипеды, часовщик склонился над часами, умельцы гравировали

латунные и серебряные сосуды, садовники поливали траву, торговцы стояли за прилавками своих лавочек, женщины несли воду из пожарных кранов, покупали муку, рис, сахар, пальмовое вино... Все еще пребывало в постоянном движении, хотя уже несколько замедленном. Вскоре наступит темнота, и трудовой день замрет совсем.

Торговая улица Тривандрама была залита ярким светом. Я пробирался сквозь людской поток, стараясь никого не толкнуть; мне был знаком здесь каждый уголок, и я шел мимо магазинов, не чувствуя усталости. Площадь перед храмом Падманабха — мрачная и таинственная. Пестрая светящаяся реклама окаймляет башню-пирамиду, которая угрожающе устремлена в звездное небо. Повсюду тускло светятся красные, синие, желтые, зеленые лампочки, как и подобает в священном месте.

Боги любят темноту: полумрак в святилище; восковые свечи и лампы; по огромной лестнице верующие благоговейно поднимаются к Вишну с гирляндами цветов и монетками; в сердцах своих они несут сокровенные желания, которые шепотом поведают богу.

— Сына, даруй мне сына! — шепчет молодая женщина.

Напрасно ставила она перед пальмовой хижинкой молоко и мед для священной кобры, напрасно в день полнолуния, который пришелся на понедельник, молила перед священным деревом, прося послать ей материнство, соглашаясь даже на дочь. Ведь бесплодие — позор, который ложится тенью на ее жизнь. Вот она пытается счастья в храме Падманабха перед образом Вишну, любимое животное которого — священная змея. Но если Вишну ей не поможет, то она отправится в паломничество к змеиному камню в Манварасала, который стоит в священной роще и

дарует благосостояние бедным и материнство бездетным.

Я вспомнил, что договорился встретиться с моим знакомым — Шанкаром, и посмотрел на часы. Нашел я его в студенческом кафе, где были заняты все до единого места. Шанкар подвинулся немного, и я устроился с ним рядом. Шанкар родился в бедной семье сельскохозяйственного рабочего, которая живет на окраине города и 1 января 1970 года благодаря государственной земельной реформе получила собственный участок.

Он рассказал мне, что в Керале — самая прогрессивная в Индии система образования. Сам он тому прекрасный пример. Как сын хариджанина, он учился в одной из семи школ, созданных государством для необеспеченных детей, затем перешел в среднюю школу и гимназию. Сейчас учится в государственном колледже. Шанкар хотел быть журналистом, но найти работу по этой специальности трудно, поэтому он решил стать учителем. Шанкар сообщил мне, что в Керале обязательное обучение для всех детей в возрасте от шести до одиннадцати лет и что в большинстве школ для четырех младших классов организовано бесплатное питание.

Около десяти часов официанты начали убирать со столов, а гости расходиться. В Тривандраме в это время ложатся спать. Шанкар попрощался со мной, и я пешком отправился домой, так как шоферы такси уже закончили работу. Я дошел по главной улице до перекрестка и тут, прежде чем повернуть на боковую улицу, вспомнил о записке с извилистыми линиями и жирной зеленой точкой, которая лежала на столе в моей комнате. Завтра у меня свободен весь день, никаких встреч с писателями, никаких речей, званых обедов, интервью, завтра я поеду к рыбакам на

побережье Ковалам, поджарю себе рыбу на костре и найду деревню горшечников.

«Чеммин»

Наступил мой последний день в Керале. Я был на мысе Коморин, наблюдал, как солнце опустилось в Индийский океан, прошелся по рыбному рынку Тривандрама, видел девушку в голубом сари с корзиной мелкой рыбы, которая сверкала на солнце, как стальные лезвия. И о заходе солнца на мысе Коморин, и о девушке в голубом сари я вспомнил по дороге в Ковалам.

На машине номер 48 штата Керала мы доехали до самой южной точки Индии. Попросив шофера остановиться, я отправился дальше пешком. Шофер уже немного знал меня. Он медленно проехал мимо по маленькому деревянному мостику. До побережья было недалеко, и я знал, что он подождет меня у купальни.

На мостике я остановился. Река, совсем желтая, быстро мчит свои воды в море. Баржи с овощами, рыбой или доверху нагруженные копррой плывут к городу. Кажется, что плыть против течения им совсем не трудно. Мужчины работают бамбуковыми шестами, с поразительной легкостью продвигая баржи в тени пальм.

Лодка с золотисто-коричневым лыком скользит вдоль берега, и я вижу в ней девушку в голубом сари. Корзина с рыбой покрыта влажной тряпкой. Девушка смотрит перед собой. Она ничего не слышит, погружившись в свои думы, и отсутствующий взгляд скользит по однообразию ее повседневной жизни. Девушка молода и красива и напоминает мне Карутхамму:

«Когда-нибудь отец купит лодку и сеть. И все будет принадлежать нам».

Так начинается «Чеммин», история о любви, поэта Тхакаци С. Пиллаи. Я прочел эту книгу как-то ночью в гостинице, она тронула меня своим непревзойденным стилем и трагизмом. Потом я прочел ее второй раз, и благодаря «Чеммин» жизнь в рыбацких деревнях Кералы стала мне такой близкой, как это бывает только после сильного переживания.

Карутхамма — дочь бедных рыбаков с морского побережья. Ее семья принадлежала к самой низшей касте — муккуван. Однажды в деревню приехал мусульманин со своим сыном и открыл маленькое торговое дело. Он скупал рыбу, сушил ее или солил, а потом продавал в городе.

Карутхамма и сын торговца Перикутти встретились на берегу моря, и девочка подарила мальчику красивую ракушку.

Пока они были маленькими, им разрешали играть вместе. Когда же Карутхамме исполнилось шестнадцать лет, против их робкой любви восстали строгие кастовые правила.

«Однажды Карутхамма вдруг поняла, что на ней надета всего лишь набедренная повязка, и лицо ее залила краска.

— Не смотри так на меня, Перикутти, — сказала она испуганно и закрыла руками обнаженную грудь.

— Что с тобой, Карутхамма?

Тут из дома раздался громкий голос. Это мать Карутхаммы, Чакки, возвратившись с базара, звала дочь. Отец девушки, суровый, честолюбивый человек, занял у Перикутти денег на лодку и сеть и уплыл с рыбаками в море. Счастье улыбнулось ему, он возвратился с богатым уловом, но деньги, которые отец заработал, сделали его жестоким. И когда он узнал о любви Карутхаммы к молодому мусульманину, то приказал ей выйти замуж за рыбака. Карутхамма была в

отчаянии. Зная, что выхода нет, она доверила свою тайну матери.

— Если я останусь здесь, мама, произойдет нечто ужасное.

Глаза Чакки наполнились слезами.

— Не говори так, дитя мое!

— Я должна уйти, мама. В этом моя единственная надежда.

— Этот юноша, кажется, околдовал тебя, — сказала Чакки.

Карутхамма покачала головой. Нет, никто ее не околдовал. Она спросила мать, приходилось ли еще когда-нибудь девушке с побережья переживать такое же горе, как ей.

— Богиня моря! — шепчет Чакки. — Моя дочь сошла с ума.

Карутхамма поняла, что даже мать ее не понимает. Может быть, до нее ни одна девушка не любила мужчину из другой касты? Может быть, не было еще мужчины за пределами касты рыбаков, который погиб из-за любви? Или побережье уже слышало такие песни, какие пел для нее ночами Перикутти?»

Я стою на деревянном мосту и смотрю вслед удаляющейся лодке с золотисто-коричневым лыком, в которой сидит девушка в голубом сари. Сейчас она проезжает освещенную солнцем полосу, и голубое сари светится, словно оно сшито не из дешевого ситца, а из самого дорогого шелка. Девушка везет рыбу на базар в Тривандрам. Это крошечные рыбки, уппа, попавшие в сети. Улов в это время года скудный и не дает большого дохода — тридцать рупий в месяц, иногда немного больше, иногда меньше. Присмотревшись к голубому сари, я заметил, что оно сильно поношено и довольно ветхое.

Девушка сидит и мечтает, может быть, она мечтает получить новое сари в сезон чакара. В это время хорошо

ловятся крабы и креветки — дары морской богини Каталамма. Как только с запада налетает ранний муссон, он пригоняет в прибрежные воды крабов и креветок, и в деревнях начинается радостное оживление. Из города приходят торговцы и ремесленники, они открывают маленькие чайные, протягивают электропровода, по которым идет ток от единственного генератора, тарахтящего до поздней ночи. Ювелиры, плетенщики, горшечники предлагают свои товары. В сезон чакара морской берег превращается в праздничную торговую площадь.

Все ночи напролет в очагах горит огонь; между пальмами мерцают огни керосиновых и электрических ламп, вспыхивают радость и страсти, подавляемые в голодные будни. Рыбак убивает молодого торговца, который осмелился приставать в хижине к его жене. Никто за это его не осудит, ведь, по старинным законам, чистота женщины нерушима. Богиня моря каждый проступок наказывает смертью. Пока рыбаки борются с волнами и морской стихией, женщины должны молиться в хижинах о их благополучном возвращении. Если же они не сберегут невинность и чистоту, то морская богиня увлечет их мужей на дно морское.

Мне уже не видна лодка с лыком. Она исчезла за поворотом реки, но запечатлелась в моей памяти. Девушка в голубом сари напоминает мне о Карутхамме и о жизни маленьких людей в рыбачьих деревнях. Мысли' бегут вперед. До сезона чакара еще два-три месяца, и, быть может, мать девушки в голубом сари будет вынуждена продать свой латунный котелок, деньги на который сна копила целых два года.

Через несколько недель море приобретет красноватый оттенок, начнется мертвый сезон, и ни один рыбак не рискнет выйти в море. Да это и бессмысленно: в мертвый сезон он ничего не поймает.

Море простирается тогда до горизонта, красное и гладкое, и пена на волнах прибоя краснеет. Говорят, что богиня моря Каталамма в это время хворает, ее нужно успокаивать молитвами и жертвами, а не то море придет в волнение и волны высотой с гору смоют рыбацьи поселки.

Богиня моря Каталамма вездесуща, как краски и голод, а голод в рыбацких семьях привлекает на побережье ростовщика, посылает его от одной хижины к другой. Или же, словно богатый господин, он ждет посетителей в своем доме.

Я покидаю свой наблюдательный пост на мосту и иду по проселочной дороге. Все, что я вижу, справа и слева, — действительность и вымысел, как в книге «Чеммин», их не отличишь друг от друга. Молодой мусульманин в красном тюрбане, идущий мне навстречу, мог бы быть Перикутти, а девушки с корзинами на головах — сестрами Карутхаммы.

Старые легенды и кастовые законы — живая действительность, а большие перемены еще только наступают. Они придут, когда рыбаки будут выходить в море на траулерах, улов — перерабатываться на консервных заводах, расположенных на побережье, а государственные банки — давать кредиты рыбацким артелям.

Карутхамме по воле отца пришлось выйти замуж за молодого рыбака, и соседи разъяснили ей обязанности супруги. Девушка в отчаянии пошла за советом к своей тетке. В ответ ей спели старую песню о любящей, которая нарушила закон морского берега и вызвала гнев богини моря. Ураганный поток опустошил деревни, говорилось в песне, побережье надолго заполнили ядовитые змеи, а, когда рыбаки решились снова выйти в море, их лодки поглотило морское чудовище.

У Карутхаммы не было больше сил противиться старым обычаям. Она вышла замуж за молодого рыбака

Палани. Но слух о любви Карутхаммы к молодому мусульманину уже разнесся от хижины к хижине и в конце концов разрушил брак молодой пары. Мать ее умерла от горя, а отец отвернулся от дочери.

«Палани стоял в лодке и смотрел вокруг. Взбушевавшие волны потемнели. Молодой рыбак знал, что на морском дне стоит дворец морской богини... „Карутхамма!“ — крикнул он, и голос его заглушил бурю, не вызвав эха. Лодка попала в водоворот и камнем пошла ко дну. Одна-единственная звезда горит всегда в темноте, душа Арундхати, которая показывает лодочникам верный путь. Но в эту бурную ночь звезда не блестела».

Через два дня после смерти Палани прибой принес к берегу тела Перикутти и Карутхаммы.

Книга «Чеммин» навевает глубокую грусть. Она похожа на сказку, но на самом деле — это вполне современный рассказ о жизни маленьких людей в рыбацких деревушках на Малабарском побережье. Если сравнить ее с закатом солнца на мысе Коморин, то она произведет более сильное впечатление, чем угасающее зарево на небе над Индийским океаном. От этой книги исходит тихое сияние.

Она живет своей собственной жизнью. Любящие — это люди, с которыми я могу говорить, и у меня такое чувство, словно я действительно с ними встречался.

Их судьба необычна, но их любовь, бедность, сомнения и преданность старым религиозным обычаям все еще продолжают определять жизнь рыбацких деревушек на Малабарском побережье.

Деревня горшечников

Машина стоит в тени за купальней, и водитель, увидев меня, улыбается. Прогулка под знойным солнцем утомила меня, и я радуюсь, что могу наконец искупаться. На небе — отдельные белые облака, с моря веет теплый ветер. Прибой шумит, широкой полосой разбиваясь о темные скалы, слегка заливаает берег и, кружа пеной, откатывается назад. У меня такое чувство, будто после долгого блуждания я наконец достиг цели путешествия и могу побыть здесь еще несколько недель.

Два года назад я сидел ночью на террасе купальни и пил из зеленых пивных бутылок тодди-^{69}, которое мне продали рыбаки. Затем на двух стволах деревьев, связанных лыком, я отправился в серебро ночи с расколотым на две части куском бамбука вместо весел, и, когда через некоторое время оглянулся, береговые огни уже исчезли. Я повернул лодку и поплыл обратно; мне казалось, что справа от меня должна быть скала, на плоской вершине которой стоял отель, а впереди — берег. Я пытался убедить себя, что это так, по тщетно: ни огней, ни тени скалы не было видно.

Ночь с ее прозрачным блеском, со звездами и полумесяцем над беспокойными волнами вдруг перестала мне нравиться, и я пожалел, что не остался на берегу. Правда, никакой опасности не было. В худшем случае мне пришлось бы дожидаться рассвета, когда рыбаки выйдут на лодках в море. Два круглых ствола не могли пойти ко дну даже при шторме. И все же мне становилось жутко наедине с немymi рыбами, которые плавали подо мной. Я никак не мог заставить себя не вспоминать истории об акулах, которые отгрызали отважным пловцам ногу или руку.

Воздух был мягким. Западный ветер скорее усыплял, чем освежал. (Позднее я понял, что эта ночь на двух стволах деревьев, полная загадок и романтики, наедине с рыбами, была одной из самых прекрасных в Индии.) Чтобы не замочить ноги, я прижал колени к груди и стал грести сам не зная куда. Когда я оглянулся, то увидел вдали яркий свет. Мой маленький друг Рама разжег из засохших пальмовых листьев костер, запыхавший ярким пламенем.

Рама сразу же узнал меня, как только я во второй раз появился на побережье Ковалама. Он завладел моим фотоаппаратом, который стал охранять как сокровище, и пообещал к обеду лангуста длиной с руку, которого только что поймал его брат. У меня возникло такое чувство, будто бы я уезжал совсем ненадолго. Рама, кажется, почти совсем не вырос за эти два года. Он выучил несколько новых английских и даже французских слов, но в остальном нисколько не изменился. Рама рассказал, что в Коваламе недавно побывал француз, такой щедрый, что даже трудно себе представить.

— Самый лучший человек на свете!

Поразительно, что Рама с помощью своих тридцати английских слов мог выразить все, что ему хотелось. Он рассказывал целые истории, и, когда вставлял в свою английскую речь несколько слов на малайялам, я все равно его понимал.

Рама настороженно смотрел на меня своими живыми глазами и уверял, что я тоже «лучший человек на свете».

— Второй после француза, Рама!

Рама прервал меня громким смехом, все вокруг рассмеялись от души, и я тоже присоединился к ним. Я показал Рама записку с планом и объяснил, что хотел бы поехать в деревню горшечников. Рама наморщил лоб, повернулся и знаком велел своему старшему брату

перенести лодку с морского побережья на берег реки. Мы выпили у родителей Рама чашку горячего чая. Я за это время уже научился сдерживать свою торопливость, все должно идти своим чередом. Итак, я спокойно сидел в тени пальмового навеса, пока мать Рама варила для меня лангуста, который был подан на зеленом листе с рисом, овощами и острой приправой.

Тем временем Рама и его брат склонились над чертежом и яростно спорили. Я сомневался, что они поймут смысл переплетающихся линий, но Рама успокоил меня:

— Не беспокойтесь, мосье!

После обеда мы втроем направились к пруду, на берегу которого стоял наш челн.

Пахнет болотом и гнилью. В темной воде плавает коричневый остров из скорлупы кокосовых орехов. На берегу пруда на прогалине стоят плетеные ширмы, за которыми молодые женщины деревянными дубинками обрабатывают скорлупу, отделяя от нее желтое волокно. Они окружены толпой детей, которые играют и резвятся, валяясь в гудах желтого волокна. Пожилой мужчина пристает со своим челном к острову, загружает лодку замоченной скорлупой и отвозит для сушки на берег. Работа молодых женщин монотонна и тяжела. Им приходится ударять изо всех сил, чтобы отделить волокно от скорлупы. Несмотря на это, женщины улыбаются, когда мы проходим мимо, а дети с криком и смехом окружают нас. Даже Рама не в силах разогнать их.

Река извивается сквозь пальмовые джунгли. Высокие, стройные стволы с перистыми вершинами закрывают небо. Глинисто-желтая вода блестит на солнце. Глухие удары затихают где-то вдали, и нас окутывает тишина. Женщина и трое детей с корзинками на головах выходят из леса; они смело входят в воду и по невидимой тропе пересекают реку. Вот над ее

поверхностью остаются только их головы с корзинами, но потом снова становятся видны бедра, колени, щиколотки, и вот они уже безмолвно бредут дальше, по другому берегу, в джунгли.

Брат Рама повязал пестрый платок вокруг головы. Он стоит на корме и управляет нашим челном при помощи бамбукового шеста. Мы плывем вверх по течению, и у меня появляется такое чувство, словно мы парим где-то в пустоте, забыв о шумных объятиях городов. Цепь поселков окаймляет оба берега. Желтая с красноватым блеском, как и река, земля и хижины мелькают между деревьями. То тут, то там слышны голоса. Я вижу детей на берегу, которые машут нам, и женщин, стирающих белье. Рама показывает мне деревню, в которой рабочие, изготавливающие тодди, основали товарищество: его члены получают шестьдесят рупий в месяц.

Иногда нам встречаются челны, нагруженные копррой, лыком или скорлупой кокосовых орехов. Они проплывают мимо, люди в лодках обмениваются приветствиями, и снова все погружается в молчание. Иногда река становится шире, потом сужается, пальмы срastaются над ней мерцающей крышей с переплетенными листьями. Иногда тишину нарушает крик попугаев, а иногда, когда мы приближаемся к морю, кажется, что слышен далекий шум прибоя. Шумы — как воздушный поток, который касается меня, но я его не замечаяю. Мне ничего больше не хочется, как часами плыть среди джунглей, и, только заметив деревянный мост, я вспоминаю о записке Балакришны.

Рама тоже пробуждается от охватившего его очарования. Громким голосом он указывает брату путь, а тот с равнодушной миной выполняет указания. Мы проплываем по каким-то протокам и каналам, но Рама так старателен и уверен в себе, что я не решаюсь задавать вопросы. Время бежит, но я не жду с

нетерпением, что будет дальше. Я не думаю ни о вчера, ни о завтра — я просто счастлив.

Мир, который меня окружает, очень своеобразен, он тесно связан с морем и джунглями. Улов и урожай определяют жизнь деревень. Повсюду чувствуется движение и деятельность: человек овладел джунглями, как крепостью, и вытеснил из них диких зверей. Только змеи еще прячутся в своих убежищах.

Не помню, долго ли мы ехали; судя по положению солнца, полдень уже миновал. Между деревьями нависает наполненный испарениями чад, а там, куда проникают лучи солнца, — беспощадная жара. Правильно ли Рама выбрал путь? Я смирился с тем, что не увижу деревню горшечников, мне это кажется уже несущественным.

Медово-желтых птиц, пролетающих над водой, называют здесь «пожирателями пчел». Согласно легенде, это не птицы, а заколдованные солнечные лучи. Рама провожает их глазами. Вдруг он поднимает руку и указывает на причал. Когда мы вытаскиваем лодку на берег, то видим движущуюся навстречу похоронную процессию. Отойдя в сторону, мы склоняемся и складываем руки перед грудью.

Провожающие одеты в белые одежды. Четверо мужчин несут умершую — молодую женщину — к площади для сожжения. Безжизненное тело привязано к носилкам наподобие стула. На покойнице дорогое платье и украшения, словно она отправляется на праздник. В деревне горшечников принято сжигать мертвых в сидячем положении. Как только кто-нибудь умирает, родные покойника, пока никто его не видел, придают труп сидячее положение.

Встреча с похоронной процессией оставляет у меня неприятное чувство. Я не люблю вспоминать о смерти и удивляюсь спокойствию Рамы. Он скорее весел, нежели подавлен, и мне хочется знать, как он относится к

смерти. Я спросил, почему смерть молодой женщины не огорчила его, но Рама, видимо не поняв моего вопроса, ответил, что встреча с похоронной процессией — счастливое предзнаменование.

Горшечники живут на склоне холма в глиняных хижинах с каменными палисадниками и утрамбованными чистыми дворами. Мастерские с гончарными кругами и чанами, полными глины, располагаются под пальмовыми навесами. Кругом никого не видно, из трубы гончарной печи не поднимается дым. Везде, где только возможно, на солнце сушатся круглые и овальные сосуды, обожженные, с цветной глазурью или сырые, предназначенные для переноски воды и хранения пищи. Рама подводит меня к жилищу деревенского старосты. Дом стоит на возвышенности. У него зубчатая, кирпичного цвета черепичная крыша и белые, покрашенные известью стены. Староста — почтенный человек с длинной седой бородой, в круглых никелированных очках. Он приветствует меня и приглашает пройти в дом, где прохладно. Мы усаживаемся на циновку. Дверь остается открытой, и я вижу за пальмами море и небо. Староста приветствует меня в своем доме и говорит, что сегодня праздник Ганапатхи — сына Шивы и Парвати.

Рама как мой переводчик робко стоит у двери. В эту деревню еще никогда не приезжали чужеземцы с той стороны океана. Из разговора мне становится ясно, что старик — не зять Балакришны, и я принимаю решение забыть о записке с зеленой точкой.

Спустя некоторое время приходят четыре горшечника — члены панчаята. Они приветствуют меня и тоже садятся на циновку. Около дома собралась группа детей и подростков, которые с любопытством заглядывают в дверь. Старая женщина приносит чай и чапати и исчезает.

От беспечности Рама не осталось и следа, и я удивлен его неожиданным смущением. Староста предлагает мне принять участие в празднике. Сначала я хочу отказаться, но потом соглашаюсь.

После приема у старосты Рама обходится со мной с подчеркнутым почтением, и мне с трудом удастся восстановить наши прежние, дружественные отношения. Он отсылает своего брата в Ковалам, чтобы тот предупредил шофера, что мы задерживаемся.

Староста предлагает мне после обеда отдохнуть в его доме, но я предпочитаю пройтись по деревне и понаблюдать за праздничными приготовлениями. Хутора горшечников, включая белый дом старосты деревни, похожи друг на друга. Здесь почти нет разницы между бедными и богатыми, выручка от гончарного производства невелика, и, если бы не клочок земли с кокосовыми пальмами и небольшими полосками полей, за который крестьяне платят аренду, их семьям пришлось бы голодать. Хижины соединены каменными пешеходными дорожками. Заборы из пальмовых ветвей окружают ухоженные дворы. Жизнь здесь чистая и простая, и страсти охлаждает равномерность будней.

Храм с прилегающим к нему бассейном расположен на просеке. Ритуалы индусов связаны с водой и ведущими к ней каменными ступеньками лестницы. Еще в Ригведе сказано: «Вода — лекарство, вода поддерживает жизнь, вода изгоняет из тела болезни».

Сегодня ветхие лестничные ступени пусты. Я слышу удары молота и вижу на мощеной улице приближающуюся к храму процессию празднично одетых людей. Это невеста со своими родственниками направляется к дому жениха. Обычно жених следует в дом невесты, но в деревне горшечников все наоборот. Рама объясняет мне, почему.

Много лет назад молодого человека, который шел со своими родителями и родственниками к дому невесты, укусила кобра, и он умер. Тяжелая утрата была всеми воспринята как дурной знак, и жители деревни еще долго волновались. Наконец члены совета старейших спросили у брахмана, как впредь избежать несчастья. Брахман обратился к Шиве и принял его совет, согласно которому в будущем не жених должен идти в дом невесты, а невеста — в дом жениха.

Свадебная процессия проходит мимо меня, и я думаю о том, что сегодня мне повстречались и печаль и радость: безжизненное тело молодой женщины — ее голова странно покачивалась на шее, — которое несли на Площадь сожжения, и молодая, празднично одетая девушка, следующая в дом жениха. Я вспоминаю о похоронной процессии, гляжу вслед свадебной, и мне становится ясно, что здесь ни одно событие не может остаться в тайне, даже запретная любовь Карутхаммы и Перикутти.

Праздник в честь Ганапатхи начинается поздним вечером. Глава деревни встречает меня перед храмом; я должен занять почетное место на возвышении. Надо мной — черное ночное небо, звезды сверкают как море белых фонарей. Я все время смотрю вверх — это море огней кажется мне непостижимым. Пролетая ночью над Дрезденом, Москвой или Багдадом, я не видел такого количества огоньков. Небо освещено светлее, чем земля; звезды — бесконечность, которую не в состоянии воспроизвести никакое искусство, а огонь керосиновых ламп на открытой сцене, сооруженной из досок, имеет свой конец.

Станные мысли приходят мне в голову, пока я сижу на своем почетном месте. Они вызваны предстоящим прощанием с Индией, которое я чувствую особенно остро в эту тропическую ночь. Прощание не грустное и не особенно радостное. Я не верю в теорию о

затерянных уголках земли, не верю даже здесь, в джунглях, в деревне горшечников, вдали от авиационных и сталелитейных заводов Бангалура и Бхилаи. На этой планете все связано друг с другом, и у человека безграничные возможности для открытия этих взаимосвязей, даже если иногда для этого приходится возвратиться на тысячелетия назад.

Ожидая начала праздника, я вспоминаю события обоих моих путешествий по Индии и пытаюсь вывести какие-то простые формулы. Я никогда не считал Индию только «страной контрастов», как о ней часто пишут и говорят. Напротив, я видел, как Индия, несмотря на раздробленность страны, несмотря на войну с Пакистаном, несмотря на засуху и голод, за два десятилетия после освобождения стала экономическим фактором первостепенного значения для будущего человечества; я видел народ, который сегодня уже наряду с техническим оборудованием различных видов экспортирует электронные машины. Конечно, два десятилетия — только частичка пятитысячелетней истории Индии, но за это короткое время продолжительность жизни индийцев увеличилась с двадцати до сорока пяти лет — цифра, которая меня потрясла. Станные мысли волнуют меня в пальмовых джунглях, вдали от больших городов, и я начинаю понимать, что простых формул не существует.

Я слышу музыку барабана и ситар и вижу, как горшечники и их жены превращаются в богов и их возлюбленных; как они при свете керосиновых ламп танцуют, произнося слова из старой драмы; как пальмы и небо образуют своеобразные кулисы для любовной истории героя Рамы, который огромным усилием разламывает лук Шивы на две части и завоевывает этим прекрасную дочь короля — Ситу.

Ганапатхи, бог с головой слона, танцует как дьявол вокруг влюбленных, а прекрасная Сита гладит его по

голове. Вдруг из-за куста появляется злой демон и снова исчезает. Зрители, сидящие полукругом перед сценой, тяжело вздыхают. Мой маленький друг Рама с открытым ртом следит за происходящим, а молодая женщина закрывает свое лицо сари.

Глухие удары барабана, разносящиеся по джунглям, и струны ситары испуганными, умоляющими звуками предостерегают королевскую дочь. Демон в страшной маске появляется на сцене. Музыка вспыхивает вновь будоражащими душу звуками, когда демон уносит прекрасную Ситу в царство короля демонов Равана.

Я чувствую тепло, исходящее от красной земли, и, следя за драмой на сцене, у которой, кажется, нет конца, окончательно прощаюсь с Индией. Я становлюсь невнимателен и уже не могу следить за игрой. Завтра рано утром я должен быть на аэродроме в Тривандраме! Я тихонько подзываю моего маленького друга Раму и шепчу ему, что должен уходить.

До полуночи — несколько минут. Я иду к старосте деревни и благодарю его за гостеприимство.

«Намасте!» Это индийское приветствие выражает все, что я хотел бы сказать. Так, с выражением симпатии на лице, я прощаюсь с этой страной. Староста деревни показывает нам путь к берегу, Рама в глубокой задумчивости шагает рядом со мной, прибой ударяет о темные скалы. Над Индийским океаном, казалось, собрались огни всех городов мира!

Намасте!

Г. Г. Котовский

Послесловие

В Индии, как, впрочем, и в других развивающихся странах Азии и Африки, старое и новое причудливо сочетается, переплетается, пожалуй, во всех сферах частной и общественной жизни. Именно этому, старому и новому в жизни сегодняшней Индии, и посвящена небольшая книжка журналиста из ГДР В. Мейнка, предложенная в сокращенном переводе с немецкого языка вниманию советского читателя. Все, что видел и слышал автор в Индии во время своей второй поездки в эту замечательную страну в 1969 г., не дает, конечно, какого-либо целостного представления об основных ее проблемах — экономических, социальных, политических, определяющих развитие современного индийского общества. Но такой задачи и не ставил перед собой немецкий журналист. Посещая различные уголки Индии, он прежде всего стремился проникнуть в психологию «среднего индийца», неизбежно сталкиваясь при этом с формами общественного сознания, унаследованными от колониальной и даже доколониальной эпохи. Вот почему внимание Мейнка привлекли различного рода традиционные институты — в сфере экономической, социальной и культурной жизни.

Нельзя не признать, что эти институты продолжают играть весьма важную роль в жизни громадного большинства населения Индии. Объясняется это прежде всего тем, что и в настоящее время основная часть индийцев — сельские жители (свыше 80 %), из которых не менее двух третей заняты в традиционных, или, как говорят экономисты, «низших», общественно-

экономических укладах: мелкотоварном сельскохозяйственном производстве, все еще в значительной степени сохраняющем черты натуральной и потребительской экономики; в ремесле и кустарных промыслах. Да и в городах большая часть работников занята в небольших ремесленных, кустарных и мелкокапиталистических заведениях. Этим формам производства соответствуют и архаические формы торговли и кредита. Товаропроводящая система и ростовщический кредит, обслуживающие (и эксплуатирующие) мелкое производство в сельском хозяйстве и промышленности, в основном продолжают функционировать в том виде, в каком они сложились в XVIII–XIX вв.

Естественно, что отсталые формы хозяйственной жизни обусловили живучесть различного рода пережитков прошлого в надстройке, повседневном быту и сознании массы индийцев. Прежде всего необходимо напомнить здесь о роли религии в их частной и общественной жизни.

Религиозные представления (соответственно индуизма, ислама, сикхизма, джайнизма, христианства, буддизма у представителей соответствующих религиозных общин) пронизывают сознание громадного большинства населения страны. Понятия секуляризма, а тем более атеизма присущи лишь небольшой, образованной части индийского общества.

Свыше 70 % всего населения Индии исповедуют индуизм, религию, для которой характерно отсутствие церкви и организованного духовного сословия. Это обстоятельство сделало индуизм внешне как бы нейтральным к политике и способствовало сохранению его влияния на социальную организацию индийского общества. Как часто говорят в самой Индии, «индуизм не религия, а образ жизни». В то же время индуизм способствует живучести одного из самых важных и

специфических социальных институтов Индии — системы каст.

Именно эта система лучше всего приспособилась к условиям современной Индии. Более того, каста наложила значительный отпечаток не только на социальные отношения, но и на формирование классов буржуазного общества и политическую борьбу в Индии.

Хотя в современной Индии классовые и профессиональные группы не совпадают с кастовым делением общества, в то же время исследования индийских социологов показывают, что эксплуататорские классы состоят преимущественно из членов высших и средних каст (по их месту в сословно-кастовой иерархии), а трудящиеся — в основном из людей низших каст.

Так называемые «доминирующие касты» в сельской местности, то есть те, что сосредоточили в своих руках большую часть земельной собственности и охватили основную часть зажиточного крестьянства (из этой среды выходит большинство мелких и средних сельских и городских предпринимателей, представителей чиновничества, интеллигенции), используют кастовую солидарность для усиления своего влияния в органах государственного управления данного штата или округа.

Кастовая приниженность массы крестьян-издольщиков и батраков способствует усилению эксплуатации со стороны помещиков и кулаков.

До сих пор классовые конфликты в деревне проходят часто в форме кастовых столкновений; религиозные же (индусско-мусульманские) волнения, почти ежегодно вспыхивающие в тех или иных городских центрах, вызываются противоречиями между торговцами, ремесленниками и другими представителями городских «средних слоев», принадлежащих к различным религиозным общинам.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что за годы независимости в общественном сознании индийцев произошли глубокие сдвиги. Достижение Индией национальной независимости и введение системы буржуазного парламентаризма; активизация деятельности левых сил, в первую очередь Коммунистической партии Индии (КПИ), профсоюзов, крестьянских организаций; общее оживление политической активности в стране; значительные успехи в области начального, среднего и особенно высшего образования — все эти факторы сказались на известном повышении уровня политической сознательности самых различных социально-классовых слоев и групп индийского населения. В расстановке партийно-политических сил в Индии за последние годы произошли значительные изменения.

Правящая, наиболее влиятельная в стране партия, Индийский национальный конгресс (осн. в 1885 г.), партия Ганди и Неру, приведшая страну к независимости, постепенно от одних всеобщих выборов к другим (в 1951-52, 1957, 1962, 1967 гг.) теряла политическую монополию — под нажимом как левой, так и правой оппозиции. Выборы в законодательные органы семнадцати штатов в 1967 г. показали, что в девяти из них Конгресс утратил свое положение правящей партии. В штатах Керала и Западная Бенгалия, общая численность населения которых составляет примерно 60 млн. человек, были созданы коалиционные правительства левых и демократических партий с преобладанием коммунистов. Такие же правительства были созданы и в некоторых других штатах, причем в них участвовали как левые, так и крайне правые партии (например, религиозно-общинная мелкобуржуазная партия Джан сангх — Народный союз). Подобные «союзы» были противоречивы,

вызывали нестабильность политической ситуации и частую смену провинциальных правительств.

Положение осложнилось происшедшим еще в 1962–1964 гг. расколом в индийском коммунистическом движении. В коалиционных правительствах штатов Западная Бенгалия и Керала, сформированных в 1967 г., параллельная компартия составляла ведущую силу. Однако ее левосектантский курс, борьба против Коммунистической партии Индии, а также мелкобуржуазных политических сил (например, партии Бангла конгресс — Бенгальский конгресс в Западной Бенгалии) привели к развалу в 1969 г. правительств левой коалиции в этих штатах.

В. Мейнк находился в Индии в один из периодов острейшей политической борьбы. Нарастание социальной напряженности было, в частности, связано с последствиями экономического кризиса середины 60-х годов. В эти годы экономика страны переживала трудности не только из-за углубления противоречий буржуазного развития, но также и обострения диспропорций между капиталистическими и докапиталистическими укладами. Положение усугублялось спадом в сельскохозяйственном производстве, вызванным засухами 1965–1967 гг. С этого времени народное хозяйство Индии вступило в полосу затяжного замедления темпов развития, что особенно сказалось в 1972 и 1973 гг. Рост налогов, цен, инфляция, продовольственные трудности — все это ухудшало положение трудящихся. Перед Конгрессом стала вырисовываться перспектива утери позиций правящей партии.

В середине 1969 г. левоцентристская группа в руководстве Конгресса во главе с премьер-министром Индирой Ганди, осознав необходимость радикализации политики правящей партии, выступила с программой демократических, социально-экономических

преобразований. Вслед за этим последовала национализация четырнадцати крупнейших частных банков, контролировавшихся монополистической верхушкой индийской крупной буржуазии. Вопреки активному сопротивлению правого крыла в Конгрессе на президентских выборах в августе 1969 г., последовавших за кончиной президента З. Хусейна, на этот пост был избран кандидат демократических сил В. Гири.

Проба сил противоборствующих течений в Конгрессе (левоцентристского и правого крыла) завершилась к концу 1969 г. расколом партии. И. Ганди и ее группа получили большую свободу действий в осуществлении программы прогрессивных социально-экономических преобразований, получивших в 1969–1972 гг. дальнейшую конкретизацию в решениях руководящих органов партии.

В течение 1970 г. правительство приняло целый ряд важных решений, направленных на укрепление позиций государственного сектора и усиление контроля, а также некоторое ограничение деятельности крупного капитала — в сфере производства и внешней торговли. Были намечены меры, направленные на улучшение материального положения трудящихся.

Внутри Конгресса усилилось влияние сил, представлявших интересы городской и сельской мелкой буржуазии (партия на всем протяжении своей истории в новейший период, после 1918 г., представляла своеобразный «блок» буржуазных и мелкобуржуазных слоев).

Сдвиги как внутри Конгресса, так и в политике конгрессиистского руководства вызвали изменение в отношении к нему КПИ. Если на выборах 1967 г. компартия выступала против Конгресса, то после 1969 г. она заняла позицию поддержки прогрессивных начинаний правящей партии и выступала с ней единым

фронтом в борьбе с правой опасностью — блоком реакционных партий Сватантра, Джан сангх и Организация конгресса (образованной на базе отколовшегося от Конгресса его правого крыла).

На досрочных выборах в парламент в 1971 г. и очередных выборах в законодательные органы штатов в 1972 г. Конгресс, в значительной мере при поддержке КПИ, восстановил свое положение правящей партии в ряде штатов. В центральном парламенте партия завоевала абсолютное большинство и получила возможность внести поправки в Конституцию, направленные на то, чтобы быстрее осуществить выдвинутую правительством И. Ганди программу экономических и социальных реформ. Поправки ликвидировали, в частности, остатки влияния бывших правителей индийских княжеств.

Несмотря на широкую общественную поддержку прогрессивного политического курса, проводимого И. Ганди, осуществление в 1972–1973 гг. объявленной программы реформ столкнулось с новыми трудностями. Массовое возвращение в эти годы в Конгресс вышедших из него в 1969–1970 гг. сторонников правого курса привело к значительному усилению консервативного крыла правящей партии. Открытое противодействие отдельных групп индийской буржуазии усугубило экономические трудности, переживаемые страной в 1972–1973 гг.

В борьбе против торгового капитала, активно поддержанного монополиями, правительство, пытавшееся ввести в 1973 г. контроль над торговлей зерном, потерпело поражение.

Не менее сложной оказалась проблема проведения новых аграрных реформ. Еще в 50-е годы была проведена реформа так называемой «системы заминдари», в ходе которой феодально-помещичий класс Индии лишился примерно 60 % земель. В

результате этой реформы, а также законодательства об аренде феодальные пережитки перестали господствовать в системе аграрных отношений Индии. Центральной фигурой индийской деревни вместо феодально-зависимого арендатора стал крестьянин, мелкий собственник. Однако сохранение за помещиками примерно 40 % их земельных владений, глубокое имущественное и социальное расслоение в среде крестьянства, усилившееся развитие земледельческого капитализма — все это обусловило высокую степень концентрации земельной собственности.

Возраставшая социальная напряженность в деревне, организованная и стихийная борьба крестьянства обусловили проведение в 60-е годы нового этапа аграрных реформ — законодательства по ограничению максимальных размеров частного землевладения. Однако оно было составлено таким образом и проведено такими методами, что практически не привело к сколько-нибудь существенному перераспределению земельной собственности.

Директива руководства Конгресса и Центрального правительства о дальнейшем снижении «потолка» землевладения не встретила должной поддержки со стороны конгрессиистских фракций в законодательных собраниях штатов, а также конгрессиистских провинциальных правительств. Это объясняется прежде всего тем, что помещичье-кулацкая элита деревни составляет опору Конгресса во многих штатах страны, а ее интересы широко представлены в органах законодательной и исполнительной власти.

В то же время затяжка с проведением дальнейших аграрных, а также других социально-экономических преобразований несомненно вызовет новую вспышку классовых конфликтов.

Действительность современной Индии полна глубоких противоречий. С одной стороны, в стране полным ходом идет процесс индустриализации, возникает современный комплекс промышленного производства, промышленные товары, включая машины, становятся все более заметной статьей индийского экспорта. За годы независимости общий объем промышленного производства утроился, а сельскохозяйственного — удвоился. В отдельных районах страны резко улучшается агротехника земледелия («зеленая революция»), бурно развиваются научные исследования, школьное и высшее образование.

С другой стороны, большая часть населения слабо или совсем не связана с этими прогрессивными процессами в сфере экономики; большинство жителей деревни все еще неграмотны, многие дети не получают образования выше школы первой ступени и т. д.

Именно эта противоречивость индийской действительности и придает ей особый динамизм. Поэтому было бы ошибкой представлять себе быт современных индийцев принявшим своего рода застойные, неподвижные формы. Носителем нового, перемен, часто еще недостаточно отчетливо видимых, являются простые люди Индии, портреты которых с такой симпатией нарисовал в своей книге В. Мейнк. Особенно хочется отметить написанные с мягким юмором и теплотой сцены народной жизни в Гоа и Керале.

Важным признаком глубинных прогрессивных сдвигов, постепенного накопления предпосылок перехода к более высоким формам общественного развития служит возрастающая роль государства, в особенности государственного сектора, в экономике страны, внедрение планового начала, частичные антикапиталистические меры.

Все большую роль играют расширяющиеся многосторонние связи Индии с лагерем социализма — в особенности с Советским Союзом. Заключенный летом 1971 г. советско-индийский договор о мире, дружбе и сотрудничестве подвел прочный фундамент под долгосрочное сотрудничество между нашими странами.

Визит Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева в Индию в октябре 1973 г. ознаменовал начало нового этапа в истории советско-индийской дружбы, которая стала важным фактором мировой политики.

На фоне этих исторических событий общественный интерес к прошлому и настоящему Индии неуклонно возрастает. Растут симпатии советских людей к трудовому народу великой Индии.

Предлагаемая читателю небольшая работа немецкого журналиста, как мы надеемся, найдет отклик в его сердце, ибо она проникнута глубокой симпатией к Индии наших дней.

Г. Г. Котовский

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СТРАНАМ
ВОСТОКА

В. Мейнк

ПОЙМАННОЕ СОЛНЦЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. Мейнк

ПОЙМАННОЕ СОЛНЦЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1974
91 (И5)
М 45

Willi Meinck
DIE GEFANGENE SONNE
Halle (Saale) 1971

Редакционная коллегия
*К. З. Малаховский (председатель), А. Б. Давидсон, Н.
Б. Зубков, Г. Г. Котовский, Н. А. Симония*

Перевод с немецкого В. А. БОРИСОВОЙ

Ответственный редактор и автор послесловия и
примечаний Г. Г. КОТОВСКИЙ

Мейнк В.

М45 Пойманное солнце. Пер. с нем., М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974.

150 с. («Путешествия по странам Востока»),

Журналист ГДР рассказывает о современной Индии, и которой до сих пор кое-где соседствуют средневековые и современность. Читатель побывает вместе с автором в Гоа, во дворце президента Индии, на пестрых и шумных восточных базарах, в гостях у докеров и рыбаков. Описывая природу страны и ее замечательные архитектурные памятники, автор рассказывает также о социальных противоречиях и преобразованиях.

М 20901-139 136-74
013(02)-74

91 (И5)

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974.

Вилли Мейнк

ПОЙМАННОЕ СОЛНЦЕ

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *Р. М. Солодовник*

Младший редактор *М. В. Малькова*

Художник *Д. В. Озеревская*

Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Технический редактор *М. В. Погоскина*

Корректоры *Д. Я. Броун* и *М. К. Киселева*

Сдано в набор 27/IV 1974 г. Подписано к печати 9/VII 1974 г. Формат 84×108^{VS1}/₃₂. Бум. № 1. Печ. л. 4,75. Усл.

п. л. 7,98. Уч. — изд. л. 8,31. Тираж 15 000 экз. Изд. №. 3388. Зак. № 411. Цена 50 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука» Москва К-45,
Б. Кисельный пер... 4

notes

Примечания

1

На заработки (*англ.*).

Букв. «Мальчик с корзинкой» (*англ.*) — разносчик товаров.

3

Отполировать водой? (*искаженный англ.*).

4

Все течет, все движется! *(хинди)*.

comments

Комментарии

1

Кум-кум (хинди) — знак касты и замужества.

Палам — международный аэропорт в Нью-Дели (Новом Дели).

Шёнефельд — международный аэропорт в столице ГДР — Берлине.

Крыша мира — так называют Памир.

Джан-Патх (*хинди*) — букв. «Народный проспект», название одной из главных улиц (в прошлом называвшейся Куинс Уэй — Дорога королевы), радиально идущих от центральной торговой площади Нью-Дели — Коннаут-Плейс, названной так в честь герцога Коннаутского, третьего сына английской королевы Виктории, после его посещения Дели в 1920 г.

Сари — индийская женская одежда, заменяющая европейское платье; кусок ткани, который обертывается вокруг тела; в различных национальных районах Индии у женщин различных каст существуют свои, особенные способы драпировки сари, которые разнятся по длине, достигая иногда почти 9 м.

Дхоти — индийская мужская одежда, заменяющая европейские брюки: кусок хлопчатобумажной ткани, который обертывается вокруг бедер; существуют различные способы драпировки дхоти, определяющиеся национальной и кастовой принадлежностью мужчины.

Сикхи — последователи религии сикхизма; сикхи-мужчины не стригут волос на голове, которые они заплетают в косу и укладывают под тюрбан из длинного куска тонкой ткани.

Речь идет о беженцах из Тибета (после 1956 г.), а также непальцах, торгующих на Джан-Патх, вблизи Коннаут-Плейс (в лавочках или прямо на тротуаре), ювелирными изделиями и предметами прикладного искусства из Тибета и Непала.

Чандни-Чоук (*хинди*) — букв. «Серебряный рынок».

Речь идет о мужской одежде: белых, облегающих икры хлопчатобумажных шароварах и длинном, застегивающемся доверху однобортном сюртуке со стоячим воротником, — которая вошла в обиход в Индии в XIX в. «Гандистская шапочка» — хлопчатобумажная, обычно белая «пилотка», которая стала с 1930-х годов своего рода «форменным» головным убором участников национального движения, а после достижения независимости — членов партии Индийский национальный конгресс; в современной Индии широко распространена среди самых различных слоев городского населения.

«Стсйтсмен» — ежедневная газета на английском языке, издающаяся с XIX в. в Калькутте и Дели тиражом свыше 150 тыс. экз... влиятельный орган индийской монополистической буржуазии и английских дельцов в Индии.

Кхаджурахо — бывшая столица государства Чанделлов (X–XI вв.), основанная около 950 г. н. э.; развалины Кхаджурахо расположены в историческом и географической области Бунделькханд, на севере штата Мадхья Прадеш.

Орисса — штат и историческая область на востоке Индии; населен народностью, говорящей на языке ория, относящемся к группе индоарийских языков.

Панна — городок в Бунделькханде.

«Кама сутра» (на санскрите, литературном языке древней и раннесредневековой Индии, — «Наставления в искусстве любви») — древнеиндийское руководство по эротике, составленное предположительно в III в. до н. э. и приписываемое индийской традицией мудрецу Ватсьяяне.

Сахитья академи (*хинди*) — букв. «Литературная академия»; основанная в 1954 г. и финансируемая государством научно-исследовательская организация с центром в Дели, занимающаяся изучением классической и современной литературы Индии на ее различных языках. Академия также проводит работу по поощрению творчества индийских писателей — в форме литературных конкурсов, премий и т. д. Имеет отделения в различных штатах страны.

Сангит натак академи (*хинди*) — букв. «Академия музыки, танца и театра»; основанная в 1953 г. и финансируемая государством научно-исследовательская организация с центром в Дели, занимающаяся изучением истории и современного состояния театра, музыки и танца в Индии, как традиционных, так и современных, европеизированных форм. Проводит также работу по поощрению и развитию живых искусств Индии. Имеет отделения в различных штатах страны.

Тан дури чикен — вареная курица, приготовленная в соусе из красного перца, фирменное блюдо знаменитого ресторана «Моти махал» («Жемчужный дворец») в старом Дели.

Красный форт — крепость и дворец времени мусульманском династии Великих Моголов, построенный в первой половине XVII в.

Рамаяна — древнеиндийская эпическая поэма о подвигах мифического героя Рамы, созданная к середине I тысячелетия н. э.

Ригведа — собрание 1028 религиозных гимнов, древнейший памятник древнеиндийской литературы, окончательно сложившийся на рубеже II и I тысячелетий до н. э. Написана на так называемом ведийском санскрите. В Ригведе отражена жизнь арийских племен в период их миграции в Северо-Западную Индию.

Сведения, сообщаемые автором, не совсем точны. По данным «Лингвистического обследования Индии», завершено в 1920-е годы и положенного в основу классификации проводимых с 1881 г. каждое десятилетие переписей населения, в современной Индии насчитывается 179 языков (из них 110 — небольших племенных групп) и 544 диалекта. Главными, т. е. перечисленными в Конституции Индии, считаются 13 языков (ассамский, бенгальский, гуджарати, кашмири, маратхи, ория, панджаби и хинди — языки индоарийской семьи; и каннада, малаялам, тамильский и телугу — языки дравидийской семьи), на которых говорят 87 % населения страны и ведется преподавание и делопроизводство в соответствующих штатах. В Конституции Индии упомянут также санскрит — литературный язык древности и средневековья. Государственным языком считается хинди, на котором говорит крупнейшая этническая группа (свыше 100 млн.). Английский язык, согласно Конституции, сохраняет положение официального языка. используемого в делопроизводстве, среднем (третья ступень) и высшем образовании. Первоначально английский язык должен был быть полностью заменен в 1965 г. Однако в 1963 г. парламентом Индии был принят специальный закон, который продлил использование английского языка на официальном уровне на неопределенное время. В 1967 г. парламентским актом была введена так называемая триединая языковая формула, по которой в нехиндиязычных штатах делопроизводство и преподавание могут вестись на языках: местном, хинди и английском, а в хиндиязычных штатах (Уттар Прадеш,

Мадхья Прадеш, Хариана, Раджастхан, Химачал Прадеш, Бихар) — на языках хинди и английском. Правда, и в различных районах большого хиндиязычного ареала население говорит на весьма разнящихся друг от друга диалектах, некоторые из которых имеют насчитывающую длительное развитие литературу. Это позволяет исследователям рассматривать эти «диалекты» как родственную группу языков.

Языковая проблема в Индии — часть национальной проблемы и объект острой внутривполитической борьбы.

Махабхарата — древнеиндийский эпос на санскрите, составляющий своего рода энциклопедию индусской мифологии, сложившийся в первой половине I тысячелетия до н. э.

Имеется в виду шейх Абу Абдаллах Мухаммад ибн Баттута (1304–1377(78) — знаменитый арабский путешественник (уроженец Танжера, Северная Африка), объехавший значительную часть Передней, Южной и Восточной Азии. Ибн Баттута побывал в Индии в 30–40-х годах XIV в. Его записки о путешествии на Восток являются важным историческим источником.

Мнение, что индийцы не знали истории как отрасли научного знания, основывается на том, что в древней и средневековой Индии до XII в. на санскрите и других древне- и среднеиндийских языках не были созданы исторические хроники и сочинения близкого к ним жанра (кроме единственной известной кашмирской хроники на санскрите, относящейся к XI в.). Кроме того, в индийской классической литературе отсутствует датировка как произведений, так и описываемых в них событий.

Бенаресский индуcский университет — один из современных университетов Индии, находящихся под контролем Университетской комиссии при министерстве просвещения Индии. Основан в 1916 г. лидером умеренного крыла национального движения в Северной Индии Моданом Маханом Малавией. М. М. Малавия был крупным представителем традиционной индуcской образованности, отсюда и название университета, в котором с самого начала на отделении гуманитарных наук уделялось большое внимание изучению памятников индуcской религиозно-философской литературы, хотя сам университет имел светский характер.

Панч-Коши-Роуд (*хинди*) — букв. «Дорога в пять кос». Так называется улица в Бенаресе, опоясывающая часть города в радиусе пяти кос от его центра (один кос — немногим более 3 км). По индусским верованиям, всякий индус, который умрет в части города, отграниченной этой улицей, непосредственно возносится на небеса. Поэтому Панч-Коши-Роуд — одно из мест паломничества в Бенаресе.

Маникарника-Гхат — набережная Ганга, одно из трех наиболее популярных среди паломников мест для ритуального омовения; выстроена на средства правителей княжества Индур.

Гхат (*хинди*) — букв. «Ступени»; ступенчатые набережные в Бенаресе, у которых индусы совершают ритуальные омовения в Ганге.

Калькутта — от «Калигхат» (*хинди*) (букв. «Берег [богини] Кали») — название одной из трех деревень, расположенных на земельном участке, примыкавшем к выстроенному в 1696 г. Форту Уильяма — укреплениям вокруг торговой фактории, основанной английской Ост-Индской компанией недалеко от устья Ганга в 1690 г. В 1698 г. получена Компанией во владение от наваба (правителя) Бенгалии.

В Индии, особенно в глухой деревне, где еще столь сильно влияние традиционных институтов, подобное «сватовство» (без участия родителей или родственников жениха) представляется маловероятным. Встречи, и особенно вечерние прогулки, неженатого мужчины с незамужней девушкой в деревне осуждаются индусскими представлениями об отношениях полов. Вся эта романтическая история несколько «европеизирована» автором.

Джим Корбетт (1875–1955) — известный английский охотник и натуралист, почти всю жизнь проведший в Индии, где находился на службе в колониальной администрации. Автор нескольких увлекательных книг о природе Индии и охоте в джунглях, большинство которых переведено на русский язык. Здесь речь идет о заповеднике в предгорьях Гималаев.

Музей Виктории — историко-художественный музей, находящийся в обширном здании, в известной мере повторяющем архитектуру собора св. Павла в Лондоне, выстроенном в центре Калькутты как памятник английской королеве Виктории, в 1877 г. провозглашенной императрицей Индии. Музей, открытый в 1921 г., содержит произведения как индийского, так и европейского искусства, в основном английских художников, работавших в Индии. В нем экспонируется большая картина В. В. Верещагина, изображающая выезд на слонах английского наследника престола во время его посещения Индии в 1875 г.

В начале 60-х годов через Калькутту шла треть всего внешнеторгового оборота страны. По экспорту она занимает первое место среди портов Индии, по импорту — второе место после Бомбея.

Эллора — знаменитый комплекс высеченных в скалах древних храмов буддистов, джайнов и индусов, создававшийся в VI–IX вв. н. э.; расположен недалеко от одноименного местечка в округе Аурангабад современного штата Андхра Прадеш (на территории бывшего княжества Хайдарабад).

Аджанта — высеченные в скалах буддийский монастырь и храмы, знаменитые своей настенной росписью и скульптурой; датируются II в. до н. э. — VII в. н. э.; находятся около одноименного городка в том же районе, что и Эллора.

Речь идет о том, что голод 1943 г. в Бенгалии был вызван не столько нехваткой основных предметов питания из-за неурожая в Восточной Индии, сколько действиями колониальной администрации, не обеспечившей доставку продовольствия из других районов страны, и торговцев, нажившихся на народном бедствии.

Пураны — древнеиндийские сборники легенд, преданий, содержащие генеалогические списки царей древнеиндийских династий; датируются серединой I тысячелетия н. э.

Кочин — город и порт в южноиндийском штате Керала, бывшая столица одноименного княжества.

«Индиэн эйрлайнз» — название государственной компании, осуществляющей внутренние авиационные перевозки.

Речь идет о храме Сурья (бога Солнца) в Конараке (Орисса), выстроенном в середине XIII в. Храм изображал громадную колесницу, запряженную лошадьми; сохранились изваянные из камня колеса и конные фигуры.

Азад гомантак дал (*маратхи*) — Союз выступающих за свободу.

В Гоа, как и в некоторых других районах и городах Индии, в периоды острого недостатка основных продовольственных товаров вводилась система рационированного распределения зерна (риса или пшеницы) через контролируемую государством сеть продовольственных лавок.

Речь идет об основателе династии Адил-шахов, правивших в государстве Биджапур с 1490 по 1686 г., Юсефе Адил-шахе (1490–1510), при котором Гоа было частью его владений.

Аббат Фариа, Хозе Кустодио (1756–1819), уроженец Гоа, участник Великой французской революции; опубликовал в Париже трактат о гипнозе.

Такаджи Шивашанкар Пиллаи — крупный поэт и романист литературы на языке малаялам, на котором говорят в южноиндийском штате Керала.

Гёльдерлин, Иоганн Христиан Фридрих (1770–1843) — выдающийся немецкий поэт-гуманист, один из представителей романтизма в немецкой литературе.

Ормузд — крупный порт в средневековом Иране на побережье Персидского залива.

Дивали — один из главных праздников индусов в честь бога Вишну и его жены Лакшми, покровительницы каст торговцев и ростовщиков. Празднуется в течение четырех дней в октябре с иллюминацией и фейерверками.

Афонсу д'Албукерки (1453–1515) — знаменитый португальский мореплаватель и руководитель военных экспедиций в Азию, первый португальский наместник (вице-король) в Гоа (1510–1515).

Луиш ди Камоэнс (1524-1570) — великий португальский поэт эпохи Возрождения.

Утнапиштим, Ур-Шанкби — мифические герои древневавилонского эпоса.

Герберт Маркузе — американский социолог, один из главных идеологов современного «левого» ревизионизма.

Бангалур — главный город штата Майсур (Карнатак), крупный промышленный и культурный центр Южной Индии.

Законы Ману (Манавадхармашастра) — памятник древнеиндийской литературы (ок. III в. н. э.), сборник кодифицированных установлений общественной и частной жизни.

«Нью Эйдж» — еженедельная газета на английском языке, центральный орган Компартии Индии, издаётся в Дели с 1953 г.

Арундхати (Утренняя звезда) — в индийской мифологии жена мудреца Васиштхи.

Хариджан (хинди) — божий человек; так называл М. К. Г. анди членов самых низших каст — «неприкасаемых», на которых религией индуизма распространялись различные ограничения в общении с лицами из «высших» каст.

Амритсар — старинный город в Пенджабе, центр религиозной общины сикхов; известен своими ткацкими фабриками.

Речь идет о памятниках так называемой «хараппской культуры» в Северной Индии, существовавшей до вторжения туда арийских племен, т. е. в IV–III тысячелетиях до н. э.

После присоединения княжеств в 1947–1949 гг. к Индийскому Союзу их правителям были установлены пожизненные пенсии на общую сумму свыше 50 млн. рупий в год; отменены решением парламента Индии в 1972 г.

«Раштрапати бхаван» (*хинди*) — Дом президента; резиденция президента Индии, бывший дворец индийских вице-королей, выстроенный в 1931 г.

Закир Хусейн (1897–1969) — крупный общественный и политический деятель, вице-президент Индии в 1962–1967 гг., президент в 1967–1969 гг. По религиозной принадлежности — мусульманин.

Речь идет об Алигархском мусульманском университете, возникшем на базе основанного в 1877 г колледжа в Алигархе (современный штат Уттар Прадеш) Сайид Ахмад-ханом (1817-1898), лидером просветительского движения в мусульманской общине Индии. Преподавание в Алигархском университете носит светский характер, однако в нем есть специальные отделы, изучающие различные дисциплины, связанные с религией ислама. Мусульмане до 1973 г. имели специальные квоты среди студентов и преподавателей университета.

Мирза Асадулла-хан Галиб (1797–1869) — великий индийский поэт, писавший на языках урду и фарси.

Сервапалли Радхакришнан (род. в 1888 г.) — один из крупнейших современных индийских философов и историков философии, общественный и политический деятель, президент Индии в 1962–1967 гг.

Лал Бахадур Шастри (1901–1966) — видный участник национального движения, в независимой Индии крупный политический деятель, премьер-министр в 1964–1966 гг.

Резидентами называли представителей английской колониальной администрации при дворах индийских вассальных князей.

Тодди — пьянящий напиток, приготовляемый из пальмового сока